ФГАОУ ВО «СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ПОТЁМКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

С Б О Р Н И К М А Т Е Р И А Л О В

VIII Всероссийской научной конференции с международным участием

«Потемкинские чтения»

23-24 октября 2024 г.

Том 2

ПОТЁМКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

Севастополь – 2024

УДК 93/94(06)
ББК 60я431
П64

ПУБЛИКУЕТСЯ

по решению программного комитета VIII Всероссийской научной конференции с международным участием
«Потемкинские чтения».

РЕЦЕНЗЕНТЫ

М.Н. Козлов
доцент, доктор исторических наук, профессор кафедры «Всеобщая история и мировая культура» Севастопольского государственного университета

А.А. Хлевов
профессор, доктор философских наук, профессор кафедры «Всеобщая история и мировая культура» Севастопольского государственного университета

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С.Л. Данильченко
профессор, доктор исторических наук, заведующий кафедрой «История России и Основы российской государственности» Севастопольского государственного университета,
(главный редактор)

Е.Е. Бойцова
доцент, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой «Всеобщая история и мировая культура»
(заместитель главного редактора)

В.В. Хапаев
доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Всеобщая история и мировая культура», заместитель директора Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета
(заместитель главного редактора)

А.Н. Задорожная-Ремарчук
преподаватель кафедры «Всеобщая история и мировая культура» Севастопольского государственного университета (технический редактор)

А.А. Калмыкова
преподаватель кафедры «Всеобщая история и мировая культура» Севастопольского государственного университета (технический редактор)

Э.Р. Шихаметова
старший преподаватель кафедры «Всеобщая история и мировая культура», заместитель директора по образовательной деятельности Института дополнительного профессионального образования Севастопольского государственного университета (технический редактор)

П64 Потемкинские чтения : сборник материалов VIII Всероссийской научной конференции с международным участием «Потемкинские чтения», г. Севастополь, 23-24 октября 2024 года : в 2-х томах. Том 2 / под ред.: С. Л. Данильченко, Е. Е. Бойцовой, В.В. Хапаева [и др.]. – Севастополь : Севастопольский государственный университет, 2024. – 127 с.
ISBN 978-5-6052888-1-7

Сборник содержит статьи по материалам докладов участников VIII Всероссийской научной конференции с международным участием «Потемкинские чтения» по истории и археологии, международным отношениям.

Для ученых, аспирантов, студентов и всех, кто интересуется новейшими научными достижениями в области истории и археологии.

ISBN 978-5-6052888-1-7

9 785605 288817 >

УДК 93/94(06)
ББК 60я431

© Севастопольский государственный университет, 2024 г.
© Коллектив авторов, 2024 г.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ»

Орлов Е.К., Тарсуков Д.И. Десятидневная война в Словении, как начало распада Югославии 7

Кузнецов Д.А. Предпосылки российско-американских контактов в сфере ручного огнестрельного оружия в 1860-1870-е гг. 11

Корниенко В.Д. Проблемы обороны Рязанского уезда Русского царства в первой половине XVII века 14

Жарков А.О. Появление и распространение огнестрельного оружия в Европе XIV-XVI вв. 18

Николаева В.Е. Деятельность советских медработников как один из антропологических факторов выживания в условиях нацистских концентрационных лагерей 24

Шляховой О.П. Военное искусство Древней Руси IX-XII вв. 28

Орлов Е.К., Курачёв Д.И. Абхазские беспорядки 1989 года 32

Тарсуков Д.И. Югославский кризис 1991-2008. Процесс распада Югославии 35

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ БОЛЬШОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ»

Бородин И. Ю. Восстание 1418 г. и 1474-1488 гг. в контексте организационного процесса движения крестьян 38

Стоноженко А.Г. Тема патриотизма в византийском «Воинском законе» 41

Бутров Д.А. Корсунская легенда в русской историографии второй половины XIX – начала XX века 44

Кирюхин Е.Д. Херсонесские мозаики в контексте художественных традиций раннехристианского искусства 48

Флюстунова И.Н. Святилище кобанской культуры в Северной Осетии - Мидхъæу Дзуар 51

Вершинин С. Р. Формирование и эволюция парадигмы взаимоотношения Римской республики с «варварскими» народами в период завоевания Апеннинского полуострова 55

Луценко В.О. Раннехристианская мелкая пластика Боспора 60

Деев А.И. Взаимодействия Никейской империи и Таврики 62

Григоренко М.А. Византийские монеты в погребениях номадов Нижнего Подонья раннего средневековья VI-IX вв. 65

Первак А.Б. Когда христиане воевали с христианами: Четвертый крестовый поход как раскол христианского универсума 68

Белоусов И.М. Четвертый Вселенский собор. Противоречия элит. Константинополь, Александрия, Армения 72

Николаенко Е.С. Религиозная жизнь константинополя после IV крестового похода 75

Лапицкий А.Ю. Отношения Древнего Египта и цивилизаций Эгейского моря в период XVII и XVIII династий 79

Радюк Е.П. Распространение христианства и конфликт элит в позднеантичном Херсонесе..... 84

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ РОССИИ И СТРАН БОЛЬШОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ»

Шишелова В.В. Женское образование в среде бухарских евреев XIX-начала XX века 87

Стаховский Д.Ю. Деятельность Крымского конного Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полка по окончанию Гражданской войны в России 90

Немирова У.О. Историческое наследие концерна «Брокар и Ко» 93

Казак К.А. Смольный институт благородных девиц: история и педагогическая система..... 96

Калынюк Д.М. Развитие национальной украинской идеи во второй половине XIX века 102

Казак Н.А. Всесоюзное добровольное общество борьбы за трезвость как элемент антиалкогольной кампании 1985-1990 годов (на примере Крыма) 108

Карамнов С.А. Развитие российского купечества в контексте формирования капиталистических отношений на примере коломенского купечества 114

Травкин А.Л., Хлевов А.А. Родезийцы: этногенез, история, дальнейшая судьба 118

МАТЕРИАЛЫ К СПЕЦИАЛЬНЫМ ФОРМАТАМ КОНФЕРЕНЦИИ_Toc188380735

Купченко А.Р. Яковец А.И. Культурно-исторические типы Н.Я. Данилевского 122

ПОТЁМКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

СЕКЦИЯ «Военная история»

УДК 94(497.4) **DOI 10.5281/zenodo.14721995**

Орлов Е.К., Тарсуков Д.И.

ДЕСЯТИДНЕВНАЯ ВОЙНА В СЛОВЕНИИ, КАК НАЧАЛО РАСПАДА ЮГОСЛАВИИ[1]

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Аннотация. В данной статье рассматриваются причины и предпосылки начала десятидневной войны в Словении, которые привели к её отделению от Югославии и независимости в 1991 году. Также показано внешнее вмешательство в конфликт, который заключался в поддержке правительства Словении государствами Германия и Ватикан, которые признали её независимость. Словения смогла довольно быстро получить независимость от Югославии, чему способствовали политический и экономический кризисы внутри Югославии, а также внешняя поддержка руководства Словении.

Abstract. This article discusses the reasons and prerequisites for the beginning The ten-day war in Slovenia, which led to its secession from Yugoslavia and independence in 1991. It also shows external interference in the conflict, which consisted in the support of the Slovenian government by the states of Germany and the Vatican, which recognized its independence. Slovenia was able to gain independence from Yugoslavia fairly quickly, which was facilitated by the political and economic crises inside Yugoslavia, as well as the external support of the Slovenian leadership.

Ключевые слова: Социалистическая федеративная Республика Югославия, распад Югославии, независимость Словении, десятидневная война, декларация об отделении Словении, Германия, Хорватия.

Keywords: The breakup of Yugoslavia, Slovenian independence, the ten-day war, Declaration of the Separation of Slovenia, Germany, Croatia, Socialist Federal Republic of Yugoslavia.

Изучение проблематики кризиса в Югославии и начала конфликтов на её территории, в том числе Десятидневной войны занимался ряд авторов. Стоит выделить работу «История югославского кризиса (1990-2000)» Елены Юрьевны Гуськовой [3], [4], в которой автор рассматривает причины распада Югославии. Анализируются политические события в Хорватии, Словении, Боснии и Герцеговине и их роль в международной политике. В исследовании автор также уделяет большое внимание Организации Объединенных Наций, ЕС, ОБСЕ, НАТО и определению роли данных организаций в конфликтах в Югославии [3]. Доктор исторических наук Александр Серафимович Маныкин написал труд «Формирование новой системы международных отношений и югославский кризис». В данной работе автор анализирует роль поддержки руководства Германии, Австрии и Ватикана националистических движений в Словении и в Хорватии. Автор в ходе анализа приходит к выводу, что вмешательство в первую очередь Германии при поддержке

[1] Научный руководитель – Т.В. Вакулова, кандидат политических наук, доцент кафедры «История России и Основы российской государственности» ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет».

Ватикана, во внутренние дела Словении ускорили отделение и независимость Словении, а позже и Хорватии от Югославии [7]. Историк Владимир Константинович Волков написал статью в журнал «Новая и новейшая история» под названием «Трагедия Югославии» [2], где автор рассматривает начало кризиса в Югославии в рамках трудностей экономического развития и анализирует кризис в сопоставлении с экономической политикой государства в прошлые периоды, именно экономическая политика по мнению автора, впоследствии приведёт к экономическому кризису, к падению уровня жизни населения, что способствовало нарастанию недовольства жителей республик Югославии и усиливало националистические движения, особенно в Словении и в Хорватии [2].

К 1991 году ситуация в Социалистической Федеративной Республики Югославия была критической. После кризиса в странах социалистического лагеря в 1989 году, в Югославии начались процессы, которые приведут к распаду единой страны. Их можно разделить на внутренние и внешние.

Ко внутренним процессам можно отнести экономический кризис, в Югославии, который имел серьезные последствия и для Словении: около 800 предприятий находились на грани финансового краха, росло число безработных, падал уровень жизни и росло недовольство жителей Словении. Также к данным процессам относится и политический кризис в Югославии [5].

Так 11 января 1989 года на фоне экономического и политического кризисов в Югославии, создается первая оппозиционная партия Словении - Словенский Демократический Союз. А уже в мае того же года происходит принятие Майской Декларации. В ней было заявлено, что «мы хотим жить в суверенном государстве словенского народа» [8]. Что является началом процесса сепарации республики от СФРЮ.

В июле 1990 года парламент Словении принял Декларацию о независимости, где было указано, что республика будет подчиняться федеральным законам, если они не будут противоречить Конституции и новому республиканскому законодательству [10]. 23 декабря 1990 года проходит референдум о независимости, по итогам которого 1 289 369 избирателей (88,5 %) сказали «Да» независимости страны [9]. Согласно статьи 4, в принятом Законе о Референдуме по вопросу о самостоятельности и независимости Республики Словении, независимость можно было провозгласить только спустя 6 месяцев после плебесцита. Это и было сделано 25 июня 1991 года.

С сентября 1990 года Словения прекратила вносить в бюджет Югославии взносы на армию, и направляет средства в собственные формирующихся военные формирования. Были разработаны планы на случай военного вторжения ЮНА, произведена реорганизация Служба Республиканской Безопасности и Милиции.

Министр обороны Словении Я. Янша разработал «Возможные варианты отделения с военной точки зрения». Этот прогноз состоял в следующем: «1-й вариант. Отделение по договору, 2-й вариант. Попытка насильственным путем помешать отделению, 3-й вариант. Преимущественно одностороннее отделение [6].

Среди высших политических кругов Словении считался самым реалистичным вариантом именно 3-ий. Именно поэтому шло формирование новых вооруженных сил республики и милиции, которые были неподконтрольны Белграду. Но и в это же время, шли переговоры о возможном будущем Югославии, в том числе и предложения о преобразовании ее в конфедерацию.

К внешним процессам распада Югославии можно отнести поддержку независимости Словении иностранными государствами Западной Европы.

Поскольку важным элементом независимости также было международное признание. В 1991 году начались попытки поиска политического признания независимости в Западной Европе. Весной 1991 г. отделение Словении не поддерживали ни Америка, ни НАТО, ни ЕС. Но, Германия и Австрия готовы были признать независимость Словении и Хорватии. Поддерживал Словению и Ватикан, который поддерживал политику её руководства к большей самостоятельности от Югославии, а также вмешивался в дела Сербской Православной Церкви. Руководство Германии в свою очередь хотела добиться на Балканах своего экономического влияния, и была готова признать независимость Словении, независимо от исхода конфликта, которым и стала десятидневная война [7].

25 июня 1991 г., словенское руководство в соответствии с планом взяло под свой контроль границы республики и воздушное пространство, таможенные пункты, порты. На пограничных переходах с Италией, Австрией и Венгрией вся югославская атрибутика была заменена на словенскую. В ответ парламент Югославии признал акт отделения односторонним и осудил его. Руководство ЮНА получила прямой приказ - вернуть под контроль 35 пограничных переходов, аэродром Брник, порт Копер. Для этих целей выделялось около 2000 военнослужащих. В тоже время руководство Словении, Белград предупредил о начале операции и попросил содействие в восстановлении конституционного порядка. 26 июня политические элиты Словении восприняли это, как акт объявления войны [3].

27 июня 1991 г. подразделения ЮНА начали движение самым коротким маршрутом в сторону словенской границы. Чтобы успокоить мирное население, из самолетов разбрасывались листовки, в которых объяснялись цели движения войск – взять под свой контроль государственные границы, так как под угрозой находится территориальная целостность Югославии. В самой Словении к приходу ЮНА были готовы. Руководство Словении мобилизовало 35 тыс. добровольцев и резервистов территориальной обороны, отдало приказ строить на дорогах баррикады и препятствовать продвижению югославской армии. Первое столкновение произошло у Орможа. Неожиданно военные ЮНА столкнулись с ситуацией, когда все словенцы восприняли их как оккупантов [4].

28 июня Югославская народная армия установила контроль над всеми пограничными пунктами, выполнив поставленную задачу. До 21.00 происходили столкновения, в ходе которых словенцы пытались отбить посты. В 21.00 стороны договорились о прекращении огня. Несмотря на это продолжались блокада казарм, нападения на караулы и военные объекты, провокации, аресты и нападения на югославских военных.

В руководстве Сербии тем временем размышляли о дальнейших действиях. Положение в стране оценивалось как трагичное. Б. Йович и С. Милошевич все больше склонялись к мысли, что единство Югославии отстоять не получится. На закрытом заседании Совета по защите конституционного порядка 30 июня Б. Йович сказал, что, Словению следует исключить из Югославии и сосредоточиться на защите территорий в Хорватии, населенных сербами.

В Белграде около здания скупщины собрались солдатские матери и потребовали остановить войну в Словении и вернуть их детей домой. Напряжение спало только к ночи. 3 июля было заключено перемирие. 4 июля Президиум СФРЮ принял решение о возвращении к состоянию до 27 июня, потребовал возвращения всех пленных, прекращения огня.

Словения активно привлекала внешние силы к вооруженному конфликту. 5 июля была отчетливо видна позиция Германии. Выступая по радио, Канцлер ФРГ Геншер заявил, что в случае нарушения условий прекращения огня со стороны ЮНА необходимо будет поставить вопрос о признании Европейским сообществом независимости Словении и Хорватии. При этом он подчеркнул, что следует принять на специальной встрече министров иностранных дел в Гааге решение о введении эмбарго на поставки оружия в Югославию, заморозить с этой страной сотрудничество в области финансов [1].

Для мирного урегулирования конфликта в страну прислали представителей Европейского сообщества. 7 июля 1991 г. на острове Бриони они беседовали с членами Президиума СФРЮ во главе с С. Месичем, а также премьер-министром А. Марковичем, руководителями всех республик, кроме главы Сербии С. Милошевича, не приглашенного на встречу. Сербию представлял Б. Йович. В ходе многочасовых переговоров представители Евросообщества высказывали мысль о возможности отделения тех республик, которые хотят выйти из состава Югославии. Было достигнуто соглашение и принята Декларация о мирном разрешении югославского кризиса. В Декларации еще признавалось единство СФРЮ и предлагалось начать 1 августа переговоры между словенской стороной и представителями СФРЮ.

Печальным итогом этой «десятидневной войны», по данным югославских военных, было: у ЮНА 44 убитых, 184 раненых, у Словении – 3 убитых, 66 раненых [6].

Разработанный Генштабом план вывода войск из Словении был проведён 29 июля 1991 г. Республику покинули все войска и техника.

В целом, изучив события в Словении и ход десятидневной войны мы приходим к следующим выводам:

1) Словения довольно быстро вышла из состава СФРЮ. Чему способствовало положение внутри Словении, на фоне политического и экономического кризисов в Югославии, которые привели к началу десятидневной войны, самому короткому конфликту в Югославии. Также признание независимости со стороны иностранных государств, в первую очередь Германии, помогли Словении отделиться от Югославии.

2) Одним из важных факторов десятидневной войны можно назвать начало развала многонациональной югославской народной армии, распад ее по национальному признаку, дезертирство солдат и офицеров в свои республики, где они станут основой будущих национальных армий. Именно в Словении и в Хорватии начинаются первые формирования национальных вооружённых формировании из числа солдат и офицеров югославской народной армии, которые поддерживали выход своих республик из состава Югославии.

3) Началом сепарации Словении стали как внутренние факторы в виде экономического и политического кризисов в самой Югославии, которые привели к падению уровня жизни населения республик Югославии, что привело к росту недовольства населения и ещё больше усилило националистические движения в Словении, которые, и привели к развитию конфликта на её территории, также катализатором послужили и внешнее факторы. В первую очередь вмешательство Германии во внутренние дела Словении и признанию её независимости при полной поддержке Ватикана, при этом без предварительного решения вопросов о границах и национальных меньшинствах, поскольку руководство Германии, хотело расширить своё экономическое влияние, путём включения уже независимой Словении, а позже и Хорватии в зону своего экономического влияния, что в свою

очередь стало началом целой серии межнациональных конфликтов на территории Югославии, которые и приведут к её распаду как единого государства.

Источники и литература

1. Вострухов Е. Словении предъявлен ультиматум // Известия. М., 1991. 5 июля. С.1.
2. Волков В.К. Трагедия Югославии // Новая и новейшая история. № 4. 1994. С. 14.
3. Гуськова Е. Ю. История югославского кризиса (1990—2000). — Москва: Русское право / Русский национальный фонд, 2001. — 456 с.
4. Гуськова Е. Ю. История югославского кризиса (1990—2000). — Москва: Русское право / Русский национальный фонд, 2001. — 369 с.
5. Корнилов Ю. Словения: На пути выхода из федерации? // ТАСС: БПИ. М., 1991. 4 марта. С. 16.
6. Коллективная монография. Югославия в 20 веке. Очерки политической истории. Е.Ю Гуськова, А.Л. Шемякин, Л.Я. Гибианский, К.В. Никифоров. Москва: Русское право / Русский национальный фонд, 2011. – 772 с.
7. Маныкин А.С., Степанова Е. Формирование новой системы международных отношений и югославский кризис // На рубеже веков / МГУ им. Ломоносова, Белградский ун-т. 1997. - С. 77.
8. Словения. Путь к самостоятельности. Документы. М.: Индрик, 2001. – 552 с. С.106.
9. Словения. Путь к самостоятельности. Документы. М.: Индрик, 2001. – 552 с. С.189.
10. Старикова Н. Н. Словенские писатели и «бархатная революция» // Славянский альманах. — 2015. — № 1-2. — С. 222.

УДК 93 **DOI 10.5281/zenodo.14722011**

Кузнецов Д.А.

ПРЕДПОСЫЛКИ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ КОНТАКТОВ В СФЕРЕ РУЧНОГО ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ В 1860-1870-Е ГГ.[1]

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Аннотация. В статье рассматривается проблема изучения предпосылок российско-американских контактов в сфере ручного огнестрельного оружия в 1860-1870-е гг. Период российско-американских контактов, который предшествовал этому десятилетию, сыграл важную роль в последующем развитии сотрудничества. В ходе исследования было выявлено, что взаимодействие России и США до 1860-1870-х гг. оказало влияние на развитие российско-американских контактов в сфере ручного огнестрельного оружия в данный период.

Abstract. The study of the use of the experience of American gunsmiths during the re-equipment of the Russian army with new small arms draws attention mainly to the period of the 1860s and 1870s, but no less important is the period of Russian-American contacts that preceded it. It was revealed that the previous contacts between Russia and the United States had an impact on the development of Russian-American contacts in the field of handguns in the 1860s and 1870s.

Ключевые слова: Россия, США, контакты, оружие, XIX век

Keywords: Russia, USA, contacts, arms, XIXth century

При рассмотрении особенностей российско-американских контактов в сфере ручного огнестрельного оружия, необходимо обратить внимание на предпосылки этих контактов, поскольку они основаны на опыте предшествующего взаимодействия Российской империи и США. В настоящее время данной теме посвящены как зарубежные исследования (например, монография "Ружья для царя" за авторством Дж. Брэдли [5]) так и отечественные исследования (в частности статья О. Ю. Семенцова "Военно-техническое сотрудничество России и США в 1860-1870- е гг"[4]).

В рассматриваемый период отношения между странами находились на достаточно высоком уровне о чём свидетельствуют обоюдные визиты великого князя Константина Николаевича со стороны России и государственного секретаря Гая Фокса со стороны США [5].

Немаловажным является и тот факт, что в годы Гражданской войны Российская империя де-факто поддержала федеральное правительство, а не Конфедерацию Южных Штатов, поскольку для России было важно сохранение Союза [2].

Другим важным аспектом двусторонних отношений являлось то, что уже в 1840-х гг. правительство Российской империи, при строительстве железной дороги Москва-Санкт-Петербург обратилось к опыту железнодорожного строительства США, также в 1838 г., для нужд Балтийского флота, был заказан пароходофрегат в США,

[1] Научный руководитель – Ю.В. Шахин, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Всеобщая история и мировая культура» ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет».

который был построен с использованием последних, на момент его постройки, технологий [3]. И в 1840 г. он был спущен на воду и получил название "Камчатка". Исследователь И. И. Курилла отмечает, что пароходофрегат «Камчатка» показал себя с лучшей стороны на Балтике, что, в свою очередь, укрепило уважение российских сановников, а также императора Николая I, к техническому таланту американцев. Долгое время он оставался лучшим пароходом российского военно-морского флота и флагманом Балтийского флота [3].

Исходя из вышесказанного, можно рассмотреть контакты в сфере развития огнестрельного оружия между Россией и США как продолжение контактов между обеими странами в первой половине XIX в. Поэтому, когда после поражения в Крымской войне и в ходе проведения реформ Александра II, появилась проблема перевооружения российской армии новыми образцами ручного огнестрельного оружия, то правительство Российской империи обратилось к американскому опыту. Как отмечает Дж. Брэдли: "Русской армии требовался новый надежный источник обновления огнестрельного оружия, и для этого российская промышленность вступила во взаимодействие с американской, занимавшей ведущее положение во всем мире в этой отрасли и имевшей значительные достижения в разработке и производстве стрелкового оружия" [1].

Для изучения американского огнестрельного оружия и, в частности, винтовок, в США были отправлены полковник гвардейской артиллерии А.П. Горлов и штабс-капитан К.И. Гунниус. Военным министерством была поставлена цель, которая указывала на то, что результатом исследований, связанным с усовершенствованием ручного огнестрельного оружия, должно стать перевооружение российских войск новыми ружьями одной из американских систем, в которых использовались металлические патроны.

После изучения и испытания российскими офицерами американских ружейных систем, а также патронов была выбрана "винтовка системы Бердана", которая производилась на заводе С. Кольта. О. Ю. Семенцов отмечает, что винтовка Бердана обладала рядом недостатков, и необходимо было провести тщательную работу по их устранению [4]. Исходя из этого, вице-президент компании генерал Франклин предоставил российским экспертам необходимые условия для улучшения взятой за основу винтовки. К тому же, российские офицеры получили возможность участвовать вместе с членами правительственной комиссии США в испытаниях нового стрелкового оружия для американской армии. Таким образом они получили доступ к интересовавшей их информации Патентного бюро, а также установили контакты с ведущими местными оружейниками. В процессе работы вместе с Берданом, российскими экспертами были сделаны примерно 25 изменений в первоначальные характеристики винтовки, что в последствии позволило соответствовать требованиям, которые были поставлены российским Военным министерством. Среди этих модификаций стоит отметить улучшенную конструкцию затвора, новый механизм для извлечения гильз, а также уменьшение диаметра ствола.

Во время командировки Горлов также вёл переговоры о покупке станков для производства патронов для новых ружей в России. Необходимо отметить, что Дж. Брэдли приводит следующий доклад Горлова: "Горлов докладывал своему начальству в России: Г. Стантон немедленно дал полное согласие на поручение мне, от имени Американской Республики, целой серии просимых машин, для передачи российскому правительству, как знак искреннего сочувствия, которое одна страна

питает к другой" [1]. Данное обстоятельство показывает, что контакты между Россией и США уже существовали до рассматриваемого периода.

Таким образом, можно отметить, что взаимодействие российских офицеров и американских оружейников было следствием достаточно длительных продуктивных отношений двух, уходящая корнями в первую половину XIX в. и являющуюся взаимовыгодным для обеих стран.

Источники и литература

1. Брэдли Дж. Ружья для царя. Американские технологии и индустрия стрелкового огнестрельного оружия в России XIX века. СПб.: Academic Studies Press, 2022. 529 с. URL: https://siteknig.com/books/nauchnye-i-nauchno-populjarnye-knigi/istorija/page-57-315362-ruzhya-dlya-carya-amerikanskie-tehnologii-i-industriya.html (дата обращения: 19.09.2024)

2. Киняпина Н. С. Россия и гражданская война в США // Вестник Московского университета. - 1980. - Сер. 8. - № 2. - С. 40-52. - URL: https://america-xix.ru/library/kinyapina-russia-civilwar/ (дата обращения: 19.09.2024)

3. Курилла И. И. Заокеанские партнеры: Америка и Россия в 1830— 1850-е гг. [Электронный ресурс] Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. 488 с., ил (дата обращения: 19.09.2024)

4. Семенцов О. Ю. Военно-техническое сотрудничество России и США в 1860—1870 гг. // Военно-исторический журнал. - 2011. - № 10. - С. 33-38.

5. Чиркова Е. А. Американцы в России и русские в Америке: поездка по русской провинции Г.В. Фокса и путешествия великого князя Алексея Александровича по Северо-Американским Штатам // Царь и президент. Александр II и Авраам Линкольн. Освободитель и эмансипатор. 2011. - С. 119-131. - URL: https://america-xix.ru/library/chirkova-americans-russian-visits/ (дата обращения: 19.09.2024)

УДК 308 **DOI 10.5281/zenodo.14722024**

Корниенко В.Д.

ПРОБЛЕМЫ ОБОРОНЫ РЯЗАНСКОГО УЕЗДА РУССКОГО ЦАРСТВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА[1]

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, г. Рязань

Аннотация. Земли бывшего Великого княжества Рязанского, вошедшие в состав Русского царства и расположенные в сходных ландшафтных условиях, в первой половине XVII века различным образом оборонялись от нападений одного и того же противника (крымских татар). Западная часть бывших рязанских земель (1/3 территории Великого княжества Рязанского) была защищена с юга сплошной линией оборонительных сооружений (Большой засечной чертой) и имела каменные крепости. Восточная часть рязанских земель, Рязанский уезд Русского царства (2/3 территории Великого княжества Рязанского), не была защищена с юга сплошной линией оборонительных сооружений, не имела каменных крепостей. Целью исследования было выявление обстоятельств, послуживших основанием для организации обороны Рязанского уезда с определёнными локальными особенностями.

Abstract. The lands of the former Grand Duchy of Ryazan, which became part of the Russian Kingdom and were located in similar landscape conditions, in the first half of the 17th century were defended in various ways from attacks by the same enemy (Crimean Tatars). The western part of the former Ryazan lands (1/3 of the territory of the Grand Duchy of Ryazan) was protected from the south by a solid line of defensive structures (a large serif line) and had stone fortresses. The eastern part of the Ryazan lands, the Ryazan district of the Russian Kingdom (2/3 of the territory of the Grand Duchy of Ryazan), was not protected from the south by a solid line of defensive structures, had no stone fortresses. The purpose of the study was to identify the circumstances that served as the basis for organizing the defense of the Ryazan district with certain local features.

Ключевые слова: Русское царство, Рязанский уезд, Большая засечная черта, Белгородская черта, Крымское ханство.

Keywords: Russian Kingdom, Ryazan district, Bolshaya zasechnaya line, Belgorod line, Crimean Khanate.

Направление подготовки автора в магистратуре Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина: «Историческая аналитика социально-политических процессов».

Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин 10 мая 2022 года во время встречи с Павлом Викторовичем Малковым, назначенным временно исполняющим обязанности губернатора Рязанской области, сказал, обращаясь к Павлу Викторовичу: «…наверняка изучали Рязанскую область-самый центр, самое сердце России.» [1]

Таким образом в настоящее время Рязанщина воспринимается как центр русских земель, как типичная Россия. Но в недавнем прошлом, всего 400 лет назад, земля Рязанская в Русском царстве была землёй окраинной, опасной.

[1] Научный руководитель – О.Д. Попова, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России и методики обучения истории и обществознанию ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина».

После воссоединения Рязанских земель с Русским государством в 1521 году был образован Рязанский уезд, уезд делился на станы: Каменский, Кобыльский, Моржевский, Окологородный, Перевицкий, Пехлецкий, Понисский, Ростиславский, Старорязанский. На тот момент одной из житниц государства было Владимирское ополье, с площадью плодородных земель 21000 гектаров. На присоединённых Рязанских землях в первой половине XVII века в Каменском стане было 50036 четей пахотной земли (54500 гектаров), в Окологородном стане 38536 четей пахотной земли (42000 гектаров), в Старорязанском стане 20274 чети пахотной земли (22000 гектаров); в общем, только в трёх указанных станах Рязанского уезда, было 118500 гектаров пахотной земли [6].

Рассмотрим, каким образом осуществлялась оборона Рязанского уезда в составе Русского государства и Русского царства. От набегов с территории Крымского ханства страдал не только Рязанский уезд, Эти грабительские набеги были проблемой для всего Русского государства [3]. В 1521 году, с присоединением Великого княжества Рязанского к Русскому государству, начинается строительство Большой засечной черты, линии сплошных укреплений, позволяющей войскам более эффективно защищать территорию государства от грабительских набегов и от нападений больших отрядов вражеских войск. Строительство Большой засечной черты продолжалось 45 лет, до 1566 года. Масштабная реконструкция Большой засечной черты была проведена в 1638 году.

Большая засечная черта состояла из двух не связанных друг с другом линий. Восточная линия располагалась с северо-востока на юго-запад от правого берега реки Оки, от города Шацка, через город Ряжск и далее до города Скопин. Эта линия позволяла контролировать передвижения по Ногайской тропе, по дороге, служащей для ежегодных поставок скота, коней в Русское царство. Основная, центральная часть Большой засечной черты располагалась так же, как и восточная часть, с северо-востока на юго-запад, от правого берега реки Оки у места впадения в Оку реки Вожи до города Тулы, и далее на запад. К Туле с напольной стороны вели Муравский шлях, Изюмский шлях, Кальмиусский шлях [7]. Между южной оконечностью восточной части Большой засечной черты (у города Скопина) и ближайшим участком центральной части Большой засечной черты расстояние по прямой около 100 километров, на этом участке отсутствуют сплошные оборонительные сооружения. По этой незащищённой территории проходит водораздел бассейнов Оки и Дона, там проходила старая Столповая дорога. Эта территория со сложным рельефом местности, с участками выходов на поверхность скальных пород, с обилием ручьев; однако, при отсутствии сплошной линии укреплений, водораздел двух водных бассейнов в принципе представляет приемлемый путь для конного войска.

Территория Рязанского уезда в первой половине XVII века составляла около 32000 квадратных километров, около 4000 квадратных километров территории Рязанского уезда находились с русской стороны основной линии Большой засечной черты, около 28000 квадратных километров (87,5%) территории Рязанского уезда находились с польской (напольной) стороны основной линии Большой засечной черты, вне линии сплошных оборонительных сооружений. В том числе вне основной линии Большой засечной черты находились самые плодородные станы Рязанского уезда: Каменский, Окологородный, Старорязанский. Центральный город уезда, Переяславль-Рязанский, находился с напольной стороны от Большой засечной черты.

В бывших городах Великого княжеств Рязанского, не вошедших в Рязанский уезд, были построены каменные фортификационные сооружения: Тульский кремль в

1514-1521 годах, Коломенский кремль в 1525-1531 годах [2]. Из городов Великого княжества Рязанского, вошедших в состав Рязанского уезда, каменный кремль был построен в Зарайске в 1528-1531 годах, город Зарайск находился на важной в стратегическом отношении дороге, и был расположен на русской стороне по отношению к укреплениям Большой засечной черты.

В XVII веке города Рязанского уезда, расположенные с польской (напольной) стороны от линии укреплений основной части Большой засечной черты, не имели каменных (кирпичных) оборонительных сооружений. В то же время рязанский служилый город был достаточно многочисленным. По данным десятен 1648 года: дворян и детей боярских 2029, из них наличный состав 1627, лиц, по разным причинам не служащих 402 [6].

Надёжную защиту от нападений с южного, наиболее опасного направления, Рязанский уезд получил после строительства Белгородской черты в 1635-1654 годах [1]. Оборонительные сооружения Белгородской черты ориентированы в широтном направлении. От начала строительства Большой засечной черты до начала строительства Белгородской черты прошло 114 лет. Основную часть Большой засечной черты можно было исходно запроектировать в широтном направлении, от Тулы к Скопину, с сооружением линии рвов и валов на степных участках местности. Расстояние по прямой от Тулы до Скопина 134 километра, расстояние от Тулы до места впадения реки Вожи в Оку 147 километров; оба варианта расположения оборонительных сооружений требуют выполнения примерно одинакового объёма работ и не будут различаться в стоимости.

В первой половине XVII века Большая засечная черта вместо того, чтобы прикрывать территорию Рязанского уезда, отгородила территорию уезда от Русского царства. Это связано в том числе с деятельностью последнего великого князя Рязанского Ивана Ивановича. Иван Иванович унаследовал территорию, на которой впоследствии был сформирован Рязанский уезд Русского царства. В 1521 году Иван Иванович не дал своего согласия на вхождение подвластной ему наследственной территории Рязанского княжества в состав Русского государства. После отъезда в Литву в 1521 году и до своей кончины, предположительно в 1534 году, князь Иван Иванович предпринимал усилия по отделению Рязанского княжества от Русского государства, искал для этого союзников в Литве и в Крыму. В те времена личность князя прочно ассоциировалась с его княжеством, княжество (как государство) юридически воспринималось как собственность князя. До своей кончины князь Иван Иванович так и не дал своего согласия на вхождение княжества Рязанского в состав Русского государства, после кончины бездетного князя Ивана Ивановича были предприняты попытки найти его дальнего родственника в качестве наследника Рязанского князя и Рязанского княжества, целью этих действий были попытки недружественных государств помещать консолидации Русских земель. В такой обстановке территория Рязанского уезда могла стать территорией не локальных грабительских набегов, а территорией вторжения консолидированных вражеских армий. Поэтому в тот период времени строительство Большой засечной черты на границе Рязанского уезда Русского государства и основной территории Русского государства было обусловлено потребностями организации обороны всего объединённого государства.

Источники и литература

1. Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1969. 304 с.

2. Ласковский Ф. Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. 1. СПб.: Тип. Императорской акад. наук, 1858. 315 с.

3. Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в пер-вой половине XVII века. М.; Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1948. 452 с.

4. Стенограмма встречи Владимира Путина С Павлом Малковым. Интернет-ресурс URL: http://prezident.org/tekst/stenogramma-vstrechi-vladimira-putina-s-pavlom-malkovym-10-05-2022.html, доступ 15.09.2024.

5. Сторожев В. Н. Состав Рязанского дворянства по десятням XVII века. Рязань: Тип. Губернского Правления, 1891. 20 с.

6. Шиманский М. Рязанский уезд в конце XVI и в начале XVII веков по писцовым книгам. Рязань: Губернская типография, 1911. 58 с.

7. Яковлев А. И. Засечная черта Московского государства в XVII веке. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1916. 312 с.

УДК 355 **DOI 10.5281/zenodo.14722028**

Жарков А.О.

ПОЯВЛЕНИЕ И РАСПРОСТАНЕНИЕ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ В ЕВРОПЕ В XIV–XVI ВВ.

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Аннотация. В статье рассматривается появление огнестрельного оружия и его распространение в Европе в XIV–XVI веках. Появление нового вида оружия привело к значительным изменениям как в военной организации европейских государств, так и в обществе. Исследование в статье основано на базовых методологических принципах – объективности, научности, историзма, системности. В ходе исследования удалось установить основные даты и места появления огнестрельного оружия в Европе, а также основные пути его распространения. Помимо этого, были рассмотрены проблемные вопросы в данном процессе и его влияние на дальнейшее развитие военной системы европейских армий.

Abstract. The article examines the appearance of firearms and their spread in Europe in the XIV–XVI centuries. The emergence of a new type of weapon has led to significant changes both in the military organization of European states and in society. The research in the article is based on basic methodological principles – objectivity, scientific approach, historicism, consistency. During the study, it was possible to establish the main dates and places of the appearance of firearms in Europe, as well as the main ways of their distribution. In addition, problematic issues in this process and its impact on the further development of the military system of European armies were considered.

Ключевые слова: Европа, огнестрельное оружие, военная революция, порох, развитие вооружения.

Keywords: Europe, firearms, military revolution, gunpowder, weapons development.

Возникновение и распространение огнестрельного оружия в Европе в XIV–XVI веках, а также сопутствовавшие этому процессу значительные изменения в государственном устройстве, стратегии и тактике принято называть «военной революцией». Однако, несмотря на наименования «революцией», этот процесс был довольно длительным – внедрение артиллерии и ручного огнестрельного оружия в европейские армии шло очень медленно, чему способствовали скептическое отношение к новому виду оружия со стороны полководцев и военных теоретиков того времени, а также ещё сохранявшиеся устои рыцарской чести у знати, по которым убийство противника не в ближнем бою считалось проявлением трусости и неблагородства.

Источниковая база данного периода не очень велика, имеются лишь некоторые упоминания о появлении каких-либо образцов огнестрельного оружия на Руси, но подробного описания этого явления не имеется [5, 6]. Из-за неимения доступа к некоторым оригинальным европейским источникам, сведения из них в ходе исследования пришлось брать из историографии [3, 11]. В историографии данный вопрос рассмотрен более подробно, особое внимание данному процессу уделено в зарубежной историографии в рамках имевшей место дискуссии о военной революции XVI–XVII веков [8, 9, 10]. Также и в отечественной историографии данный вопрос является хорошо освещённым [4].

Проблематика появления огнестрельного оружия хоть и является предметом исследования уже достаточно долгое время, однако, вопрос точного времени и места появления огнестрельного оружия продолжает оставаться актуальным. Также немаловажно и влияние этого процесса на дальнейшее развитие армий европейских государств, так как принятие нового вооружения привело к многим изменениям в их военной организации.

Основанием для создания первых образцов огнестрельного оружия в Европе являлось появление пороха в данном регионе. Точное время появление пороха и путь его распространения на данный нет возможности определить. Исходя из имеющихся сведений, порох был известен европейцам ещё в середине XIII века [2, с. 37]. Предположительно порох прибыл в Европу из Китая, однако, как именно он попал в рассматриваемый регион сказать сложно. Можно предположить несколько возможных путей его распространения: 1) порох прибыл в Европу напрямик из Китая через европейских мореплавателей и торговцев; 2) порох появился в Европе вследствие монгольских завоеваний и непосредственного столкновения монголов с европейскими армиями; 3) порох попал в Европу через мусульманские страны, в частности через Аль-Андалус.

Как бы то ни было, порох не сразу стал использоваться в качестве материала для оружия, потребовалось время, чтобы найти применение этому веществу на поле боя. Обращение пороха шло последовательно и прошло два этапа – в XIV веке порох начали применять в артиллерии, в XV веке – в ручном огнестрельном оружии. Первые образцы огнестрельной артиллерии в Западной Европе начали использоваться более-менее регулярно со второй четверти XIV века – первое упоминание относится к 1326 году, когда флорентийская Синьория назначает мастеров на изготовление бомбард, которые в итоге были применены в 1331 году при осаде Чивидале и в 1333 году при осаде Бервика-на-Твиде [4, с. 19]. В 1338 году датируется первое применение артиллерии французской армией, в 1340 году артиллерия появляется у папской армии [4, с. 19]. В 1346 году артиллерию применили уже англичане [2, с. 36]. Исходя из описанного можно сделать вывод, что новая технология стала стремительно распространятся по Западной Европе.

Также артиллерия довольно скоро появилась в государствах Восточной Европы. У Тевтонского ордена огнестрельное оружие появилось в 1362 году [4, с. 73], у Польши и Литвы появление первых бомбард датируется 1383 годом [4, с. 73]. На Руси появление огнестрельного оружия датируется последней четвертью XIV века [4, с. 149]. Первое упоминание датируется 1382 годом, когда гарнизон Москвы использовал бомбарды против войска хана Тохтамыша. К началу 90-х годов XIV века относит первое использование огнестрельного оружия тверская летописная традиция. На Русь огнестрельное оружие попало по двум путям – с Запада (в Новгород, Псков, Тверь) и с Востока (Москва) [4, с. 149]. Вероятно, Новгородская республика получила свои первые образцы благодаря торговле в Балтийском море, в частности благодаря Ганзе. Следовательно, на Руси огнестрельное оружие попало из немецких земель. В Тверь же огнестрельное оружие также, согласно летописи, попало «из немец» [5, стлб. 444]. О восточном происхождении огнестрельного оружия в Москве можно говорить исходя из названия, данному новому вооружению именно в этом княжестве – тюфяк [6, с. 203].

На Балканах огнестрельное оружие появилось также к середине XIV века. Первое упоминание относится к 1346 году, когда при осаде Зары гарнизон использовал бомбарды [7, с. 21]. Однако, эти сведения являются не очень надёжными, так как в данном случае автор не ссылается на источник. Более

достоверными являются сведения об использовании пушек гарнизоном Котора при осаде крепости венецианцами в 1378 году [7, с. 21]. Известно об использовании Османской империей пушек в битве при Косово в 1389 году [10, с. 151]. Неизвестно каким путём огнестрельное оружие появилось у османов, можно лишь предположить, что эта технология пришла к ним либо с Востока, либо первые образцы в империю завезли итальянцы [10, с. 151].

Вместе с появлением пороховой артиллерии возникла и потребность в более мобильных образцах подобного оружия. Процесс создания таких моделей не занял много времени – первые образцы появились во второй половине XIV века. Однако, созданные ручницы не сразу заменили другие виды дальнобойного оружия в европейских армиях. Первые образцы ручного огнестрельного оружия были довольно неудобны и требовали двух человек для его обслуживания – наводчика и стрелка. Назывались эти ручницы «огневыми трубками» (нем. Feuerrohr) [1, с. 319]. Вследствие этих проблем внедрение огнестрельного оружия в войска слегка затормозило. Только в середине XV века перешли к оружию, которое мог использовать один человек [4, с. 20.]. Первые образцы стрелкового оружия имели разные названия – в Италии первые ручницы назывались скопитусами, которые позже назывались скопитами, во Франции петриналями. Одним из главных недостатков первых образцов огнестрельного оружия была сильная отдача, которую пытались перенести на другой, неподвижный предмет. Для этого ствол под дулом снабдили крюком, который во время выстрела упирался в стены или столб [1, с. 319]. Такое орудие в Германии назвали гаковницев, от которой по некоторым версиям пошло название аркебуз.

После изобретения первых образов огнестрельного оружия, оно стало значительной статьёй экспорта, вследствие чего его распространение ускорилось в несколько раз [9, с. 11]. При этом не многие страны спешили организовывать производство собственного огнестрельного оружия. Связанно это с тем, что ручницы были ещё не совершенны и имели множество проблем, вследствие чего первые образцы не всегда стремились вводить в войска. Также и после доработки ручниц, не все державы начали активно внедрять его, так как в данном случае вопрос был не только в перевооружении армии, но и в изменении самой структуры войск. Старая феодальная система сбора ополчения не могла полноценно функционировать с появлением огнестрельного оружия, вследствие чего была создана система регулярных войск. Эта новая система была дороже в содержании, посему не все государства смогли сразу перейти на неё и продолжали сохранять войска, основанные на феодальном ополчении.

Распространение огнестрельного оружия шло довольно быстро во всех частях Европы. В Западной Европе процесс распространения ручного огнестрельного оружия прошёл довольно быстро. В Италии огнестрельное оружие появилось ещё во второй половине XIV века и уже в середине XV века широко использовалось в войсках [4, с. 25]. В 1364 году магистрат Перуджи постановил изготовить около 500 ручниц, в 1381 году Аугсбург выставил 30 стрелков против франконского и швабского дворянства, в 1388 году 48 стрелков насчитывалось в Нюрнберге [1, с. 319]. С развитием ручниц и появлением полноценных орудий в середине XV века их распространение увеличилось. Все западноевропейские державы практически сразу стали приобретать эти ручницы.

В Восточной Европе ручное огнестрельное оружие появляется примерно в то же время, что и в Западной Европе. В конце XIV века ручницами обзаводятся армии Тевтонского ордена, Польши и Литвы [4, с.73]. В этом регионе огнестрельное оружие

имело те же проблемы, что и в Западной Европе, посему восточноевропейские армии из-за значительных недостатков первых образцов огнестрельного оружия не особо стремились перевооружаться на него. Помимо этого, также проблемой являлась система комплектования армии, так как польская и литовская знать, как и западноевропейская, считала новое оружие «подлым» и предпочитала использовать старое холодное оружие [3, с. 73].

Появление ручного огнестрельного оружия на Руси часто связывают с появлением стрельцов [4, с. 153]. При этом стоит понимать, что сам процесс внедрения нового вооружения был довольно длительным. Преобразования в русских войсках начались ещё в середине XV века, в ходе которых также происходило внедрение ручного огнестрельного оружия, и продлился около века [4, с. 154]. В связи с этим нельзя сказать, что процесс вооружения войск огнестрельным оружием был исключительно связан со становлением стрелецкого корпуса. Можно сказать, что появление стрельцов было завершающим этапом внедрения ручного огнестрельного оружия в русскую армию.

На Балканах, в частности в Османской империи, распространение огнестрельного оружия шло наравне с остальной Европой. При этом не вся османская армия приняла новое вооружение – янычары очень скептически относились к огнестрельному оружию и перешли на него только к концу XVI века. Также презрительно к этому новому виду оружия относились кавалеристы, на вооружение его приняли только к середине XVII века [10, с. 151].

Стоит также отметить, что процесс внедрения огнестрельного оружия в европейских армиях имел множество проблем. Каждая держава имела свои армейские традиции, а также уникальные условия в формировании войск. Говоря об армейских традициях, стоит вновь упомянуть рыцарский кодекс чести и его влияние на формирование войск в том или ином государстве того времени. Как уже было сказано, огнестрельное оружие считалось с точки зрения рыцарства неблагородным. Наряду со скептическим отношением со стороны военачальников и военных теоретиков это положение препятствовало распространению нового вида вооружения в войсках. Так, к примеру, Франция, держава с развитыми идеями рыцарства, не была особо заинтересована во внедрении огнестрельного оружия в свои войска. При этом Испания, не имевшая особых предрассудков по отношению к новому вооружению, активно внедряла его ещё в годе войны с Гранадой в 1482-1492 годах [12, с. 179]. Подобное положение характерно также для Италии и Южной Германии. В регионах, где не сложились многовековые армейские традиции, распространение огнестрельного оружия шло быстрее.

Помимо идейной составляющей войны, принятию нового вооружения нередко препятствовали материальные проблемы стран. Стоит понимать, что огнестрельные армии базировались на регулярном войска, а не на феодальном ополчении как ранее. Поддержание новой армии требовало больших затрат. Посему не все державы смогли сразу реформировать армию. Хорошим примером тому является Венгрия, которая в конце XV века создала регулярную армию, но в итоге из-за невозможности содержать её вернулась к феодальному ополчению [8, с. 58].

Подводя итоги, процесс появления и распространения огнестрельного оружия является довольно многофакторным в военной истории Европы. Само создание огнестрельного оружия было относительно быстрым процессом – в первой половине XIV века появляется огнестрельная артиллерия, а во второй половине того же XIV века изобретают уже стрелковое огнестрельное оружие. Также временные рамки распространения нового оружия в Европе не очень велики – новые образцы

практически сразу распространялись по всей Европе. При этом процесс внедрения данного оружия значительно затянулся из-за различных факторов, будь то идейных или материальных.

Довольно сложным в данном вопросе является определение чёткого места и времени появления огнестрельного оружия в Европе. Существует несколько тезисов о якобы первом применении огнестрельного оружия, которые сходятся в примерном определении периода появления огнестрельного оружия, а именно первая половина XIV века, но при этом разнятся в определении места появления.

Стоит также понимать, что огнестрельное оружия может быть вовсе не европейским изобретением, а его появление в Европе являться результатом импорта из другого региона. Об этом сложно говорить, так как пути распространения огнестрельного оружия не часто освещаются ни в источниках, ни в историографии. Также дополнительную сложность данному вопросу придаёт скудность источниковой базы по данной тематике у соседних регионов, в частности у мусульманского мира. В источниках данного региона имеются лишь малые упоминания о создании и применении нового оружия, которое по описанию напоминает огнестрельное, но при этом нигде более не упоминается. Посему определить путь появления и распространения огнестрельного оружия при нынешнем количестве сведений крайне трудно.

Также появление огнестрельных орудий серьёзно повлияло на дальнейшую военную историю региона. Заключается это влияние не только в перевооружении, а и в кардинальном изменении всей сложившейся системы. Армии стали регулярными, значительно изменились идеи фортификации, иным стало устройство кораблей и флота, сменились социальные устои – дворянство, выступавшее как главная ударная сила в войне, теперь теряло своё значение, ибо теперь самый обычный солдат с ружьём, подготовленный за пару месяцев, мог быть намного эффективнее рыцаря, который готовился к войне с самого детства. Отсюда следует и усиление влияния буржуазии, которая в итоге заменила дворян.

Источники и литература

1. Бэхайм В. Энциклопедия оружия / Пер с нем.; Предисл. А.Н. Кирпичникова; Коммент. и прилож. С.Е. Еременко, В.М. Милованов, М.Ю. Некрасов. – СПб.: АО «Санкт-Петербург оркестр», 1995. – 576 с., ил.

2. Келли Дж. Порох. От алхимии до артиллерии: история вещества, которое изменило мир / Джек Келли; пер. с англ. А. Турова. – М.: КоЛибри, 2005. – 340 с.

3. Контамин Ф. Война в Средние века / Пер. с фр. Ю.П. Малинина, А.Ю. Карачинского, М.Ю. Некрасова; под ред. Ю.П. Малинина. – СПб.: Ювента, 2001. – 416 с.

4. Пенской В.В. Великая огнестрельная революция. – М.: Эксмо, Яуза, 2010. – 246 с.

5. Полное собрание русских летописей. Т.15. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. Под ред. А. Ф. Бычкова. — СПб: Типография Леонида Демиса, 1863. — 504 с.

6. Полное собрание русских летописей. Т.20. Львовская летопись. – М.: Языки славянских культур, 2005. – 704 с.

7. Agoston G., Ottoman Artillery and European Military Technology in the Fifteenth and Seventeenth Centuries// Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1994. Vol. 47. p. 15-48

8. Black, J. European Warfare, 1494-1660 (1st ed.). Routledge. 2002. 256 p.

9. Black, J. The Cambridge Illustrated Atlas of Warfare: Renaissance to Revolution, 1492-1792. Cambridge and New York: Cambridge University Press, 1996. 172 maps and illus. + 192 p.

10. Black, J. (Ed.). War In The Early Modern World, 1450-1815 (1st ed.). Routledge. 1998. 268 p.

11. J. R. Partington - A History of Greek Fire and Gunpowder.Johns Hopkins University Press,1999. 381 p.
12. Shaw, C., & Mallett, M. The Italian Wars 1494-1559: War, State and Society in Early Modern Europe (2nd ed.). Routledge. 2018. 424 p.

УДК 94(47) **DOI 0.5281/zenodo.14722037**

Николаева В.Е.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКИХ МЕДРАБОТНИКОВ КАК ОДИН ИЗ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ ВЫЖИВАНИЯ В УСЛОВИЯХ НАЦИСТСКИХ КОНЦЕНТРАЦИОННЫХ ЛАГЕРЕЙ

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Аннотация. В нечеловеческих условиях нацистских концентрационных лагерей советские медики сыграли важную, но всё ещё недостаточно изученную роль в спасении жизней узников.

Abstract. In the inhumane conditions of the Nazi concentration camps, Soviet doctors played an important but still little-studied role in saving the lives of prisoners.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, нацизм, военные преступления, концентрационные лагеря, антропологические факторы выживания.

Keywords: The Great Patriotic War, Nazism, war crimes, concentration camps, anthropological factors of survival.

Вторая мировая война, основной и определяющей частью которой стала Великая Отечественная война, будучи самой кровопролитной и самой разрушительной в истории военных конфликтов, в корне изменила судьбы трех четвертей населения земного шара. Основную тяжесть сопротивления фашисткой агрессии принял на себя советский народ. Человеконенавистнические планы нацистов предусматривали не только захват европейской части Советского Союза, но и практически полное истребление многих народов, населяющих эту землю, прежде всего – славян.

Идея физического истребления советских граждан реализовывалась как непосредственно во время проведения боевых действий на фронтах и прифронтовых территориях, так и глубоко в тылу – система концентрационных лагерей, выстроенная со всей немецкой педантичностью, ежедневно перемалывала тысячи жизней советских военнопленных.

На территории СССР, временно оккупированной противником, имелось множество лагерей военнопленных: на Украине функционировало 106 лагерей смерти, на территории Польши их насчитывалось 24, на территории Германии – несколько десятков. Во всех, без исключения господствовали террористический режим. [1, стр.181]

Самыми страшными, признавались лагеря под открытым небом, где пленным не предоставлялось никакого жилища, и они все время находились под открытым небом при любой погоде. Не было инструментов, при помощи которых можно было бы выкопать яму или другое простейшее укрытие.

Массовое истребление военнопленных признавалось даже гитлеровским подручным Розенбергом. В одном из его писем Кейтелю от 28.11.1942 г. он писал: «*Участь советских военнопленных в Германии является величайшей трагедией…Большая часть из них умерла от голода, либо погибла в результате суровых климатических условий, болезней.*» [1, стр.181]

Пленные были лишены не только непосредственно прав военнопленных, но и примитивнейших человеческих прав на хоть какое достойное существование, включая права на элементарную медицинскую помощь. Будучи принужденными выполнять тяжелый, часто бессмысленный труд, узники теряли волю и желание жить и сопротивляться, а выполнение изуверских приказов лишало их малейшей надежды на спасение. В этих нечеловеческих условиях узники концлагерей постоянно боролись за сохранение собственной идентичности, которая подвергалась жесточайшему давлению со стороны нацистов.

И именно в таких условиях стал проявляться невероятный феномен – **в лагерях, где присутствовали пленные медицинские работники процент выживания повышался в разы, в подобных лагерях существовало организованное сопротивление и часто совершались побеги.** Во всем этом, активное и самое непосредственное участие принимали медицинские работники, рискуя своей собственной жизнью.

Из воспоминаний защитника Севастополя краснофлотца Лисняка Демида Нестеровича, попавшего в плен 2 июля 1942 года в районе 35 Береговой батареи (воспоминания записаны сыном, Лисняком В.Д., публикуются впервые):

«*…Немцы делали все, чтобы сломить всяческий дух сопротивления наших военнопленных. Отец понял, что в таких условиях может долго не протянуть, т.к. раны, контузия и болезнь давали о себе знать. Дизентерия и тяжелый труд истощала и обезвоживала организм.*

Немцы боялись больных дизентерией и при первой же возможности от них избавлялись. Поэтому приходилось терпеть из последних сил. Отцу в плену рассказывали наши бойцы, как немцы, захватив наш госпиталь, который находился в районе Карантинной бухты, забросали раненых гранатами, когда узнали, что у многих была дизентерия. Лечить раненых они не собирались.

Питание в концентрационном лагере Шталаг–326–VI–K Штукенброк было рассчитано на то, чтобы пленный постоянно ощущал голод и умирал медленной мучительной смертью. На почве систематического недоедания у большинства пленных появились голодные отеки. Нормы питания не обеспечивали и половины потребностей для нормального существования человека.

Силы отца в лагере таяли с каждым днем. На его счастье, он в один из дней попал в лагерный лазарет на освидетельствование (острая боль в животе, подозрение на аппендицит). Вопрос стоял о жизни и смерти. После лазарета он мог быть просто расстрелян, если бы его признали нетрудоспособным. Немцы с пленными не церемонились. Если у пленного возникали какие-то проблемы со здоровьем, то его, как правило, расстреливали.

В лазарете лагеря работал один наш военврач (фамилии его отец не запомнил). Он помог моему отцу «выбраться» в Дортмундский пересыльной пункт, а затем в лагерь 552 фирмы «Август Виктория».

После войны отец пытался узнать о судьбе этого замечательного патриота-врача. Оказалось, что этот военврач помог не одному отцу. Немцы подозревали его в помощи военнопленным. Это воспринималось ими как сопротивление насаждаемой в лагерях дисциплине. После очередной попытки побега группы наших военнопленных из лагеря Шталаг-326 (VI-K), немцы заподозрили военврача в причастности к побегу и арестовали его. Они долго издевались над ним, а затем повесили вниз головой. Так погиб этот замечательный человек и настоящий патриот.» [2]

Как только узник в тяжелейших условиях, а часто в безвыходных ситуациях концлагеря, получал простое человеческое отношение и заботу по отношению к себе, у него практически всегда появлялись силы и желание сопротивляться. Оказывая внимание, пленные врачи возвращали узника к полноценному осознанию, что он человек.

4 июля немцы взяли в плен измученных последних защитников Севастополя, среди них был Владимир Лельчицкий – в будущем известный врач-пульманолог, кандидат медицинских наук. Осенью 1942 года после отправки в Шталаг N364, который находился в г. Николаеве, военврач II ранга Лельчицкий стал главным врачом концлагерного лазарета. Именно здесь была организована группа, связанная с действовавшим в Николаеве антифашистским подпольем.

Ставя военнопленным ложные диагнозы, доктор Лельчицкий спасал их от угона в Германию. Он также подбирал надежных людей из числа военнопленных, которым затем устраивались побеги из лагеря.

Из воспоминаний В.Н. Лельчицкого:

«4 июля 1942 г. почти все участники последних чрезвычайно тяжелых боев за Севастополь попали в гитлеровский плен. <...> Начался длительный период тяжелых, весьма мучительных моральных и физических мытарств. <...> Меня как украинца отправили в лазарет при лагере для обслуживания раненых и больных в качестве врача-терапевта. Через 3 месяца врачи лазарета назначили меня помощником главного врача лазарета, укомплектованного советскими военнопленными. <...>

В начале 1943 г. военнопленный доцент Шапошников Иван Григорьевич находился в качестве переводчика при лазарете. Мы нашли друг в друге общие намерения и идеи, и я был включен в подпольную группу в качестве ближайшего помощника руководителя подпольной лагерной группы И.Г. Шапошникова. Кроме нас, в лагерную группу входили Гаджиев Ахмед Али (доцент-хирург), Петров Александр Михайлович (врач), Адамов Мамед Мусаевич (врач). Мы проводили агитационную работу среди военнопленных против вступления их в различные немецкие формирования, снабжали военнопленных советской литературой и газетами, организовывали побеги из лагеря, в основном офицеров<...>За период с июля 1943 г. до марта 1944 г. под руководством И.Г. Шапошникова и Ю.М. Тарасова нам удалось организовать побеги из лагеря свыше 20-ти военнопленным. <...>

В николаевский лагерь для военнопленных немцы привезли десятки тысяч жителей Днепропетровской, Кировоградской, Херсонской и Николаевской областей. Для выявления среди них негодных по состоянию здоровья для работы в Германии немецкий врач предложил выделить врачей из лазарета. По согласованию с И.Г. Шапошниковым я выделил врачей А.М. Петрова и М.М. Байрамова. <...> За неделю мы забраковали и этим освободили от угона в Германию свыше двухсот здоровых советских граждан.

<...> Несчастных людей гнали пешком по пыльным дорогам, в результате чего у многих из них вследствие запыления отмечались покраснения глаз (конъюнктивит) - я представлял этих людей как больных трахомой. Диагноз "трахома" пугал немца, и он даже избегал прикосновения с этими "больными".

Кроме того, я отбирал людей обросших, с сединой в бороде, завышал их возраст на 15-25 лет и представлял их как стариков, в результате чего они получали гриф о негодности.

Некоторым худощавым, бледнолицым я предлагал жаловаться на кровохарканье, тут были и лица, у которых отмечалась кровоточивость десен, - я

заставлял их насасывать кровь и выплевывать в присутствии немецкого врача. И эти "туберкулезные" освобождались.

В середине марта 1944 г. к нам в лазарет доставили 3-х раненых советских летчиков гвардейского авиаполка, которые на самолетах бомбили Варваровский мост и были сбиты, немцами. Как правило, из нашего лазарета советских летчиков гитлеровцы увозили на допрос, а затем расстреливали их.

Я решил во что бы то ни стало задержать этих летчиков в лазарете. У одного из них на животе были ссадины. Я договорился с хирургом Петровым, чтобы, он подтвердил мой диагноз "перитонит". Немецкий врач был очень молодым, и я успокоил Петрова тем, что он малознающий. Затем я проинструктировал этого летчика - как он должен симулировать свой "перитонит". Представляя больного немецкому врачу, я сообщил, что у данного больного перитонит. Хирург Петров подтвердил мой диагноз, тогда немец отбросил одеяло и начал ощупывать живот, но едва он коснулся рукой живота летчика, тот сильно вскрикнул и застонал. Немец согласился с диагнозом и оставил его... Осмотрев второго летчика, немец заметил, что у него легкое ранение мягкой ткани бедра и его можно направить на этап (понимай - расстрел). Я тотчас же заявил, что у летчика повышенная температура, по-видимому, у него сыпной тиф. Немец приказал немедленно перевести его в сыпнотифозный барак. Я перевел летчика в сыпно-тифозное отделение и дал указание врачу, чтобы тот поместил его среди выздоравливающих (для безопасности), завышал у него температуру.» [3, л. 65-85]

Приведенные выше примеры интересны, прежде всего, своей малоизвестностью, однако события, описанные в них, совсем не редкость – узники концлагерей, которым удалось выжить, оставили сотни свидетельств о том, какую важную роль в их спасении сыграли медицинские работники, во многих случаях они называли врачей чуть ли не главными спасителями своих жизней.

Антропологические факторы выживания в условиях немецких концентрационных лагерей включают в себя психологические и духовные аспекты, которые позволяли людям сохранять надежду и смысл жизни даже в самых экстремальных условиях. Эти факторы были критически важными для выживания. Внутренняя сила узников строилась на основе ценностей, убеждений и способности поддерживать связь со смыслом жизни. Самосознание помогало людям сохранять свою человечность и достоинство, а умение находить смысл в простых моментах доброты и поддержки других людей сохраняло надежду и стремление к жизни даже в самых тяжелых условиях. Роль в этом работников медицины - представителей одной из самых гуманистических профессий, воистину невозможно преувеличить.

Источники и литература

1. Алексеев Н.С. Злодеяние и возмездие: Преступления против человечества. / Н.С. Алексеев – М.: Издательство «Юридическая литература», 1986. – 400 с.
2. Воспоминания Лисняка В.Д. о своем отце. // Архив МИМК героическим защитникам Севастополя "35-я Береговая Батарея".
3. Партархив Николаевского обкома КПУ, ф. 10, оп. 1, д. 41.

УДК 94(47).02 **DOI 10.5281/zenodo.14722050**

Шляховой О.П.

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО ДРЕВНЕЙ РУСИ IX-XII В.[1]

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Аннотация. Целью этой статьи является рассмотрение эволюции военной мысли Древнерусского государства посредством рассмотрения военных походов русских князей, совершавших их в пределах Руси и за её границами. Установление причин походов и эволюции военного ремесла. Русские князья вели масштабные военные компании против Хазарии и печенегов на востоке, а также против соседствующих с Русью не славянских племён и установление контроля над славянскими и не славянскими племенами с целью обложения их данью. Причиной такой агрессивной внешней политики Руси – служила зависимость Руси от экономического контроля над торговыми путями, и добычей основного товара Руси, пушнины. Военное дело державы развивалось из-за относительной бедности государства весьма консервативно и не имело широких возможностей для собственной модернизации, что вынуждало князей прибегать к решению своих проблем, не прибегая к обновлению структуры дружины, но используя уже имеющиеся ресурсы для победы.

Военное искусство рассматривается исследователями вопросами лишь через призму военной эффективности, и они зачастую упускают главную цель военных походов. «Насилие не просто волевой акт, но действие требующие весьма реальных предпосылок». Следовательно, для проведения завоевательных и иных походов должны быть веские причины, которые толкнут людей на применение насилия, то есть совершение акта военной агрессии. Военное дело Руси крайне скудно освещается в письменных источниках, и основные сведения поступают из «Внешних» источников, как правило Византийских. Военные походы князей составляли крайне важную часть русской истории, но в источниках зачастую упоминается лишь факт их свершения.

Abstract. The purpose of this article is to consider the evolution of the military thought of the Ancient Russian state by considering the military campaigns of the Russian princes who carried them out within Russia and beyond its borders. Establishing the causes of campaigns and the evolution of military craft. The Russian princes waged large-scale military campaigns against the Khazars and Pechenegs in the east, as well as against non-Slavic tribes neighboring Russia and establishing control over Slavic and non-Slavic tribes in order to impose tribute on them. The reason for such an aggressive foreign policy of Russia was Russia's dependence on economic control over trade routes, and the extraction of Russia's main commodity, furs. The military affairs of the state developed very conservatively due to the relative poverty of the state and did not have wide opportunities for its own modernization, which forced the princes to resort to solving their problems without resorting to updating the structure of the squad, but using existing resources to win.

The art of war is considered by researchers only through the prism of military effectiveness, and they often miss the main goal of military campaigns. "Violence is not just an act of will, but an action that requires very real prerequisites." Consequently, there must be good reasons for conducting conquests and other campaigns that will push people to use violence, that is, to commit an act of military aggression. The military affairs of Russia are extremely poorly covered in written sources, and the main information comes from "External" sources, usually Byzantine. The military campaigns of the princes formed an extremely important part of Russian history, but the sources often mention only the fact of their accomplishment.

Ключевые слова: Русь, ладья, штурм, фортификации, походы.

Keywords: Rus, rook, assault, fortifications, hiking.

[1] Научный руководитель – М.Н. Козлов, доктор исторических наук, профессор кафедры «Всеобщая история и мировая культура» ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет».

Русь располагалась в зоне экстремального земледелия, из-за чего плодородность земли была крайне низкой, что вынудило сначала призванного на княжение Рюрика, а затем и его потомков обеспечить контроль над речными торговыми путями. Укрепление господства династии Рюриковичей на территории Руси началось с продвижения князя Олега в южнорусские земли по реке сплавляясь на кораблях. Из-за особенностей местности, отсутствия дорог и общей бедности населения и общей неразвитости военно-инженерного дела единственными доступными к использованию руссами методов штурма оставалось «Обкладывание» - подразумевавшее разорение городских окрестностей с последующим подходом к деревянным укреплениям и попыток их поджога при активном сопротивлении гарнизона, или же его выход из-за стен с последующим решением судьбы города победителем. Но, из-за общей нераспространённости деревянных укреплений в IX веке – препятствием служил высокий земляной вал и частокол, а порой и вовсе отсутствие каких-либо укреплений, кроме созданных природой, взятие которых возможно было посредством нанесения быстрого и решительного удара, опирающегося на эффект внезапности. Этот метод штурма будет оставаться на Руси основным вплоть до 1382 года – когда состоялось первое применение артиллерии при обороне Москвы от хана Тохтамыша. Князь Олег взял Киев посредством внезапного штурма с предварительным выманиванием князей Аскольда и Дира с последующим их убийством и стремительным проникновением дружины в город. После регент Игоря: Олег организует масштабный поход на Царьград, в который согласно сообщению летописца были призваны все племена, находившиеся в вассальной зависимости от него, а также племена южных славян – хорваты и дулебы. Войско выдвинулось на двух тысячах кораблях, что как указывают Беззаконов и Жих является чрезвычайным преувеличением со стороны летописца. Так-как в таком случае численность войска идущего только со стороны моря составляла бы восемьдесят тысяч человек, а общий объём выплаты со стороны Византии «По две гривны на уключину» вынудил бы Восточный Рим разорится, так-как в таком случае войско Русов получило бы выплаты в размере 16480 тонн серебра при условии что масса гривны составляет двести четыре грамма, а общая численность экипажа каждой ладьи доходила до предельных сорока человек. Беззакоов и Жих считают более реалистичной цифрой восемь тысяч человек. Что является более правдоподобным. Судьба же сухопутной части похода, двинувшейся на конях, сообщаемой Нестором – остаётся неясной так-как упоминается лишь факт её отправки в бой. Е.А Разин в своей книге «Войны Древней Руси от походов Святослава до сражений Александра Невского» указывает на эффективное взаимодействие между флотом руссов идущим вдоль берега и координации его действий с кавалерии. Но источников подтверждающих это нет, кроме Повести временных лет описывающей поход Олега на Константинополь, но в ней не упоминается судьба сухопутной части войска выступившей верхом на конях. Кроме того, указание им на выдвижение флота руссов вдоль берега, а значит использование ими кабельтового мореходства указывает на то, что флот князя мог подвергнуться удару со стороны Византийского флота, так-как передвижение большого числа кораблей совместно с кавалерийской армией могло быть достаточно легко вскрыто Византией, что было совершено во время похода Игоря. Поэтому эта теория является в общей мере не состоятельной. После смерти князя Олега воцарился Игорь, не внесший каких-либо новшеств в военное дело и в конечном счёте был оставлен дружиной в землях древлян. Оставление дружиной князя. При упоминании Нестором жалоб младшей дружины на старшую, которой руководил

варяг Свинельд, о их богатстве и бедности младшей, также делает возможной теорию предательства дружины во время сбора налогов с древлян в двукратно большем размере чем было установлено ранее. Причиной этому может служить нарушение князем обязательств перед младшей дружиной по разделению военной добычи или же невыплату оговорённого жалованья.

Правление князя Святослава отметилось стремительными походами, которые были направлены на решение экономических проблем, возникших в период правления его отца – Игоря. Князь с первоначальной экспансией державы руссов на восток, против Хазарии. Сообщение летописца о честном, открытом сражении между преимущественно пешей дружиной Святослава с преобладающе конным войском хазар с одержанием победы в нём войска князя Киевского является несостоятельным, ввиду невозможности пешей армии при всём её упорстве противостоять пешей. Вероятно, Святослав Игоревич воспользовался методом, который был многократно испытан славянскими племенами. Внезапный штурм ключевых хазарских городов, располагавшихся на реках с их разорением и отступлением на ладьях. Это объясняет почему Русь после уничтожения Хазарского каганата не расширила свои владения, исключая включение в состав Руси города Белая Вежа на его территорию ограничившись подчинением славян, плативших дань кагану. Последующий развал каганата обеспечил безопасность Волжского торгового пути, служившего ещё одним источником поступления средств в казну Руси, но ликвидация одной восточной угрозы сменило её на другую. В год 968 пришли половцы, застав Русь врасплох внезапной осадой Киева. Однако упоминание в летописи разговора между воеводой Претичем и половецким князем указывает на наличие отношений между руссами и половцами в более ранний период, чем упоминается летописцем приход половцев. В это время князь Святослав Игоревич обосновался в Болгарии, в городе Переяславце «…Беря дань с греков». А вероятнее со славянских племён, живших на территории подконтрольной Византии. После возврата в Киев Святослава он начинает готовиться к новому походу на Переяславец желая перенести туда столицу Руси. Его слова указывают на высокую зависимость государства руссов от торговли. «…Хочу жить в Переяславце на Дунае - там середина земли моей, туда стекаются все блага…». Князь считал, что расположение новой столицы Руси на Дунае обеспечит государству бесперебойное поступление средств так – как: по его мнению, город замыкал собой всю торговлю между Западом и востоком. Понимания возможный провал своего похода князь оставляет двух наместников Ярополка в Киеве и Олега у древлян. Святослав переоценивает свои силы, старшая дружина во главе со Свинельдом бросает князя возвращаюсь на Русь. Князь же погибает при попытке вернуться на родину от рук половцев.

Правление князя Владимира ознаменовалось установлением тесных отношений с Византией посредством взятия Корсуни и применения им инновационного для Руси метода – высокой земляной насыпи, которую защитники города посредством подкопа постоянно просаживали. Город был взят лишь благодаря перебежчику Анастасию Корсуньскому. Город был лишён поставок пресной воды, и он вскоре капитулировал. Но город не был разорён, так-как его уничтожение могло привести к значительному ухудшению отношений с Восточной Римской империей, а следовательно она могла отказать князю Владимиру в выдаче парфирородной царевны и крещении князя с его дружиной. Также в период правления князя Владимира разворачивается масштабное строительство вдоль рек отделяющих лесную Русь от степной системы деревянных фортификаций

опиравшихся на традиционные для Руси высокие земляные валы, что значительно затрудняло приступ крепостей, в особенности для степных народов – дравшихся всегда верхом и не имевших обширного опыта сражения в пешем строю. Эти укрепления были направлены на сдерживание половцев, но вероятно они были малочисленны так – как во время битвы на Стугне 1093 года русское войско было разбито на переправе, что указывает на отсутствие возле неё крепости гарнизон которой мог бы осуществлять посильную поддержку обстрелом половцев на противоположном берегу реки давая возможность наступающим на половцев объединённых княжеских войск развернуться и сформировать строй.

Половецкая угроза была устранена Владимиром Мономахом посредством переноса войны на землю половцев в наименее благоприятное для кочевых народов время года: зиму. По мнению Грачёва стремительные удары и уничтожение половецких стойбищ было возможно благодаря наращиванию численности тяжёлой кавалерии в русской дружине. Что опровергается низким уровнем развития сельского хозяйства и ориентацией русской экономики X-XI веков на экспорт, при отсутствии импорта продуктов питания в зимний период – ставит под вопрос эту теорию. Более вероятным является скрытный подход войск Владимира к половецким стойбищам, ведь войска князей ещё ни разу не выходили в великую степь. А половцы в зимнюю пору боевых действий не вели, а следовательно дозоры вокруг стойбищ либо отсутствовали, либо были чрезвычайно слабыми. Чем и воспользовался Владимир нанеся существенный урон половцам существенно ослабив их.

Источники и литература

1. Беззаконов С.Н, Жих М.И Поход русов на Константинополь 860 г.: проблемы исторической географии и логистики // Исторический формат. - 2021.
2. Грачёв А.Ю Особенности развития военной организации Руси в рамках противостояния кочевым племенам степи (X - начало XII вв.) // Псковский военно исторический вестник. - №2
3. Кирпичников А.Н Древнерусское оружие копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени – 1-е изд. – М:Наука, 1966
4. Кирпичников А.Н Древнерусское оружие мечи и сабли IX-XIII вв. . - 1-е изд. - М: Наука, 1966.
5. Коваль В.Ю // «Военно-исторический журнал». - 2021. - №4. - С. 77.
6. Коваль В.Ю Реконструкция фортификаций Древнерусского Киева // Вестник Половецкого государственного университета. - 2023. – серия А.
7. Мартынов Ю.В Древо-земляные укрепления Южной Руси X-XIII веков . - 1-е изд. - М: Полигон, 2009. - 41 с.
8. Муравьёва Л.А Экономическое развитие Древнерусского государства // Страницы истории. - 2004. - №23
9. Носов К.С Русские крепости и осадная техника VII-XVII вв.. - 1-е изд. - СПБ: Полигон, 2002
10. Повесть временных лет. - 1-е изд. - СПБ: Азбука
11. Раппопорт П.А Древние Русские крепости. - 1-е изд. - М: Наука, 1965.
12. Ф.Энгельс Военное дело общетеоретические проблемы оперативно-стратегические и военно-технические вопросы. - 2-е издание изд. - М: URSS, 2023.

УДК 94(479.224) Абхазия **DOI 10.5281/zenodo.14722064**

Орлов Е.К., Курачёв Д.И.

АБХАЗСКИЕ БЕСПОРЯДКИ 1989 ГОДА

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Аннотация. В статье исследуется этап комплексного межнационального кризиса в Абхазии и особенности его развития на данном этапе. Показаны факторы, которые активизировали общество республики к «социальному взрыву» и проблемы его предотвращения.

Abstract. The article examines the stage of the complex interethnic crisis in Abkhazia and the features of its development at this stage. The factors that have activated the republic's society towards a "social explosion" and the problems of its prevention are shown.

Ключевые слова: Абхазия, Грузия, неформальные общественные организации, постсоветское пространство, ассимиляция, абхазское письмо.

Keywords: Abkhazia, Georgia, informal public organizations, post-Soviet space, assimilation, Abkhazian writing.

Наличие противоречий межнациональных противоречий на постсоветском пространстве определяет актуальность данной работы. Особенностью их становится борьба за сохранение национального самосознания и языка. Насаждение и ассимиляция со стороны господствующего народа неизменно ведёт к стремлению национальных окраин к сецессии как способа противодействия национально-культурной ассимиляции. Грузино-абхазский конфликт и абхазские беспорядки как прецедент «социального взрыва» дают комплексное позволяют выработать комплексное понимание на постсоветском пространстве, а также причин приведших к изменению границ.

Конец 1980-х гг. ознаменовался для Закавказья трагичными событиями. Исследователь М.В. Бабаян в контексте данных событий обращает внимание на «Абхазское письмо», направленное в Москву от Народного Форума Абхазии в 1988 году. Письмо содержит в себе сводный нарратив по положению Абхазии в составе Грузии в статусе автономии и его неприемлемость. Авторы письма проводят последовательную линию протеста против того, что Грузинская ССР ведёт политику ассимиляции народа Абхазии затрагивая такие сферы как экономика (вводя условия продовольственной зависимости от Грузии и СССР), наука и образование (всячески выводя из обихода абхазский и русский языки в образовательных учреждениях), административная (не позволяя абхазам полноценно реализовать самоуправление в собственной республике). За чем и следует вывод – что Абхазия должна получить статус самостоятельной республики с правом на самоопределение в соответствии с конституцией 1925 г. При этом авторами допускается вхождение Абхазии в РСФСР.[1] М.В. Бабаян приходит к выводу, что данное письмо стало «спусковым крючком» этнического конфликта.[2].

Комплексный межнациональный кризис в Абхазии неукоснительно ведёт к развитию протеста среди абхазов и противодействия им грузин, что и находит своё

воплощение в полулегальных организациях в 1989 г. Их деятельность приобретает провокационный характер. Катализатором активизации данного процесса становится Лыхнёвский референдум, в ходе схода 18 марта 1989 г., организованного Народным фронтом Абхазии, выдвигается публичное обращение об выходе Абхазии из Грузинской ССР.

В ответ общество Ильи Чавчадзе планирует 11 марта митинг в населённых пунктах Бзыбь и Гадаута. Народный фронт Абхазии - «Айдгылара», распространяя протестные лозунги и собирая людей абхазской национальности на предполагаемых местах проведения мероприятий, срывает митинг, однако, не предотвращает его, так как он переносится и уже 1 апреля 1989 г. около с. Бзыбь случается столкновение грузинской и абхазской молодёжи. Грузинская молодёжь, введя в заблуждение оппонентов, проводит митинг в Гадауте, после чего возвращается с митинга на автобусе «Икарус». Абхазская молодёжь ставит себе задачу задержать митингующих и учинить расправу, перекрыв трассу и задержав транспорт, создав затор на дороге, дождавшись прибытия автобуса «Икарус» с грузинской молодёжью в с. Бзыбь. Причиной такого исхода следствие отмечает халатность местной милиции, которая игнорировала указания на предотвращение стычки. На следующий день, 2-го апреля, начинаются несанкционированный сход со стороны грузин, растянувшиеся до 10-го апреля, парализовавший производство и образовательный процесс в школах. В вопросе обострения конфликтной ситуации сыграла заметную роль газета «Авангард», которая становится рупором неформальных объединений без апелляции к какой-либо стороне, все вышеперечисленные организации оказывали влияние на газету. В связи с накаляющейся обстановкой, студенты–грузины требуют открытия филиала Тбилисского государственного университета в г. Сухуми, для того чтобы обезопасить себя и преподавательский состав, который стремятся отправить в отставку своими требованиями студенты–абхазы. Верховный Совет Грузинской ССР удовлетворяет их запрос: «По требованию сухумских студентов – грузин 14 мая состоялось решение Совмина Грузинской ССР об открытии в г. Сухуми филиала Тбилисского госуниверситета. Грузинское население Абхазии 26 мая отметило также узаконенный правительством Грузинской ССР День восстановления государственности Грузии. Все эти акции вызвали недовольство части абхазского населения, которая считает 26 мая 1918 года днем установления меньшевистского правления в Грузии, ущемившего интересы абхазов, а открытие филиала ТГУ в г. Сухуми – незаконным. 21-22 июня абхазы проводят митинги против открытия филиала ТГУ в Сухуми. 7 июля в зале филармонии на встрече с руководством республики некоторые молодые люди стали угрожать «устроить вторую Фергану, если 12 июля не будет порядка!». Уверенность абхазов в правильности их действий стал поддерживать и Верховный Совет СССР, считающий нецелесообразным создание филиала в Сухуми. Мнение депутатской группы было опубликовано 12 июля в газете «Советская Абхазия». В ответ же грузинские студенты требуют опубликовать в газете «Сабчота Абхазети» комментарий с решением администрации филиала (созданного решением правительства Грузии) продолжать работу. Выпуск газеты дважды подвергается саботажу со стороны абхазов 12-13 июля. Вокруг Типографии и здания филиала ТГУ собираются возмущённые люди и уже 14-го скапливается 1500 абхазов препятствующих приёму документов. В противовес им собираются грузины на перекрёстке улиц Карла Маркса и Проспекта Мира. В ночь на 15 июля обстановка накалилась до придела. Примирительные призывы партийных руководителей, советских органов и МВД Абхазии оказались четны. Милиции удаётся эвакуировать

большую часть членов приёмной комиссии, но 4 человека остались по своей воле в здании филиала. С утра до вечера школа №1 оказывается в полной блокаде абхазов, после которой они врываются в неё. Дальнейшие события выливаются в массовые беспорядки, переходящие в вооружённые столкновение и организацию взрывов, поджогов, штурмы местных органов власти, складов боеприпасов, ЖД путей как в пределах Сухуми, так и распространяясь по всей республике [3]

Согласно данным прокуратуры СССР следуют такие данные по жертвам, в ходе беспорядков в Абхазии: «В результате столкновений на почве межнациональных отношений и других преступлений в период 15-18 июля 1989 года в Абхазской АССР пострадало 495 человек, в т. ч. 366 грузин, 104 абхазов и 25 человек других национальностей. 15 июля пострадало 172 человек, 16 июля – 175 человек, 17 июля – 51 человек, 18 июля – 11 человек, после 18 июля – 14 человек.» [3]

Сам факт крупных беспорядков в Абхазии свидетельствовал об достижении точки невозврата в межнациональной розни между грузинами и абхазами по причине пролитой крови, взаимной ненависти, а также захваченного оружия.

Подводя итоги, можно выделить то, что «Абхазское письмо» не смотря на отсутствие в его содержании призывов к беспорядкам, поднимая лишь вопрос о повышении статуса Абхазии от автономии до самостоятельной союзной республики, стараниями неформальных общественных организаций становится идейной основой стихийных выступлений и эскалации межнационального конфликта в республике.

Абхазские неформальные организации вели провокационную и подстрекательскую деятельность, разжигая межнациональную рознь, так же пользовались связями в МВД Абхазии, часто родственными, для достижения своих целей в ходе расправ над оппонентами. Данное обстоятельство нелестно характеризует как местные республиканские власти, так и центральную власть СССР, так как именно МВД должно было предупредить и пресечь межнациональные стычки и беспорядки, соответствующие проверки начинают вестись после стабилизации ситуации внутренними войсками.

Из вышеперечисленного следует, что Сухумские погромы пусть и не были спланированной акцией и имели стихийный характер, но имели чёткую идейную и организационную основу. Данное событие, станет для Абхазии ключевой точкой бифуркации, которая повлечёт за собой новый виток грузино-абхазского противостояния и переход от “холодной стадии” противостояния, во времена Советского Союза, к “горячей стадии”, вылившейся в грузино-абхазский вооружённый конфликт 1992-1993 гг.

Источники и литература

1. Абхазия в советскую эпоху: Т. I: Абхазские письма (1947-1989): Сборник документов / Сост. И. Р. Марыхуба. Сухум: Издательский центр «Эль-Фа», 1994. 527 с.

2. Бабаян М.В. Роль «Абхазского письма» в этнополитических событиях в Грузинской ССР 1989 г./ М.В. Бабаян // Вестник Московского университета. 2018. № 1. С 66-74.

3. Из истории грузино-абхазского конфликта: документы и материалы / Сост. Д. Т. Ачугба / Под ред. А. Ф. Авидзба. Сухум: Абгосиздат, 2016. 248 с.

УДК 94(497.1) «История Югославии и Сербии» DOI 10.5281/zenodo.14722068

Тарсуков Д.И.

ЮГОСЛАВСКИЙ КРИЗИС 1991-2008. ПРОЦЕСС РАСПАДА ЮГОСЛАВИИ

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Аннотация. В данной статье рассматриваются причины возникновения югославского кризиса, его последствия для региона и международных отношений. Югославский кризис, начавшийся в 1991 году, является одним из наиболее значимых в истории Балканского полуострова. Данный кризис привел к распаду Социалистической Федеративной Республики Югославии и возникновению новых независимых государств на её территории. В ходе кризиса произошли этические конфликты и серия войн, которые требовали вмешательства международного сообщества и роли ООН.

Abstract. This article examines the causes of the Yugoslav crisis, its consequences for the region and international relations. The Yugoslav crisis, which began in 1991, is one of the most significant in the history of the Balkan Peninsula. This crisis led to the collapse of the Socialist Federal Republic of Yugoslavia and the emergence of new independent States on its territory. During the crisis, ethical conflicts and series of wars that required the invention of the international community and the role of the UN.

Ключевые слова: Югославский кризис, Хорватия, Словения, гражданская война, югославская народная армия, военные операции НАТО, Босния и Герцеговина, армия освобождения Косово.

Keywords: The Yugoslav crisis, Croatia, Slovenia, civil war, Yugoslav People Army, NATO military operations, Bosnia and Herzegovina, Kosovo Liberation Army.

Югославский кризис 90-х годов XX в. являлся следствием резкого обострения межреспубликанских и межэтнических противоречий в Социалистической Федеративной Республике Югославии. СФРЮ была самым крупным государством Балканского полуострова, состоявшим из шести республик: Боснии и Герцеговины, Македонии, Сербии (с автономными краями Воеводина, Косово и Метохия), Словении, Хорватии и Черногории [1].

Распад государства стал результатом и следствием стратегии отдельных этнополитических элит, стремившихся к власти в своих республиках в условиях ослабления центральной власти. Военные предпосылки для начала вооруженных конфликтов на этнической основе были заложены в особенностях вооруженных сил СФРЮ, состоявших из регулярной армии и сил территориальной обороны, которые находились в ведении республиканских, то есть местных органов власти, что позволяло руководству республик создавать свои собственные вооруженные силы [1].

Первый этап югославского кризиса (конец июня 1991 г. — декабрь 1995 г.) Это был период гражданской войны, в результате которой произошел распад СФРЮ.

25 июня 1991 г. Словения и Хорватия решением своих парламентов заявили о полной самостоятельности и выходе из состава СФРЮ. Эти действия не получили признания правительства Югославии. Гражданская война в Югославии началась со Словении. На ее территорию были введены подразделения Югославской народной армии (ЮНА). Это спровоцировало вооруженные столкновения со словенскими

военизированными формированиями, длившиеся до 3 июля 1991 г. В результате переговоров осенью 1991 г. войска ЮНА покинули Словению [2].

В Хорватии в связи с непримиримостью позиций сербов и хорватов относительно государственного статуса сербонаселенных районов на территории республики в период с июля 1991 г. по январь 1992 г. велись крупномасштабные боевые действия, в которые была втянута на стороне сербов ЮНА. В результате боевых действий погибло около 10 тыс. человек. В декабре 1991 г. было создано независимое государственное образование — Республика Сербская Краина (РСК), лидеры которой выступали за ее выход из состава Хорватии [5]. Вслед за Словенией и Хорватией в ноябре 1991 г. о своей независимости заявила Македония. Боевые действия при этом в Македонии не велись.

Вооруженный конфликт в Боснии и Герцеговине (весна 1992 - декабрь 1995) принял крайне ожесточенный характер столкновений сербов, хорватов и мусульман. Мусульманское руководство в союзе с лидерами хорватской общины, игнорируя позицию сербского населения, провозгласило независимость Боснии и Герцеговины. На ее территории были сформированы самостоятельные государственно-этнические образования - Сербская Республика и Хорватская Республика Герцег-Босния - с собственными вооруженными формированиями [4].

27 апреля 1992 года было провозглашено создание Союзной Республики Югославии (СРЮ) в составе Сербии и Черногории, руководство которой объявило ее правопреемницей бывшей СФРЮ [1].

В 1994 г. в конфликт на стороне боснийских мусульман вмешались США в лице НАТО. Военные операции НАТО, проводимые в 1994-1995 гг., привели к ликвидации военного превосходства боснийских сербов в конфликте. Были проведены бомбардировки с воздуха по обьектам боснийских сербов. Республика Сербская Краина перестала существовать. 1 ноября 1995 г. в Дейтоне (США) начались переговоры с участием президентов Хорватии Ф. Туджмана и Сербии С. Милошевича, а также лидера боснийских мусульман А. Изетбеговича. В результате переговоров были приняты Дейтонские соглашения, официальное подписание которых состоялось 14 декабря того же года в Париже, закрепившие процесс распада Югославии [1].

Второй этап (декабрь 1995 г. - 1999.). Это период проведения Дейтонских соглашений под руководством НАТО и под наблюдением ООН.

Третий этап кризиса. Этот период связан с албанским экстремизмом в автономном крае Сербии - Косово и Метохии, ознаменован агрессией ВС НАТО в 1998-1999 гг. против суверенного государства под предлогом защиты албанского населения и международного гуманитарного права. В 1996 г. была сформирована «Освободительная армия Косово» (ОАК), которая взяла курс на провоцирование конфликтов с сербской полицией. Весной 1998 г. ОАК развернула открытую террористическую деятельность против сербов. В свою очередь Белград усилил свое военное присутствие в Косово. Начались военные действия [2].

Военная операция НАТО «Союзническая сила», продолжалась с 24 марта по 10 июня 1999 г. Целью этой операции было нанесение поражения вооруженным силам СРЮ, разрушение ее военно-экономического потенциала, подрыв политического и морального авторитета Югославии. Блок НАТО фактически вел войну на стороне албанских экстремистов, и ее результатом стали не предотвращение гуманитарной катастрофы и защита мирного населения, а увеличение потока беженцев из Косово и жертвы среди мирных граждан [3].

Четвертый этап. (2001-2008) Это период эскалации вооруженного конфликта в 2001 году на территорию Республики Македонии, а также новый всплеск насилия со стороны албанских экстремистов против сербского населения в Косово и Метохии в 2004 году [1].

Под давлением НАТО македонское правительство было вынуждено сесть за стол переговоров с экстремистами. 13 августа в Скопье было подписано соглашение, по которому предусматривалось прекращение огня. 4 февраля 2003 г. перестала существовать Союзная Республика Югославия, на ее месте возникла Сербия и Черногория. Но и это государство просуществовало недолго: 21 мая 2006 г. в Черногории прошел референдум о независимости, по итогам которого 3 июня 2006 г. Черногория провозгласила себя независимой республикой [2].

Независимость Республики Косово от Сербии была провозглашена 17 февраля 2008 г. 22 июля 2010 г. Международный суд ООН признал законность этого решения. Тем не менее Косово является частично признанным государством: например, Россия, выступая с поддержкой Сербии как братского государства, не признает независимость республики. Косово также не является членом ООН [2].

Нужно также добавить, что ходе вооруженных конфликтов на территории бывшей СФРЮ только за период с 1991 по 1995 г. погибло 200 тыс. человек, более 500 тыс. было ранено, число беженцев и перемещенных лиц превысило 3 млн человек [1]. Таким образом постепенно Югославия как единое государство в ходе ряда конфликтов на её территории перестала существовать.

Источники и литература

1. Гуськова Е. Ю. История югославского кризиса (1990-2000). Москва: Русское право / Русский национальный фонд, 2001. 720 с.

2. Кузнецов Д. В. Югославский кризис: взгляд сквозь призму общественного мнения. М.: УРСС, 2009. 344 с.

3. Степан Месич. Как развалилась Югославия = Kako je srusena Jugoslavija. М.: Альпина Паблишер, 2013. 400 с.

4. Коллективная монография. Югославия в 20 веке. Очерки политической истории. Е. Ю. Гуськова, А.Л. Шемякин, Л.Я. Гибианский, К.В. Никифоров. Москва: Русское право / Русский национальный фонд, 2011. 900 с.

5. Пивоваренко А.А. Хорватия: история, политика, идеология. Конец 20-начало 21 века. Санкт-Петербург. 2018. 408.с.

СЕКЦИЯ «История и археология Большого Средиземноморья в древности и средневековье»

УДК 94 (520) + УДК 94 (520.2) **DOI 10.5281/zenodo.14722076**

Бородин И. Ю.

ВОССТАНИЕ 1418 Г. И 1474 – 1488 ГГ. В КОНТЕКСТЕ ОРГАНИЗАЦИОННОГО ПРОГРЕССА ДВИЖЕНИЯ КРЕСТЬЯН[1]

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Аннотация. В данной статье исследуются события от восстания 1418 г. с употребление инцидентов 1428 – 1429 гг. и 1441 г., для уточнения вопросов подвижек в организации крестьян. Но акцент в первую очередь направлен на событие 1474 – 1488 гг., где наблюдается переход от обычного крестьянского движения к приобретению организационно религиозного окраса. Данный изменения в дальнейшем окажут весомый шаги в организационном развитие движения крестьянства, и приобретение им крестьянско – религиозной формы.

Abstract. This article examines the events from the uprising of 1418 with the use of incidents of 1428 -1429 and 1441, to clarify the issues of progress in the organization of peasants. But the focus is primarily on the event of 1474 -1488, where there is a transition from the usual peasant movement to the acquisition of an organizational and religious color. In the future, these changes will have a significant impact on the organizational development of the peasantry movement and its acquisition of a peasant–religious form.

Ключевые слова: Восстание 1418 г., Кага – икки 1474 – 1488 гг., басяку, икко – икки:, храм Хонгандзи, Рэннё:, крестьянство.

Keywords: The Uprising of 1418, Kaga – ikki 1474-1488, basyaku, ikko – ikki:, Honganji Temple, Rennyö, peasantry.

События, обсуждаемые в данной статье происходящие в Японии периода Муромати (1338/36 – 1573 гг.), не являлись чем-то удивительным или без прецедентным. Но та частота волнений, охватывающая провинций как вблизи столицы, так и её саму. Во многом убеждала очевидцев событий в неизбежности «конца времён» («маппо:»).

Что касаемо мятежных движении то восстание «басяку» в 1418 г. организованная так называемыми возчиками в чью деятельности входило перевозка риса, почты и другого груза. Основные действия происходят в непосредственной близости со столицей Хэйанкё:. Большую ясность о географическом распоряжении и об течение основных событий имеются, в сохранившихся источниках. В возчики из Оцу[2] около несколько тысяч захватили святилище Гион, при этом подготовили

[1] Научный руководитель – А.А. Хлевов, профессор, доктор философских наук, профессор кафедры «Всеобщая история и мировая культура» ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет».
[2] Предположительно данный населённый пункт расположен в провинции Оми.

микоси[1] и разожгли костры из домов, находящихся в непосредственной близости со святилищем. Микоси им было необходимо для шествия до храма Эммёдзи, официально принятым виновником деятельности возчиков. Их обвиняли в проблемах по продаже риса, притеснениях со стороны дорожных застав и неправильных действиях. Также возчики отправили свою жалобу правительству с угрозой, при отсутствие какой-либо реакции. Сжечь святилище Гион, в итоги Бакуфу неуверенное в решение вопроса с помощью силы[2] решило пойти на уступки [1, с. 158].

С точки зрения организации можно наблюдать объединение людей, связанных одной профессии и вероятно из одного поселения. Методы, использованные для достижения целей – демонстративный захват святилища, использование костров с целью психологического воздействия (а в дальнейших восстаниях для подачи сигнала) и отправление жалобы правительству. В дальнейшем в инцидентах 1428 – 1429 гг. и 1441 г. основной движущей силой являлись крестьяне из различных провинции. Они также использовали схему захват святилища или храма, с целью использования как для обороны, так и вылазок в столицу. Оба восстания находились вблизи столицы или в ней. Цели прямо касаются отмены задолженности («токусэйрэй») и затрагивает социально – экономическую сферу жизни крестьян – спровоцированной деятельностью храмов, ростовщиков и сакэйя. К тому же прибавляется голод, эпидемия, смерть сёгуна Асикага Ёсимоти (1386 – 1428 гг.) и императора Сёко (1401 – 1428 гг.) [2, с. 7 и 9]. В случае с первым инцидентом, далее восстание 1441 г., аналогичным образом, как и прошлое волнение, связанно с долгами и требованием их отменить это касалось как налогов («нэнгу») и задолженности [3, с. 288 – 289].

Далее в следующем восстание в Кага 1474 – 1488 гг., мы встречаем изменения в организации крестьянского движения. Связанного непосредственно с возникновением религиозной составляющей в лице секты «дзё:до синсю:» (школа «Истинной Веры Чистой земли»). Так события происходят во время войны «Онин – Буммэй» (1467 – 1477 гг.). Провинция Кага превращается в сферу борьбы между двумя братьями из семьи Тогаси – Масатика (Западная коалиция) и Юкитиё (Восточная). Первый брат Масатика объединяет свои силы с семьёй Асакура и «икко: - икки»[3]. Для последних первопричинами, вероятно, служат налоговый поборы, реквизиций, грабительский набеги и т.д. В свою очередь Масатика же обещал влиятельным представителям, «дзё:до синсю:» в случае завоевания статуса управителя пр. Кага – организацию защиты и покровительство школе «Истинной Веры Чистой земли».

В итоги Юкитиё был повержен, из любопытного на его стороне выступала ответвление от Синран («дзё:до синсю:») – секта Такада, являющиеся одним из главным конкурентов за последователей для храма Хонгандзи. Что до Масатика он в итоги не выполняет часть своей сделки, последователи «дзё:до синсю:» (и не только они) отказываются платить «нэнгу» (владельцам поместий) в 1475 г. Далее последователи «дзё:до синсю:» помимо неподчинения «сюго и дзито», проявляют не

[1] Микоси обычно использовался как паланкин для перевозки ками и для проведения церемонии в синтоистские праздники.

[2] На такое решение повлияло присутствие так называемых «жителей кавара», изгой.

[3] Крестьяно – религиозное движение основной массой, которой вступают крестьяне различные по социальному статусу являющиеся последователями «дзё:до синсю:». В контексте восстания в пр. Кага 1474 – 1488 гг., важно подчеркнуть сложность в установки всех участников волнения в социально – экономической и религиозной принадлежности. Поэтому можно утверждать лишь об присутствие среди оных последователей в значительном количестве «дзё:до синсю:».

уважительное отношение к «синтоистским бога и другим буддийским школам» [4, с. 45 – 46]. В связи с этим 8 – й верховный патриарх храма Хонгандзи, Рэннё: к школе, которой и относили последователей «дзё:до синсю:». Выпускал правила для оных с целью сгладить ситуаций с общественностью (но тщетно). В том же году Тогаси Масатика при помощи силы разбивает «икко: икки:». Но судя по событиям 1482 г. Масатика не сумел их добить т.к., можно обнаружить сведения об: «неслыханных прежде беззакониях: пренебрегают правильным законом Будды, уничтожают изображения будд и свитки сутр, разрушают синтоистские святилища и буддийские храмы, утверждают мир без будды… превращают Кага в провинцию без сюзерена» [5, с. 164].

Далее 1487 г. Тогаси Масатика принимает участие в походе Асикага Ёсихиса против Сасаки Такаёри, но последователи «дзё:до синсю:» воспользовавшись ситуацией, активизируется. Что приводит к возращению Масатика в пр. Кага и его смерти[1] в 1488 г., примечательно что по мимо сил «Кага – икки» к ним на помощь, пришли аналогичный силы из провинций Эттю и Ното [5 с. 162 - 166].

Подытоживая, можно сказать, что от выступлений «людей одной профессии» в 1418 г., и некоторых единичных восстаний крестьян вроде 1428 – 1429 гг. и 1441 г. В пр. Кага 1474 – 1488 гг., можно наблюдать появление религиозной составляющей в крестьянских волнениях. В дальнейшим участие последователей «дзё:до синсю:» и организация их в «икко: икки:», будет устойчивым явлением представляющим из себя значительную силу в Японии периодов Сэнгоку (1467 – 1573 гг.) и Адзути – Момояма (1573 – 1603 гг.). При этом как можно наблюдать последователи «дзё:до синсю:» во многом действовали самостоятельно. И как уже было упомянуто даже деятельность 8 – мого верховного патриарха храма Хонгандзи – Рэннё:, на них мало как влияла.

Источники и литература

1. В. Ю. Климов. Некоторые особенности восстания возчиков 1418 г. // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XVIII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). 1983–1984. Часть I. Москва: ГРВЛ, 1985. 157 – 162 с.

2. В. Ю. Климов. Народные волнения 1428–1429 гг. в Японии // Труды Института восточных культур и античности. Выпуск XXXIX. /История и культура традиционной Японии 4. М.: РГГУ, 2011. 7 – 33 с.

3. The Cambridge History of Japan, Vol. 3: Medieval Japan / Edited by Kozo Yamamura. – London.: Cambridge University Press, 1990. 712 p.

4. Правила, регламентирующие поведение японских адептов буддийской школы «Истинной веры чистой земли» во второй половине XV в.// Четвертые востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга. Доклады, статьи, публикации документов. СПб., 2011. 38 – 55 с.

5. В. Ю. Климов. Восстание верующих секты «икко» в провинции Кага в Японии (1474–1488 гг.) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XVIII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). 1983–1984. Часть I. Москва: ГРВЛ, 1985. 162 – 167 с.

[1] Совершил «сэппуку» в замке Такао, который осаждали мятежники.

УДК 94(495) **DOI 10.5281/zenodo.14722092**

Стоноженко А.Г.

ТЕМА ПАТРИОТИЗМА В ВИЗАНТИЙСКОМ «ВОИНСКОМ ЗАКОНЕ»[1]

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Аннотация. В статье изучена тема отображения патриотизма в византийском «Воинском законе». В результате работы с источником сделан вывод, что патриотические элементы, содержащиеся в тексте, можно условно разделить на два вида: предписывающие воинам служить Родине в тяжелые для империи времена и те, что показывают преданность и справедливое отношение василевса к своему народу в целом и к войскам армии в частности.

Abstract. The article considers the question of the patriotic ideals in the Byzantine «Nomos Stratiotikos». The analysis was carried out on the basis of extant historical sources. It was concluded that patriotic elements can be conditionally divided into two types: those that prescribe soldiers to serve the Motherland in difficult for the empire times and those that show the dedication and fair attitude of the Basileus to his people in general and to the army in particular.

Ключевые слова: Восточная Римская империя, Византия, патриотизм, воинский закон, Эклога.

Keywords: Eastern Roman Empire, Byzantium, patriotism, Nomos Stratiotikos, Ecloga.

Столь актуальное в наше время понятие «патриотизм» следует трактовать как любовь к Родине, готовность защищать её свободу и служить её интересам. Нередко объектом проявления патриотизма является само государство в лице монарха или чиновников: оно закрепляет эти идеи единой системой законов и общественной дисциплиной.

Тема любви к Отечеству наиболее ярко раскрывается в трудные периоды жизни общества и страны – в особенности в условиях экзистенциальной угрозы. Патриотические настроения в обществе, равно как и понимание каждым воином своей роли в служении Родине и осознание им уровня личной ответственности за выполнение требований военной службы [1, с. 98], – одни из решающих факторов в победе над врагом, о чем неоднократно свидетельствовала как отечественная, так и мировая история.

На протяжении всей истории Восточной Римской империи основополагающая роль отводилась именно армии. Особо примечателен в данном контексте так называемый «Воинский закон» [2] – приложение к «Эклоге» Льва III, содержащее нормы права, регулирующие поддержание дисциплины в армейской среде. Беспрецедентная справедливость и доступность содержащихся в тексте закона предписаний – то, что позволяет с уверенностью говорить о пиетете государства в отношении рядовых воинов и их командования.

Одной из главных задач этого нормативно-правового акта является стремление побудить стратиотов уважать и исполнять приказы вышестоящих чинов: запреты на неподчинение еще в самом начале документа прописываются в соответствии с действующей военной иерархией. За организацию заговора против

[1] Научный руководитель – В.В. Хапаев, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Всеобщая история и мировая культура» ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет».

архонта, а также рукоприкладство в его отношении, стратиоту выносится высшая мера – отсечение головы. Стоит отметить, что все заговоры в целом пресекаются ради соблюдения порядка в войске и благополучия страны: «Организаторы беспорядков или подбивающие народ против службы родине либо подлежат отсечению головы, либо, будучи подвергнуты телесным наказаниям, изгнанию» [2, с. 248].

Справедливое отношение императора к представителям всех ступеней военной службы, безусловно, проявляется и в беспристрастности законов. Заслуженного наказания следует ожидать не только стратиотам, но и их непосредственным начальникам. Например, воин, совершивший ошибку не зная распоряжения, считается невиновным; в то время как декарх понесет наказание, поскольку он «не научил его [стратиота] заранее» [2, с. 246]. Закон также предусматривает обращение стратиота к вышестоящему архонту в случае совершения беззакония со стороны архонта его тагмы.

Главы, посвященные наказаниям за совершенные служащими преступления, также отличаются высокой степенью объективности. Интересно, что наказанию подвергаются не только непосредственные виновники, но и соучастники преступления, а также «умолчавшие» о нем (например, если воин найдет что-либо на дороге и не передаст найденное архонту). Определенные репрессии предусматриваются и за нанесение увечий: если стратиот ранит себя или товарища камнем, он подлежит порке и лишению службы; если же сделает это мечом – будет казнен как самоубийца или совершивший преступления [2, с. 249].

Некоторые пункты закона расписаны с учетом специфических обстоятельств. Так, смягчается наказание оступившимся «из-за вина или другого крепкого напитка» [2, с. 250] (вместо смертной казни его ждет порка и перемещение по службе). Немаловажную роль играют и внутренние намерения провинившихся: в случае, если охраняющие заключенных отпустят их из сострадания, их ждет изгнание; если же они совершили это из коварных целей, они подлежат смертной казни путем отсечения головы.

Стратиот, подвергнутый изгнанию на непродолжительное время из-за поступка, не порожденного пренебрежением к воинской службе, ссылается на остров, поскольку «такие не являются надежными, даже если они желают нести службу» [2, с. 250]. В своеобразное противопоставление им в тексте ставится другая категория людей – «уклонисты», избегающие несения службы. В этом контексте особый интерес представляет глава, оговаривающая, что призванные на военную службу и избегающие ее «обращаются в рабство как предатели свободы родины» [2, с. 250].

Важнейшие в контексте настоящей темы параграфы закона посвящены наказаниям за дезертирство и предательство сослуживцев и Отечества – самой эмоциональной части текста. В ней содержится немало глав, порицающих дезертирство: приводятся в пример люди, которые сдают город без ведома архонта при возможности его защитить, караульные тюрем, покинувшие пост, а также стратиоты, бросившие экзарха или позволившие врагам захватить его. Все эти преступления, согласно «Закону», караются высшей мерой. Тем не менее, даже здесь имеются некоторые послабления: от наказания могут быть освобождены те из виновных, кто, сражаясь с врагами Родины, получил ранение [2, с. 247-248].

Излишняя самовольность также осуждается. Например, в случае, если стратиот во время битвы покинет строй и будет снимать доспехи с убитого другим врага, его следует наказать как «ослабляющего строй и тем самым причиняющего

ущерб своим товарищам» [2, с. 247]. «Ослабившим строй» также считаются все воины тагмы, которая первой обратилась в бегство. Бегство считалось «проявлением презрения к своим товарищам» [2, с. 248], являлось виной смятения в войске и порицалось особенно сильно, если было совершено на глазах у сослуживцев.

Высшая мера наказания совершенно справедливо предусмотрена для тех, кого уличат в предательстве империи и желании сдаться варварам (а также для их единомышленников и «умолчавших»). Казнены будут и те, кто, уйдя к врагам, под предлогом посольства, будет продавать им оружие. Если же стратиот бросит свое оружие во время сражения, законом предписано наказать его как «обнажившего себя и вооружившего врагов» [2, с. 248].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что элементы патриотизма, содержащиеся в тексте «Воинского закона», следует условно разделить на два вида: направленные на выражение законотворцем любви к Отечеству, предписывающие воинам служить Родине в тяжелые для империи времена, и те, что показывают преданность и справедливое отношение василевса к своему народу в целом и к войскам армии в частности.

Источники и литература

1. Широкова В.В. Патриотическое воспитание в российской армии // Регионология, 2013. №1(87). С. 97-99.

2. NOMOS STRATIOTIKOS (К вопросу о связи трех памятников византийского военного права) // Кучма В.В. Военная организация Византийской империи. Спб.: Алетейя, 2001. С. 243-258.

УДК 930 **DOI 10.5281/zenodo.14722097**

Бутров Д.А.

КОРСУНСКАЯ ЛЕГЕНДА В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА[1]

Институт Истории и Международных отношений Южного Федерального Университета, г. Ростов-на-Дону

Аннотация. Корсунская легенда освещает важнейшие события истории России, связанные с крещением Руси и становлением российской государственности, поэтому обращение историков к легенде началось с момента зарождения исторической науки в России и активно продолжилось во второй половины XIX в. в новом историческом контексте, вплоть до изменения историографической ситуации в начале XX в. В это время сформировалось проблемное поле изучения Корсунской легенды. Однако отсутствуют обобщающие работы, посвященные изучению Корсунской легенды в этот период. Используя проблемно-хронологический и историко-сравнительный методы, автор выявил основные черты исторической преемственности в рассмотрении Корсунской легенды, а также общие черты и особенности в рассмотрении данной проблемы историками второй половины XIX – начала XX века.

Abstract. The Korsun legend covers the most important events of Russian history, connected with the baptism of Russia and the formation of Russian statehood, so the historians' appeal to the legend began from the moment of the birth of historical science in Russia and actively continued in the second half of the XIX century in a new historical context, until the change of historiographical situation in the early XX century. At this time the problem field of the study of the Korsun legend was formed. However, there are no generalising works devoted to the study of the Korsun legend in this period. Using the problem-chronological and historical-comparative methods, the author identified the main features of historical continuity in the consideration of the Korsun legend, as well as common features and peculiarities in the consideration of this problem by historians of the second half of the XIX - early XX century.

Ключевые слова: Корсунская легенда, крещение Руси, С.М. Соловьев, К.Н. Бестужев-Рюмин, Н.М. Левитский, Ф.И. Успенский.

Keywords: Korsun legend, Baptism of Russia, S.M. Solovyov, K.N. Bestuzhev-Ryumin, N.M. Levitsky, F.I. Uspensky.

Изучение причин и обстоятельств крещения великого князя Владимира Святославовича, последовавшего за этим массового обращения в новую веру его подданных, а также – в более широком культурно-историческом контексте – ставшего следствием этих событий, отраженных как в русских, так и в зарубежных источниках, имеет давнюю традицию. Следует заметить, что впервые название «Корсунская легенда» для обозначения комплекса известий о крещении Руси использовал А.А. Шахматов, опубликовавший работу «Корсунская легенда о крещении Владимира» в 1906 г., однако сам указанный нарратив нашел отражение и в более ранних трудах по истории России. Интерес к нему проявляется уже в XVIII – первой половине XIX вв., а во второй половине XIX в. в целом сформировалось

[1] Научный руководитель – А.В. Кореневский, доцент, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой Отечественной истории Средних веков и Нового времени Института Истории и Международных отношений ФГАОУ ВО ЮФУ.

проблемное поле изучения Корсунской легенды. Вплоть до начала 20-х гг. XX в. историки достаточно активно изучали комплекс источников, запечатлевших легенду, высказывая разные суждения о ее происхождении, датировке и степени достоверности. Однако радикальные изменения, произошедшие к этому времени в стране, привели к разрыву историографической преемственности. Лишь со второй половины XX в. Корсунская легенда вновь начинает привлекать внимание отечественных историков. Некоторые современные научные работы (например, П.И. Федотова «Корсунская легенда и летописный рассказ о крещении Владимира», А.М. Введенский «Корсунская легенда: письменное и устное» и др.), в основном посвящены источниковедческому и отчасти историографическому (П.И. Федотова) анализу данной проблемы. Тем не менее, следствием значительного по времени разрыва историографической традиции является то, что отнюдь не все достижения дореволюционных историков в полной мере включены в научный оборот. Этим определяется научная актуальность исследования различных аспектов изучения Корсунской легенды во второй половине XIX – начале XX вв.

Основатель московской исторической школы С.М. Соловьев, вполне доверял Корсунской легенде. Он писал: «Епископ корсунский с царевниными священниками, огласив, крестили Владимира…» [7]. В его знаменитом обобщающем труде «История России с древнейших времен», выходившем с 1851 г., легенда была подробно изложена в соответствии с Повестью временных лет, так как, по мнению ученого «Все это предание очень верно обстоятельствам и потому не может быть отвергнуто» [7]. И лишь поясняя предпочтение, которое Владимир оказывал сыну Борису, ученый упоминает летопись Иоакима и пишет: «…Татищев соглашает свидетельство киевского летописца о болгарском происхождении матери Борисовой тем, что эта Анна могла быть двоюродною сестрою императоров Василия и Константина…» [7], упомянув, таким образом, альтернативную точку зрения на происхождении героини Корсунской легенды и, отчасти, на получение Русью христианства непосредственно из Константинополя. Ученик С.М. Соловьева, В.О. Ключевский, напротив в своем «Курсе Русской истории» не освещал вопрос о крещении Руси, а о походе Владимира «…на византийскую колонию Херсонес Таврический в 988 г…» [2, с. 156], упоминал в контексте связи управления и торговли. Сообщив в книге «Православие в России», что Владимир был крещен, ученый не упоминает о том, где и при каких обстоятельствах это произошло. Возможно, это связано с общей оценкой им основного источника легенды (ПВЛ), который он считал «ученой исторической диссертацией» [3, с. 452] XII в., а не надежным историческим источником.

К.Н. Бестужев-Рюмин, основатель Санкт-Петербургской школы историографии, в 1864 г. издал книгу «О крещении Руси, о Владимире Святом, о сыновьях его и об монастыре Печерском» непосредственно посвященную Корсунской легенде, а в 1872 году – первый том «Русской истории», где писал о Владимире: «…в 988 г. принял христианство во время похода на греческий город Херсон (Корсунь наших летописей) …» [1, с. 256], отмечая, что христианство в то время не было уже «новым явлением для Русской земли» [1, с. 268]. В этом труде, по мнению В.О. Ключевского отразилась «…не только русская история, но и история работы русской мысли над русской историей» [1, с. 9], так как К.Н. Бестужев-Рюмин, обращал внимание читателей на работы своих предшественников и их критику, например, указывая книгу В.И. Григоровича «Ист. намеки о значении Херсона и его церкви в VIII, IX и X ст.», кратко сообщил о научной дискуссии по ее содержанию. Не обошли своим вниманием легенду и другие представители Петербургской исторической школы. С.Ф. Платонов, отмечал различные точки зрения на место крещения

Владимира: «…одни рассказывали, что князь крестился в Киеве; другие указывали место его крещения в городе Василеве (в 35 верстах от Киева); третьи говорили, что он принял крещение в Крыму, в греческом городе Корсуне» [6, с. 56]. А.Е. Пресняков обращал внимание на то, что «…это греческое по своему происхождению сказание вышло, вероятно из среды корсунского духовенства, сыгравшего видную роль в организации русской церкви» [5, с. 104]. Он считал, что «корсунское сказание, явилось орудием определенных церковно-политических тенденций, торжество которых было закреплено внесением «корсунской легенды» в «Начальный свод», в ущерб прежним русским известиям о крещении Руси и исторической правде» [5, с. 104].

Ряд статей, посвященных Корсунской легенде или отдельным аспектам ее изучения, был напечатан в известиях и ученых записках университетов, прежде всего Киевского, Новороссийского, Харьковского, которые стали важными центрами формирования южнорусской исторической школы и немало способствовали изучению легенды. Н.И. Костомаров, получивший историческое образование в Харьковском университете, в работе «Господство дома св. Владимира…», отмечал «баснословные черты» легенды и назвал достоверные, по его мнению, факты в ее составе: «Владимир крестился…вступил в брак с греческой царевною Анною, сестрою императоров Василия и Константина. Крещение его, по всем вероятиям, происходило в Корсуни, или Херсонесе, греческом городе на юго-западном берегу Крыма…» [4, с. 7].

Важную роль в изучении Корсунской легенды играли духовные академии (прежде всего Киевская), церковная печать и наука. Обобщающие труды по церковной истории («История русской церкви») пр. Филарета, Макария (Булгакова) еп. Винницкого, Е. Е. Голубинского отразили взгляды церковного сообщества на изучение легенды, их эволюцию под влиянием достижений светской науки и изменений в общественной жизни. В юбилейном 1888 г. в Трудах Киевской духовной академии была опубликована статья В.З. Завитневича «О месте и времени крещения Св. Владимира и о годе крещения киевлян», а в № 5-8 журнала «Христианское чтение» работа Н.М. Левитского «К вопросу о времени крещения Владимира и Руси», которые стали предметом научных дискуссий и способствовали дальнейшему изучению легенды. В работах Н.М. Левитского (также см. «Важнейшие источники для определения времени крещения Владимира и Руси и их данные: (По поводу мнения проф. Соболевского)», 1890 г.) представлены ценные замечания по всему спектру вопросов, связанных с изучением легенды. Фактически историк заложил основы формирования проблемного поля исторического и историографического анализа Корсунской легенды, которые с таким блеском развил А.А. Шахматов в своей работе «Корсунская легенда о крещении Владимира».

Известные византинисты В.Г. Васильевский и Ф.И. Успенский уделяли внимание легенде прежде всего с точки зрения изучения русско-византийских контактов. Ф.И. Успенский считал, что «…никакая догадка не в состоянии закрыть дебаты по вопросу о том, где и когда крестился Владимир…» [8], а также: «Нет сомнения, что корсунское духовенство… главным образом влияло на образование так называемой Корсунской легенды» [8].

Следует отметить также работу историка церкви Никольского Н. К. «К вопросу об источниках летописного сказания о св. Владимире» (1902 г.), статьи Д.В. Айналова «Мемории св. Климента и св. Мартина в Херсонесе» (XXV том «Древностей: Трудов Московского археологического общества» за 1915 г.) и историка литературы П.А. Заболотского «К вопросу об иноземных письменных источниках «Начальной

летописи»» (Русский филологический вестник (Варшава), 1901 г.), которые отразили начало формирования междисциплинарного подхода к изучению истории и историографии Корсунской легенды в широком смысле.

Таким образом, можно сделать вывод, что во второй половине XIX в.– начале XX в. в основном сформировалось проблемное поле изучения Корсунской легенды, начал формироваться междисциплинарный подход к исследованию данного сюжета. Наибольший вклад в изучение легенды в указанный период внесли ученые московской, петербургской и церковной исторических школ. Перспективным представляется дальнейшее изучение темы, определение роли трудов предшественников А.А. Шахматова в формировании его концепции изучения Корсунской легенды, а также исследование вклада в изучение легенды ученых южнороссийской исторической школы с учетом микроистории, краеведения и археологии Херсонеса.

Источники и литература

1. Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. До эпохи Ивана Грозного – М.: Академический проект, 2015. 702 с.
2. Ключевский В.О. Курс русской истории часть 1 // Сочинения в восьми томах. Том I. М.: Государственное Издательство политической литературы, 1956. 428 с.
3. Ключевский В.О. Лекции по русской историографии / Сочинения в восьми томах. Том VIII. М.: Государственное Издательство политической литературы – 1956. 490 с.
4. Костомаров Н.И. «Господство дома св. Владимира: Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей – М.: Воениздат 1993 г – 767 с.
5. Пресняков А.Е. Лекции по русской истории том I Киевская Русь М.: Государственное социально-экономическое издательство 1938 г – 279 с. /опублик рубинштейн записи автора с 1907/8 1915/16
6. Платонов С.Ф. Полный курс лекции по русской истории – М: АСТ, Астрель 2006 г – 493 с.
7. Соловьев С.М. История России с древнейших времен т I. Гл. 7 [Электронный ресурс] // https://azbyka.ru/otechnik/Sergej_Solovev/istorija-rossii-s-drevnejshih-vremen/1_7 (дата обращения 06.09.2024)
8. Успенский Ф.И. История византийской империи. Т.3. Гл. 22 [Электронный ресурс] // https://azbyka.ru/otechnik/Fedor_Uspenskij/istorija-vizantijskoj-imperii-tom3-uspenskij/1_22 (дата обращения 06.09.2024)

УДК 94(4) **DOI 10.5281/zenodo.14722108**

Кирюхин Е.Д.

ХЕРСОНЕССКИЕ МОЗАИКИ В КОНТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТРАДИЦИЙ РАННЕХРИСТИАНСКОГО ИСКУССТВА[1]

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Аннотация. Мозаичное искусство — это одна из самых древних и впечатляющих форм декоративного искусства, которое прошло долгий путь развития от античных времен до христианской эпохи**.** Среди разнообразных форм искусства, воспринятых от античной традиции, напольные мозаики занимают одно из ключевых мест в художественной культуре раннего христианства. В ряде регионов, включая Северное Причерноморье Сирию, Албанию и Палестину, мозаичное оформление полов представляет собой практически единственное свидетельство художественной активности и редкий образец церковного декора.

Abstract. Mosaic art is one of the most ancient and impressive forms of decorative art, which has gone a long way from ancient times to the Christian era. Among the diverse art forms adopted from the ancient tradition, floor mosaics occupy one of the key places in the artistic culture of early Christianity. In a number of regions, including the Northern Black Sea region, Syria, Albania and Palestine, mosaic floor decoration is almost the only evidence of artistic activity and a rare example of church decoration.

Ключевые слова: Херсонес-Херсон, монументальное искусство, мозаика, христианство, декоративное убранство, базилика.

Keywords: Chersonesos-Kherson, monumental art, mosaics, Christianity, decorative decoration, basilica.

Истоки декоративной мозаики появляются в Древней Греции, искусстве этрусков, на Ближнем Востоке. Не смотря на значительную историю исследования, и сегодня сохраняется дискуссионность во множестве вопросов, связанных с развитием этого вида монументального искусства. В античности мозаика развивалась постепенно, от несложных картин и надписей, выложенных галькой на глиняных полах, к более сложным многоцветным настенным композициям из смальты и камней. Однако расцвет и совершенство мозаики относится к I - IV вв. н.э. на территории Римской Империи. Особый интерес представляют памятники эллинистических центров Ближнего Востока и Малой Азии. Мозаичные полотна выделялись своей реалистичностью, близостью к жизни, разнообразием исторических, бытовых, мифологических сцен, а также пейзажных мотивов. Некоторые из мозаик воспроизводил греческие живописные оригиналы. Мозаики украшали интерьеры вил, храмов, общественных и административных зданий в Малой Азии, городах Северного Причерноморья (мозаики были открыты в Херсонесе и Ольвии), в Северной Африке, на территории Испании, Англии и Франции. Техническое исполнение мозаик было предметом тщательной проработки, и его особенности подробно описаны в научных трактатах римских авторов, таких как

[1] Научный руководитель – М.В. Фомин, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Всеобщая история и мировая культура» ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет».

Витрувий и Плиний Младший. Важность придавалась всем этапам создания мозаики: от подготовки основания и выбора материалов до полировки поверхности.

В раннехристианском мире IV–VI вв. напольные мозаики играли значительную роль в декорирование внутреннего убранства храмов. Во многом они продолжали античные традиции как в техническом, так и в изобразительном аспектах. Мастера мозаики, известные как tessellarii, уделяли особое внимание архитектурной среде, в которую их произведения должны были органично интегрироваться.

Изысканные орнаменты, украшавшие полы величественных сооружений были выполненные из мелкой гальки (opus barbaricum) или разноцветных мраморных фрагментов (opus sectile, opus tesselatum). Эти техники, обладая эстетической привлекательностью и функциональностью, активно развивалась, обогащаясь новыми композиционными приёмами и мотивами, что нашло отражение в раннехристианском искусстве. В интерьере большинства раннехристианских базилик, связанных с эллинистической традицией, мозаичные украшения играли значительную роль. Они применялись не только для декорирования полов, но и для оформления стен и сводов раннехристианских сооружений на территории Ромейской державы. Присутствовали они и в Херсонесе-Херсоне.

На сегодняшний день Херсонские мозаики (сохранились только напольные) продолжают привлекать внимание исследователей. Их техника, сюжеты, особенности неоднократно анализировали специалистами. Наибольший интерес представляют памятники открытые в интерьере Базилики 1935 г., Загородного Крестообразного храма, Шестистолпного храм, Западной и Уваровской базилик, Базилики в Базилике и др. Истоки художественной традиции, лежащей в основе херсонесской школы, имеют свои аналогии. Так, «мастерские Антиохии, долго сохранявшие античные традиции, были главным художественным центром, передававшим эти традиции другим землям христианского Востока» [2, с 15] Смотря на мозаики Херсонеса можно увидеть схожесть мотивов в памятниках раннехристианских центров, в частности Сирии, Пластины. При изучении ранневизантийской архитектуры мы сталкиваемся с этапом её развития, когда различные виды искусства и культуры были неразрывно связаны в рамках одного памятника. Разделение этих элементов друг от друга приводит к утрате множества значений, которые возникают именно благодаря их синтезу. Поэтому мы предлагаем сопоставить напольные мозаики раннехристианских центров Сирии, Палестины, Балкан с Херсонскими. В качестве примера была рассмотрена мозаика Загородного Крестообразного храма, как наиболее сохранившаяся, детально изученная и многократно зафиксированная.

Важной частью мозаичного пола Крестообразного храма, является панно в верхнем углу постройки, над центральным залом, расставлено в ряд семь медальонов с изображением птиц, ваз, плодов, цветущих веток. Справа и слева от рамки центрального панно расположенного по три ряда подобных же медальонов с ещё большим разнообразием рисунков, заимствованных – по выражению К.К. Косцюшко- Валюжинича – «из царств растительного и животного» Очертания круглых медальонов создаются переплетением треугольных петель из «жгутов», имеющих две разных чередующихся расцветки. В ромбовидных промежутках между медальонами заключены одинаковые фигуры несложного геометрического рисунка [1, с 70].

Мозаичтаый пол **Русского Спасо-Вознесенского женского монастыря на Елеоне** (Палестина), Баптистерий Бутринта (Албания), музея в Апомеи (Сирия) демонстрируют значительное сходство благодаря использованию унифицированных

сюжетов и техник, что указывает на существование общих художественных традиций и методов производства, представляя собой похожую по смыслу художественную систему. Множиство «звериных» и растительных мотивов, «запертых» в узорах, с эдентичной «жгутовой» цепью, той же цепью, которая является частью экспозиции вокруг полотна.

Используя, в основном, прежний, античный, технический и предметный репертуар, мастера-мозаичисты выкладывают и новые мотивы, и новые композиции, создают незнакомый дотоле пространственный образ церкви. По многим приемам и мотивам палестинские мозаики можно отнести к Антиохийской школе, и смотря на схожие сюжеты из разных регион большой Империи.

Все это позволяет предположить о существование возможной стандартизации мозаичного искусства, единой школы, мастера из которой расходились и творили по всей Империи. Широкая география крайне похожих сюжетов может быть следствием существования «прорисей», неких общепринятых, «стандартных» узоров, которые воспроизводились мастерами в разных, нередко далеких друг от друга городах. Совместное развитие художественных школы Херсона со школами других христианских центров способствовало формированию единого стиля раннехристианского мозаичного искусства, при этом каждый регион вносил свои уникальные элементы. Это взаимодействие привело к синтезу традиций и инноваций, что способствовало развитию новых техник и стилистических решений, оказавших влияние на последующие периоды византийского искусства.

Херсонские напольные мозаики IV–VI вв. представляют собой значимый элемент раннехристианского искусства, демонстрируя высокий уровень художественного мастерства и глубокую интеграцию византийских традиций с местными культурными особенностями. Сравнительный анализ с палестинскими и сирийскими мозаиками позволяет выделить как общие черты, так и уникальные региональные особенности, свидетельствующие о сложных механизмах культурного взаимодействия и совместного развития художественных школ различных регионов христианского мира. Эти мозаики не только украшают храмы, но и служат важными культурными артефактами, отражающими многогранность и богатство раннехристианской художественной традиции.

Источники и литература

1. Домбровский О.И. Византийские Мозаики Херсонеса Таврического. - Познань, - 2004. - Т.3. – 112 с.

2. Фомин М.В. О раннехристианской живописи Херсонеса-Херсона IV-VI вв.// Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. – Тюмень, – 2014. - №5. – С. 13-19.

УДК 902 **DOI 10.5281/zenodo.14722114**

Флюстунова И.Н.

СВЯТИЛИЩЕ КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ - МИДХЪÆУ ДЗУАР[1]

Южный Федеральный Университет, г. Ростов-на-Дону

Аннотация. Статья посвящена исследованию святилища кобанской культуры в Северной Осетии - Мидхъæу дзуар. Основной целью является изучение его архитектуры и строение и поиск связи с иными святилищами кобанской культуры, что расположены поблизости. Так, существует несколько теорий о его осмыслении, где выдвигается и образ «Мировой горы», «Мирового древа», о чем свидетельствует трехчастная структура сооружения. Также проводится много параллелей между данным дзуаром и подобными ему в названии и предназначении; но на данный момент не стоит утверждать о полном сходстве святилищ. Хоть они и имеют общие черты, но выявляются различия в этимологии, строении и прочим культовым моментам.

Abstract. The article is devoted to the study of the sanctuary of the Kobani culture in North Ossetia - Midkhu dzuar. The main goal is to study its architecture and structure and to find a connection with other sanctuaries of the Kobane culture that are located nearby. So, there are several theories about its understanding, where the image of the "World Mountain", the "World Tree" is put forward, as evidenced by the three-part structure of the structure. There are also many parallels between this dzuar and similar ones in name and purpose; but at the moment it is not necessary to assert the complete similarity of the sanctuaries. Although they have common features, differences in etymology, structure and other iconic moments are revealed.

Ключевые слова: Северная Осетия, кобанская культура, дзуар, святилище, ранний железный век.

Keywords: North Ossetia, Koban culture, dzuar, sanctuary, early Iron Age.

Понимание дзуара включает несколько значений. Во-первых, оно обозначает местный объект или конкретную территорию. Во-вторых, это дух, который обитает в этой области. В-третьих, это строение, которое может быть установлено для обозначения местонахождения этого духа. Дзуары выбираются так, чтобы определенная точка на местности служила своеобразным энергетическим центром. Дзуары делятся на те, которые почитаются данной общиной, родом, группой родов или всем осетинским народом, а также на дзуары, которые уважают странствующие по установленным маршрутам.

Святилище Мидхъæу дзуар расположено в Мамисонском ущелье, в черте селения Лисри, в северо-западной части населенного пункта [9, с. 20]. Одно из первых описаний святилища было совершено Евгенией Георгиевной Пчелиной в 1948 году. Она зафиксировала несколько культовых мест в этом районе, но особенно почитаемым считалось конкретно это. Дзуар представляет собой трехъярусное крупное сооружение, что сложено из разномерных камней. Нижний ярус устроен в виде несколько приближенной к овалу в плане площадки (7,90 на 8,90 м),

[1] Научный руководитель – Е.В. Вдовченков, доцент, доктор исторических наук, заведующий кафедрой археологии и истории Древнего мира ЮФУ.

составляющей в высоту 1,80 м [9, с. 20]. По мнению В.Х. Тменова, вероятно, при ее сооружении была использована естественная возвышенность, обнесенная массивной подпорной стеной [6, с. 152]. Северный сектор этой платформы с примыкавшей к ней лестницей, разрушен. Второй ярус дзуара представляет собой прямоугольное в плане сооружение длиной 5,90 и шириной 4,85 м. Высота второго яруса 2,20 м. В западной стене сооружения на высоте 1,55 устроена каменная ниша, которая перекрыта массивной каменной плитой. Внутри этой ниши находятся черепа животных. Третий ярус сооружения представляет собой четырехугольный сегмент с размерами 1,30 х 1,60 м, высотой 1,80 м. В западной части его устроены две ниши в кладке, одна над другой. Возможно, раннее святилище украшали куски кварцита, которые в настоящее время уже утрачены по различным причинам [6, с. 152].

Трехчастная структура дзуара развернуто трактуется Т.К. Салбиевым. Три уровня святилища символизируют три космические области: небеса, земная поверхность и подземный мир. Вход в святилище осуществляется с нижнего уровня, со стороны реки Мамисон-дон. Ниши для подношений располагаются на западной стороне, чтобы паломники, стоя у ограды, могли лицом быть обращены на восток. Священнослужитель, дзуарылаг, обладающий правом доступа в святое пространство, поднимается к этим нишам, двигаясь по часовой стрелке; таким образом, сакральный центр, соответствующий вертикали святилища, располагается у него справа. В плане святилище имеет форму квадрата, вписанного в круг, где четко обозначены его центр и периферия [4]. Таким образом, в древности Мидхъæу дзуар представлял собой святилище, связанное с пониманием «Мировой Горы» или «Мирового Древа». Стоит отметить, что белые камни на вершинах святилищ упоминаются несколько раз: на крыше святилища Хуыцауы дзуар (на горе к северо-западу от Лисри) [6, с. 153], в деревне Камцхо на святилище Дамбадели, которое также называется Мады Майрам [6, с. 146], в селении Клиат на святилище Рагон Уастырджийы дзуар [6, с. 156], в поселке Згил на святилище Самтхосы Уастырджийы дзуар [6, с. 143], и в деревне Цми на святилище Рекомы дзуар [6, с. 136]. Похоже, что этот общий элемент для различных святилищ имеет особое значение. Также следует акцентировать внимание на важном нюансе: в некоторых случаях белые камни на вершинах этих святилищ были расположены в форме конуса или пирамиды, что говорит о сохранении изначальной структуры. Поскольку святилище в Лисри в мифологическом контексте рассматривается как Мировая гора, возможно, белые камни на крыше данного святилища, изначально уложенные в виде конуса или пирамиды, могут представлять собой архитектурное воплощение её снежного пика [1, с. 318]. Реальные образы гор с белоснежными вершинами всегда были перед глазами создателей подобных столпообразных святилищ.

Исследователь В.И. Козенкова относит это святилище к одному из возможных культовых объектов кобанской археологической культуры [2, с. 41]. Одним из доказательств этого является находка бронзовых артефактов кобанской культуры, обнаруженных в нишах и на территории дзуара. Первый из этих предметов — это утонченная подвеска, выполненная в форме реалистично изображенной скульптурной фигурки козла или тура. В.И. Козенкова дала такое определение находке: «Возможно, на древнем кобанском святилище был сооружен необычной формы каменный дзуар близ с. Лисри в 18 км от Мамисонского перевала, где в 1964 году были обнаружены кобанские бронзовые изделия, в том числе тяжелая литая фигурка козла…» [2, с. 41]. Вторым изделием, обнаруженным в нишах святилища в Лисри, является фрагмент изысканной ажурной бронзовой пряжки, предназначенной для пояса. Эта пряжка, украшенная зооморфными мотивами и

узорами из шнуров, обладает характерными праздничными элементами. В 1964 году во время археологических раскопок в Осетии В.И. Марковин обнаружил описанную выше подвеску и часть пряжки. Он высказывал мнение, что эти артефакты могли быть привезены из Юго-Осетии, где встречаются богатые могильники кобанского периода и более позднего времени [4, с. 74].

Принимая во внимание, что неподалеку от Лисри, в селе Нижний Зарамаг, в ходе археологических работ, проводимых Институтом истории и археологии РСО-А, был выявлен и изучен в течение четырех лет, с 2006 по 2009 годы, обширный и ценный Адайдонский могильник кобанской культуры [8], и учитывая свидетельства местных жителей о находках предметов этой культуры, периодически вымываемых рекой Камсходон, можно предполагать, что в близости сел Камсхо и Лисри располагается древний могильник позднебронзового периода Кавказа, откуда и были взяты вещи.

Примечательно, что в 50 км от святилища расположен комплекс со схожим названием – Мигъдау дзуар. Бытует мнение об идентичности Мигъдау в Урсдонском ущелье и Мидхъæу в Лисри. Зачастую то минимальное различие, которое имеется в этих названиях, незаметно стирается, и оба святилища носят одинаковое название. Первый объект плодотворно изучила сначала Е.Г. Пчелина, а после М.Э. Мамиев, что смог оспорить некоторые тезисы Евгении Георгиевны относительно этимологии святилища. Так, Мидъгау «…состоит из двух слов: Мигъ – туман и дау, которое может являться сокращением от слова дауге – светлый дух от слова «дау» – подозрение, клятва. В обоих значениях этого слова название это соответствует народному представлению о функциях этого святилища. С одной стороны, святилище Мигъдау является патроном благоприятной для земледелия и плодородия трав погоды и, во-вторых, здесь давались клятвы при совершении судопроизводства по обычному праву» [3]. Высказывается идея о том, что в Урсдонском святилище присутствует иносказательное наименование какого-либо святого. А Мидхъæу дзуар, дословно с осетинского – святой, святилище, расположенное внутри села, в черте села. Кроме того, отмечается полное архитектурное несоответствие обоих святилищ. Отсюда автор заключает, что святилище в Лисри не имеет отношения к понятию Мидъгау [9, с. 20, 23].

Источники и литература

1. Дарчиев А.В. Культовая принадлежность святилища Мидхау в селении Лисри Северной Осетии // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 10. С. 313-334.
2. Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и раннежелезного века (узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М.: ИА РАН, 1996.
3. Мамиев М.Э. Семантика посвящения дзуара Мигъдау // Дарьял, 2003, № 5.
4. Марковин В.И. Некоторые итоги археологических разведок в Северной Осетии // МАДИСО. Т. II. Орджоникидзе, 1969
5. Салбиев Т.К. Об архитектурных особенностях святилища Мигъдау – дзуар селения Лисри // Устойчивое развитие горных территорий. 2014. №3. С. 127
6. Тменов В.Х. Средневековые историко-архитектурные памятники Северной Осетии. Орджоникидзе, 1984
7. Чшиев В.Т. Памятники кобанской культуры Северной Осетии // Археология Северной Осетии. 2007. Т.1. С. 178 – 293
8. Чшиев В.Т. Раскопки могильника кобанской культуры Адайдон в Алагирском ущелье Северной Осетии в 2006 г. // Археологические открытия. М.: ИА РАН, 2006. С. 63
9. Чшиев, В.Т. Святилище Мидхъæу Дзуар в С. Лисри Северной Осетии // Вестник Владикавказского научного центра. 2020. Т. 20, № 2. С. 20-26.

10. Чшиев В.Т. Эпоха поздней бронзы – раннего железа Северной Осетии. Кобанская культура // История Осетии. 2012. Т.1. С. 53 – 88.

УДК 94(37) **DOI 10.5281/zenodo.14722121**

Вершинин С. Р.

ФОРМИРОВАНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ПАРАДИГМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ С «ВАРВАРСКИМИ» НАРОДАМИ В ПЕРИОД ЗАВОЕВАНИЯ АПЕННИНСКОГО ПОЛУОСТРОВА[1]

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Аннотация. В данной работе рассматривается развитие отношений между Римской республикой и народами Апеннинского полуострова, формирование основных инструментов взаимодействия с ними. Изучен процесс подчинения Римскому государству различных этнических групп Апеннинского полуострова.

Abstract. This paper examines the development of relations between the Roman Republic and the peoples of the Apennine Peninsula, the formation of the main instruments of interaction with them. The process of subordination of various ethnic groups of the Apennine Peninsula to the Roman state is studied.

Ключевые слова: Рим, Римская республика, завоевание Италии, италийцы.

Keywords: Rome, Roman Republic, conquest of Italy, Italians.

Модель взаимоотношения с “варварскими” народами, а также ее эволюция представляет собой наиболее значимый раздел в истории Римской республики, определивший многие особенности ее государственного устройства. Именно развитие данной области внешней, а в процессе расширения государства, и внутренней политики Республики является основополагающим процессом, за несколько веков превратившим небольшой город, удачно расположенный на пересечении торговых маршрутов, в наиболее существенную силу во всем средиземноморском бассейне.

Тут стоит добавить, что политический организм, именуемый Римской республикой, большую часть своего существования представлял собой некую федерацию племен Апеннинского полуострова с политическим центром в Риме. Описанное положение сложилось в процессе активной экспансии Римского государства на территории Апеннинского полуострова, а впоследствии – всего Средиземноморского бассейна и сопутствующей ей эволюции парадигмы взаимодействия с народами, входящими в ареал данной экспансии. Таким образом, опираясь на данный признак, историю Римской республики можно разделить на несколько этапов.

Первый самый ранний этап связан в первую очередь с борьбой Рима за господство среди латинских общин. Данный процесс хронологически охватывает период, предшествующий установлению республиканского строя в Римском государстве продлившийся вплоть до второй половины IV в. до н. э. Характеризует данный период относительная слабость Римского государства, представлявшего собой скорее полис исключительно локального значения. В данный период

[1] Научный руководитель – А.А. Хлевов, профессор, доктор философских наук, профессор кафедры «Всеобщая история и мировая культура» ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет».

формируется политический организм известный как Римско-Латинский союз, являвшийся дэ-факто инструментом транслирования римского политического и экономического влияния в Лациуме. Подчиненное положение латинов в данном союзе складывалось поэтапно на протяжении весьма длительного периода. Господство над т. н. латинской федерацией (объединением латинских общин), Римом было завоевано мечом, дипломатией и звонкой монетой еще в период царского правления в городе (разрушение Альбы Лонго). Началось формирование Римско-Латинского союза. Последующие десятилетия характеризуется поэтапным укреплением власти Рима в данном регионе. Период крушения монархии в Риме существенно ударил по могуществу Рима, однако запущенный процесс был необратим. Однако несмотря на значительные потрясения, Риму удалось сохранить главенствующее положение в регионе. Последний тезис также подтверждается доступными письменными источниками. Так, из договора между римской общиной и Карфагеном [2, с 56], очевидно следует, что пунийцами признается политическая гегемония Рима в Лациуме, на основании чего можно заключить, что римлянам удалось оперативно справиться с последствиями смуты, тем самым закрепив сове политическое положение в регионе.

Последующие десятилетия характеризовались укреплением политического могущества “вечного города” в рамках союза и в отношении окрестных италийских общин. Помимо субъективного экономического и военно-политического развития самой римской общины, значительную роль в этом процессе сыграл упадок этрусской федерации, последующее вскоре после ее значительного укрепления в начале V в. [1, С. 59]. Окончательное падение могущества этрусков приходится на период галльского завоевания начала IV в. до н. э. Побуждаемые перенаселением, галлы катком прошлись по северной Италии, причиняя значительные разрушения местным общинам. Помимо всего прочего, данный процесс затронул и Римско—Латинский союз, как раз в тот период, когда Рим начал совершать уверенные шаги к расширению своего влияния за пределы Латинской федерации.

Захват большей части “Вечного города” нанесло существенный ущерб его экономическому и военно-политическому положению в регионе. Результатом данного происшествия явилось существенное усиление латинской федерации, следствием чего стал фактический распад Римско—Латинского союза. Отношения между федерацией и римской общиной, в значительной степени приняли антагонистический характер. Данный весьма нестабильный для римской общины период, осложняемый военными конфликтами с племенами самнитов, завершился событиями Второй Латинской войны, следствием которой стало заключение в 338 г. до н. э. договора, определившего взаимоотношения Рима и латинских общин в последующий период. В первую очередь стоит сказать, что римская администрация обрела окончательное верховенство в военном отношении в рамках союза, получив возможность распоряжаться военным ресурсом латинских общин. Важно заметить, что подобными, перечисленным выше привилегиями, Рим активно пользовался и в предшествующие периоды своего главенства в союзе. С данного момента Рим становится окончательным центром объединения латинских общин. Латинский союз как субъект политических отношений, фактически прекратил свое существование. Ему на смену пришел комплекс договоров, определявших отношения между Римом и каждой латинской общиной по отдельности [5]. Таким образом римская администрация значительно укрепила свое господство в данном регионе. Стоит заключить, что именно завоевание Лациума и как следствие получение доступа к его

ресурсам, дало Римскому государству тот импульс, следствием которого стала последующая экспансия на территории Апеннинского полуострова.

Второй этап развития рассматриваемого явления охватывает период с начала IV, по конец III века до н. э. Характеризуется он активно развернувшимся процессом завоевания Римом территорий Апеннинского полуострова и сопутствующим включением проживающих на его территории италийских общин в политическую систему Республики. Происходит формирование и расширение Римско-Италийского союза.

Начало активного распространения политического влияния Рима за пределы латинской федерации приходится на период, предшествующий галльскому завоеванию. Основным объектом римской экспансии в данный период являлась Этрурия. Так Рим подчинил себе Вейи – город, являвшийся одним из наиболее значимых политических центров этрусских общин [3, С. 60]. Необходимо отметить, что для реализации задачи распространению своего политического влияния на соседние народы, римским правительством, помимо прямого военного вмешательства применялся крайне широкий спектр дипломатических инструментов. Способствовало этому крайне высокое положение Рима в регионе центральной Италии как в военно-политическом, так и в экономическом отношениях. Можно также утверждать, что именно в рассматриваемый период (IV в. до н. э.), Рим становится в какой-то мере одним из основных политических центров объединения различных италийских общин, находящихся на разных этапах социально-экономического развития в единый политический организм. Так, в этот период (середина IV в. до н. э.), племена Кампании, на протяжении длительного периода повергавшиеся разорительным набегам со стороны проживавших в горных областях центральной Италии Самнитов, запросили протекцию у римской администрации. Тут стоит обратить внимание, что Кампания представляла собой кране развитый с экономической точки зрения регион, климатически и географически крайне благоприятный для развития сельского хозяйства и торговли. Данный шаг со стороны римской администрации повлек за собой неизбежное обострение отношений с самнитскими общинами. Последующий период Самнитских войн, продлившийся до начала III в. до н. э. охарактеризовался расширением границ Республики на юге Италии и включением в ее состав множества новых этнографических элементов. В этот же период (первая половина III в. до н. э.) пределы Римского государства приближаются к естественной границе Апеннинского полуострова – реке По [1, с. 100]. Данное событие, а также победа Римской республике в войне с царем Пирром, вследствие которой Риму подчиняется г. Тарент, знаменует завершение процесса завоевания Римом Италии.

На протяжении всего рассматриваемого периода происходило формирование и эволюция того инструментария, позволившего Римской администрации подчинить своей власти столь этнически неоднородные обширные территории. Очевидным является, что основной непосредственной целью римской экспансии было укрепление экономического положения вечного города, являвшееся базисом его политического могущества. Тут стоит заметить, что сама экономическая модель, устоявшаяся в Римской республике, определяла политические шаги Римского руководства. Так, экономика глубоко аграрного римского общества зиждилась на многочисленных и самодостаточных средних и малых хозяйствах. Таким образом можно сделать вывод, что сама экономическая модель, представленная в Риме, определяла необходимость регулярного экстенсивного расширения сельскохозяйственных территорий.

Основным инструментом реализации выше указанного процесса являлась практика организации римских колоний на территориях, входивших в область расселения общины. Колонизация представляла собой процесс отчуждения участка пахотной земли у общины и предоставление его в пользование римским или же латинским гражданам. Исходя из вышеобозначенного следует сделать вывод о необходимости разграничения на римскую и латинскую колонизацию. Очевидным видится и основное различие указанных видов по признаку гражданства колонистов – римского и латинского соответственно, с вытекающими из данного факта различиями в правовом статусе колониальной общины. Тут стоит заметить, что распределяемая между гражданами (и полугражданами) Республики земля имела характер военной добычи. При этом нельзя заявлять об повсеместном изъятии пахотных земель у местного населения. Данные меры также безусловно имели место, однако при этом зачастую практиковалось включение бывших держателей теперь колонизованных земель в состав колонии и, как следствие, предоставление им прав римского или латинского гражданства. Таким образом римские колонии представляли собой как бы анклав в рамках территорий общины, очевидным образом являясь центром транслирования римского культурного, экономического и политического влияния, вероятно при этом неся деструктивный эффект на племенной строй прилегающих общин, стимулируя тем самым их социально-экономическое развитие. Стоит отметить, что процесс римской колонизации Лациума начался еще в тот период, когда “Вечный город” в рамках Римско-Латинского союза обладал статусом “первого среди равных”, укрепляя свое экономическое могущество. Латинские же колонии, в описанном виде,(организованные по римской инициативе) постепенно начали появляться после, ранее описанных событий второй полвины IV в. до н. э. Так, в промежуток между второй половиной IV – концом II веков до н. э. было основано 20 римских и 28 латинских колоний , население которых составляло 2,5 – 6 тыс. человек . Стоит также отметить, что существуют некоторые свидетельства возможности участия италийских “союзников” в процессе колонизации земель Италии, однако едва ли можно говорить о широком применении данной практики.

Города латинских общин став политически подчинёнными Риму, все же в массе своей сохранили ограниченную автономию, обретя статус муниципия (Municipium civium Romanorum). К муниципию примыкала сельскохозяйственная область (pomerium). Таким образом, все пространство, принадлежащее муниципию (territorium), условно состоит из двух частей: территория в рамках самого города и земля, расположенная за его пределами, игравшая роль сельскохозяйственного придатка и являвшаяся в значительной мере общественной собственностью [6]. Практика организации таких муниципиев, впервые опробованная именно в рамках латинской федерации вскоре будет распространена и на все остальные территории Апеннинского полуострова, что можно считать определенным этапом интеграции населения италийских племен в римскую политическую систему. Таким образом, правительством Республики, вероятно нецеленаправленно, стимулировалось разложение племенного строя, что способствовало процессу интеграции латинских и прочих италийских общин в римскую политическую систему и идентификацией ими себя как римских граждан (касательно жителей муниципиев). Способствовала данному процессу также интеграция аристократической верхушки латинских (а позже и остальных италийских) племен в римскую политическую систему.

Подводя итоги всему вышесказанному, можно утверждать, что именно завоевание территорий Апеннинского полуострова создало крепкую базу для

дальнейшего расширения политического влияния, а также территориальных границ Римского государства. Первыми завоеваниями Рима за пределами Италии стали острова Сицилия, Сардиния и Корсика, где и началось формирование новой колониальной административной системы [4, С 237], эффективность которой позволила Республике распространить свое политическое, военное и экономическое влияние на территорию всего средиземноморского бассейна.

Источники и литература

1. Т. Моммзен. История Рима. Изд. АСТ. Москва.
2. Карл-Вильгельм Нич. История Римской республики. Изд. Вече. Москва. 2022 г.
3. В.С. Сергеев. Очерки по истории древнего Рима. Т. 1. Изд. Соцэкгиз. 1938 Г. С. 474
4. В. И. Кузищин. История Древнего Рима: Учебник. Изд. «Высшая школа». 1981 г.
5. А. Е. Медовиков. Римская экспансия и колонизация в эпоху ранней и средней Республики: некоторые аспекты создания римской Италии в зарубежных исследованиях рубежа XX-XXI вв. [Электронный ресурс] // Url: https://cyberleninka.ru/article/n/rimskaya-ekspansiya-i-kolonizatsiya-v-epohu-ranney-i-sredney-respubliki-nekotorye-aspekty-sozdaniya-rimskoy-italii-v-zarubezhnyh
6. И. А. Гвоздева. TERRITORIUM – категория римского земельного права. [Электронный ресурс] // Url: https://cyberleninka.ru/article/n/territorium-kategoriya-rimskogo-zemelnogo-prava

УДК 94(37) **DOI 10.5281/zenodo.14722127**

Луценко В.О.

РАННЕХРИСТИАНСКАЯ МЕЛКАЯ ПЛАСТИКА БОСПОРА[1]

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Аннотация. В начале эры складывается особая религиозная ситуация, когда несколько верований имеют место в культуре Боспора. В то же время проникают и раннехристианские учения. Имеется достаточное количество найденных предметов мелкой пластики, которые свидетельствуют о широком распространении данных учений. Среди находок можно выделить два перстня с сердоликовыми вставками, литургические штампы, глиняные лампочки и лекифы.

Abstract. At the beginning of the era, a special religious situation develops when several beliefs take place in the Bosporan culture. At the same time, early Christian teachings are also penetrating. There is a sufficient number of small plastic objects found, which indicate the widespread use of these exercises. Among the finds are two rings with carnelian inserts, liturgical stamps, clay lamps and lekythos.

Ключевые слова: раннехристианское искусство, мелкая пластика, Боспор, литургические штампы, лекифы.

Keywords: early Christian art, fine plastic, Bosporus, liturgical stamps, lekythos.

В первые века нашей эры на Боспоре складывается религиозная ситуация, когда всё ещё в большом почете находятся греческие боги — особо почитаема богиня Афродита, а с середины III века н.э., в связи с натиском готов, традиционный культ дополняется культами восточным и синкретическим. Во II-III вв. стал набирать популярность культ безымянного Бога Высочайшего. Данный культ почитался на Боспоре как синкретическое божество, которое совмещает в себе черты нескольких божеств. В условиях такой религиозной ситуации на Боспор начинают проникать и раннехристианские учения.

К числу ранних находок относятся два перстня, датируемых III в. н.э., с сердоликовыми вставками и инталиями в виде Т-образного креста, под верхней перекладиной которого изображены две рыбки [6]. Оба перстня были обнаружены в погребальных комплексах на некрополе, находившемся возле деревни Ново-Отрадное и некрополе Китея. Перстни с христианской символикой так же находились на территории Пантикапея и Феодосии, датируемы так же III в. н.э.

В Северном Причерноморье создавались литургические штампы. В Пантикапее было найдено два. Один с криптограммой «Иисус Христос — победитель», датируется IV в. и был обнаружен в 1859 г. на Карантинной дороге, являлся штампом для литургического хлеба [4, с. 206]. Второй штамп с криптограммой «Всеобщая победа. Иисус Христос — Единый Бог».

Большое распространение в IV-VI вв. н.э. имели глиняные грушевидной формы лампочки [1, с. 611-612]. На таких лампочках изображались христианские

1 Научный руководитель – М.В. Фомин, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Всеобщая история и мировая культура» ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет».

символы — хрисмы, кресты, рыбы, птицы, Добрый пастырь и др. Часто окружались растительным или геометрическим орнаментом. Присутствуют и штампованные изображения орнаментированных крестов и хрисм. В керченском склепе 1894 г. была найдена глиняная лампадка с рельефным изображением двух рыб. Другой христианский символ был найден в Ильичевке и датируется IV-VI вв. — это фигурка осла, который несет на спине светильник [5].

В коллекции Керченского музея имеется ряд не описанных лекифов (или же лекифообразных кувшинов) с изображением ликов мучеников второй половины VI в. [3, с. 25-30] Данные сообщают о семи сосудах данного типа. Второй половиной VI в. датируется только один кувшин, обнаруженный в закрытом могильном комплексе. Изображения на лекифах можно разделить на две группы: с бородатым мужчиной преклонного возраста (из Одесского собрания) и с молодым человеком (из Керчи). На одном из сосудов присутствует напись «Фока», который был почитаем в Херсонесе. Можно предположить, что изображенный мужчина преклонных лет и есть св. Фока. На одном из керченских лекифов есть плохо сохранившаяся часть с изображением молодого человека. Юрочкин В.Ю. предположил, что изображенным человеком мог быть Феодор Тирон, который тоже является почитаемой фигурой на Южном Понте. В Тиритаке обнаружено посвящение св. Феодору, а так же в средневековой Таврике множество храмов было освящено во имя св. Феодора Тирона [7, с. 111-112]. Сосуды, с большой вероятностью, были предназначены для св. мирра, так как имеют небольшую вместимость, а высокое качество росписи указывает на то, что это не могло быть обычной бытовой посудой. Античная форма лекифа, который связан с погребальным культом, есть демонстрация перехода смысла назначения в византийскую эпоху.

Так же можно отметить амулет (1898 г.) с погрудным изображением безбородого мужчины с крестом и надписью «Боже, помоги. Аминь».

Таким образом, можно отметить, что раннехристианские учения были достаточно распространены не только в обрядной сфере, но и в повседневной жизни.

Источники и литература

1. Банк А.В. Прикладное искусство// Культура Византии. IV -первая половина VII в. М., 1984. - С. 611-612.

2. Болгов Н.Н. Культурный континуитет в Северном Причерноморье IV-VI вв. — Нижний Новгород: Издательство Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, 2001. — 150 с.

3. Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949. — 624 с.

4. Залесская В.Н. Памятники средневековой греческой эпиграфики из Северного Причерноморья (новые поступления византийского отделения Эрмитажа) // ВВ. 49. М., 1988.

5. Николаева Э.Я., Десятчиков Ю.М. О распространении христианства на Боспоре. Б.м., 1998. — 83 с.

6. Ручинская О.А. Распространение христианства на Боспоре в первые века н.э. [Электронный ресурс] // Academia.edu. – Режим доступа: https://www.academia.edu/37556271/Распространение_христианства_на_Боспоре_в_первые_века_н_э — (проверено 17.09.2024).

7. Юрочкин В.Ю., Туровский Е.Я. Лекифы с ликами святых из Северного Причерноморья (к вопросу идентификации образов) // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 2001.

УДК (9) **DOI 10.5281/zenodo.14722136**

Деев А.И.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НИКЕЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ТАВРИКИ[1]

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Аннотация. В статье поднимается вопрос об дипломатических контактах между т.н. Никейской империи с бывшими владениями Византии в Таврике.

Abstract. The article raises the issue of diplomatic contacts between the Nicene Empire and the former Byzantine possessions in Taurica.

Ключевые слова: Византия, Византийская империя, Восточная Римская империя, Никейская империя, Таврика.

Keywords: Byzantine, Byzantine Empire, Eastern Roman Empire, Nicene Empire, Taurica.

С взятием и разграблением рыцарями-крестоносцами Константинополя в 1204 г., ранее единая, централизованная Византийская империя на некоторое время утратила свою государственность и претерпела дезинтеграцию, сопровождаемую распадом на ряд государств-приемников, самым могущественными и жизнеспособными два образования, известные под своими историографическими названиями: Никейская и Трапезундская империи.

Первое государство было основано Михаилом Ласкарисом – бывшим столичным вельможей, имевшим брак с дочерью бывшего императора Алексея III Ангела. Он укрепился на западе Малой Азии с центром в городе Никея.

Второе же располагалось на Южном побережье Чёрного моря, с центром в Трапезунде, и было создано двумя выжившими наследниками низвергнутой четверть столетия назад династии Комнинов: Алексеем и Давидом, которые впоследствии стали себя называть «Великие Комнины».

Хаос, разразившийся на всей территории бывшей империи, после падения столицы, породил и других политических игроков, которые благодаря этому вакууму власти получили свой полный или частичный суверенитет. К последним относился византийский город Херсон, бывший центром одноимённой фемы в Юго-Западном Крыму.

В то неспокойное время Херсон, находился под растущим давлением кочевников, и потому не стремился к независимости, а напротив, желал найти для себя поддержку и защиту из вне. Город сделал выбор в пользу Трапезундской империи и признал власть Алексея I Великого Комнина [3, с. 103]. Целесообразность такого решения объясняется не сколько поддержкой прав Великих Комнинов на общевизантийский престол, а сколько давними торговым и административными связями Северного Причерноморья и Трапезунда. Однако, следует указать, что хотя императоры последнего и добавили к своей титулатуре упоминание себя в качестве владык «Ператеи» (так называли ЮБК), их реальная власть власть над этой территорией была не слишком сильна и Херсон естественно для себя обладал

[1] Научный руководитель – Т.В. Сарапулкина, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Всеобщая история и мировая культура» ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет».

толикой свободы. Благодаря этим обстоятельствам взаимоотношения между Херсоном и Трапезундом оставили много информации и неплохо изучены, чего не скажешь про его контакты с Никейской империей.

Хотя Никейское государство не имело много портов на Чёрном море, но в его руках был крайне мощный аргумент в борьбе за осколки империи – вера. Михаил IV Авториан, короновавший Михаила I Ласкариса императором, был признан большинством иерархов православной церкви новым патриархом. На территории Северо-Западного Крыма исторически крайне большое влияние имел епископ Херсонской епархии. После своего избрания патриарх Михаил IV начал рукополагать церковных иерархов в те области, которые были каноничной территорией Константинопольского патриархата – в том числе в Херсонес. Однако они сталкиваются с жёстким сопротивлением местной власти, которая отказывалась признавать ставленников противника императора Алексея I и с жесткостью изгоняет их из города [2, с. 233-299].

Нам известен источник т.н. «Аланское послание» за авторством епископа Феодора. Как сказано в тексте, Феодор был послан из Никеи для того, чтобы занять уготовленную для него патриархом кафедру в Боспоре. Однако, у побережья Таврики, он и его спутники были схвачены неким Цаманом и переданы на суд в протрапезундский Херсон*: «Дальнейшее знает Херсон и скифская страна, дружески принявшая путешественников ... Город скорбел о домашних бедствиях. Сиротил его меч-язык извне, а внутри подымалась междоусобная брань. А мы тут и спаслись бегством.».* Кроме того, как видно, упоминается некие беспорядки и усобицы, активизации которым и мог способствовать Феодор своим прибытием. Херсонский епископ тоже был настроен крайне негативно по отношению к никейским путникам: *«Вы знаете херсонского епископа; к чему же мне входить в точные разъяснения перед знающими? Этот старец и из давнего времени епископствовавший, считал для себя смертью, что Аланы были у нас, или скорее, что мы были в Херсоне. Тотчас пошла речь о границах епархии, и что это его епископия, и что я здесь проездом и чужой.»* Своё спасение Феодор находит благодаря доброжелателю, некому знатном горожанину Иоанну, который заступился за пленников приютил их, а позже дал возможность бежать – это говорит о наличии сторонников Авториана и Ласкариса внутри Херсонеса.

Помимо немногочисленных данных письменного источника есть данные археологические. Благодаря исследованиям в пещерном храме св. Николая Мирликийского, освященном в 1301 году Херсонским митрополитом Иоанном Склиром, было найдено изображение мужчины в царском одеянии с короной на голове. Как считается, вероятнее всего это изображение портрет Андроника II Палеолога (1282-1328), время правления которого совпадают с началом постройки храма [4, с. 19-49]. Несмотря на то, что это произошло уже после освобождения Константинополя и налаживания отношений между Трапезундом и остальной империей – это говорит об потери власти последним над Херсоном и переходом его под влияние наследников Никеи.

Борьба между двумя греческими государствами началась почти сразу после их появления. Ведь, что Михаил I Ласкарис, что братья Комнины, считали себя истинными правителями Византии, оба претендовали на возможность её реставрации, и естественно, оба боролись прежде всего за право восседать на императорском престоле в Константинополе. С самого начала лидеры этих двух центров консолидации ромейских сил имели антагонистические отношение друг к другу: для Ласкариса братья были частью опального рода, распри которых и привели

империю к пропасти, а для Комнинов Ласкарис представлял из себя никого другого, кроме как приемника узурпаторов, отнявшего у них законную власть. Подобный раскол затормаживал центробежные процессы на территории бывшей и империи и препятствовал её возрождению. Контакты между различными осколками империи требуют большего изучения для понимая политического определения территорий.

Источники и литература

1. Богданова Н.М. Церковь Херсона в X-XV вв. / Византия. Средневековье. Славянский мир. – Москва, 1991 г. – С. 19-49.
2. Васильевский В.Г. Из переписки Иоанна Навпактского. – СПб: – 1896. – Т. 3. – С. 233-299.
3. Успенский Ф.И. Очерки истории Трапезундской империи / Ф.И. Успенский. – СПб: Евразия, 2003. – 318 с
4. Епископ Феодор. «Аланское послание».

УДК 902 **DOI 10.5281/zenodo.14722141**

Григоренко М.А.

ВИЗАНТИЙСКИЕ МОНЕТЫ В ПОГРЕБЕНИЯХ НОМАДОВ НИЖНЕГО ПОДОНЬЯ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ VI-IX ВВ.[1]

Южный федеральный университет Институт истории и международных отношений, г. Ростов-на-Дону

Аннотация. Данное исследование анализирует византийские монеты, найденные в погребениях кочевников Нижнего Подонья VI-IX веков, чтобы проследить характер контактов между кочевыми племенами и Византийской империей. Исследование выявило периоды активного и ослабленного взаимодействия, связанные с политическими и экономическими изменениями. Поток монет в кочевую среду увеличился в 558-576 гг. и конце VI – первой половине VII вв., свидетельствуя об активной торговле. Однако сокращение монетных находок в 610-626 гг. и во второй половине VII в. Указывает на ослабление связей. Возобновление сотрудничества наблюдалось в VII-VIII вв., но с 764 г. Его вытеснили арабские дирхемы, отражая изменения в экономических отношениях. В последней трети VIII в. Использование византийских монет сократилось, что связано с потерей кочевниками этнополитического преобладания. Таким образом, анализ данных археологических находок иллюстрирует сложные политические и экономические процессы, происходившие между кочевниками и Византийской империей на протяжении VI-IX веков.

Abstract. This study analyses Byzantine coins found in the burials of nomads of the Lower Don region in the 6th-9th centuries to trace the nature of contacts between nomadic tribes and the Byzantine Empire. The study revealed periods of active and weakened interaction associated with political and economic changes. The flow of coins into the nomadic environment increased in 558-576 and the late 6th and first half of the 7th centuries, indicating active trade. However, the decline in coin finds in 610-626 and the second half of the 7th century indicates a weakening of ties. A resumption of co-operation was observed in the seventh to eighth centuries, but from 764 it was supplanted by Arabian dirhams, reflecting changes in economic relations. In the last third of the 8th century the use of Byzantine coins decreased, which is connected with the loss of ethno-political dominance by the nomads. Thus, the analysis of these archaeological finds illustrates the complex political and economic processes that took place between the nomads and the Byzantine Empire during the VI-IX centuries.

Ключевые слова: контакты, Нижнее Подонье, монеты, византийские импорты, раннее средневековье.

Keywords: contacts, Lower Don region, coins, Byzantine imports, Early Middle Ages.

Монеты в курганах средневековых номадов встречаются не так часто – по сравнению с другими импортами. Однако в раннем средневековье в степной зоне известна целая серия византийских монет.

Взаимодействие с кочевниками базировалась на страхе и желании получить собственную выгоду. Поэтому императоры нередко подкупали кочевников с помощью подарков и не только, формируя союзы. Такое влияние достаточно хорошо прослеживается в находках монет.

[1] Научный руководитель – Е.В. Вдовченков, доцент, доктор исторических наук, заведующий кафедрой археологии и истории Древнего мира ЮФУ.

Находки, относящиеся к правлению Юстина I и Юстиниана I (518-527 гг.), свидетельствуют об установлении первых контактов и началу активной внешней политики между Византией и тюркскими кочевниками, усиливается обмен посольствами. Например, в Чир-Юрте найдены монеты императоров Маврикия и Ираклия [3]. Однако захват тюрками Северного Кавказа повлек территориальное столкновение с Византией. Последующее сокращение византийских монет при Юстиниане II (610-626 гг.) может быть связано с отказом от схемы предшественников, в виде усиленных торговых отношений, что по итогу привело к временному прекращению поступления византийских артефактов в регионе [5]. Также был обнаружен затертый, обрезанный и имеющий отверстие солид 610-626 гг. обнаружен в Шиловке [5], который использовался уже в качестве украшения.

В конце VI – первой половине VII вв. в погребениях кочевников Нижнего Подонья обнаруживаются монеты императоров Маврикия, Фоки и Ираклия. Например, в Дорофеевском погребении найдены монеты Фоки и Ираклия, а также другие византийские артефакты – бубенчики, пряжка, височные серьги, фрагменты железных стремян, которые свидетельствуют об учащении контактов [5]. И действительно, постепенно отношения налаживаются и тюрки отдают Боспор, оба государства объединяются в войне против Сасанидского Ирана. В целом контакты между Византией и степными народами активизируются в период правления Ираклия (610-641). Мы можем это заметить по щедрым дарам тюркскому вождю – столовая посуда, императорские одежды, украшения, полновесные 24-каратные золотые солиды, медальоны – в знак благодарности за помощь в войне против персов [5]. Также наблюдается такой интересный факт, что в Келегее сохранность более старых монет Юстиниана I и Ираклия лучше, чем более новых, что возможно свидетельствует о более редком их использовании.

Далее мы наблюдаем достаточно редкие находки монет Константа II и Константина IV (641-685) [4], что говорит о нейтралитете во взаимоотношениях с постепенным уменьшением контактов. Так, в Перещепино найдены ожерелья, украшения одежды, поясной набор, а также солиды Маврикия, Фоки, Ираклия, Константа II, относящиеся к этому периоду, которые использовались в качестве поясных блях и медальонов [4].

Повторное учащение византийских монет на данной территории относится ко второй половине VII–VIII вв. и связан с военными конфликтами Византии и Хазарского каганата из-за Херсона, а также с союзом против Арабского халифата в первой половине VIII в. Далее мы замечаем появление варварских подражаний византийских монет, таких как легковесное подражание монетам Ираклия 616-625 гг. в Келегеях и Чит-Юрте, а также грубое подражание монетам Ираклия в Шиловке [5]. Они указывают на ограниченность поступления подлинных византийских монет в регион и попытке как-либо компенсировать это.

Однако традиция использования монет в погребальном обряде номадов сохранилась, о чем свидетельствуют находки сильно стертых и дефектных экземпляров в памятниках Соколовского типа. Более качественные находки включают 4 полновесных 24-каратных солида Ираклия и Константа II с петлями для подвешивания, обнаруженные в Келегее, а также 4 солида Ираклия и Константа II, вероятно использовавшиеся как «оболы мертвых» в Новых Санжарах. В Майстрове сохранился единственный 24-каратный солид Ираклия из погребения с несколькими сотнями золотых византийских монет [6].

Анализ других обнаруженных подражаний показывает, что они включают серебряные позолоченные монеты, подражающие выпускам Константа II 642-646

гг., найденные в Днепропетровске в составе ожерелья. Кроме того, в регионе встречаются солиды, которые имеют подражание монетам различных византийских императоров второй половины VII – начала VIII вв. (Константа II, Константина IV, Юстиниана II, Леонтия II и Тиберия III) [5]. Их хорошая степень сохранности указывает на одновременное поступление и использование этих подражаний.

Далее мы замечаем прекращение поступления византийских монет в Восточную Европу и их место занимают арабские дирхемы. В это время Хазария заключает договор с арабами, скрепляя династическим союзом и разрывает отношения с Византией [6]. Происходит смена политического курса и начало новой эпохи в торгово-экономических и культурных отношениях между степью и Средиземноморским миром. Союз Хазарии и Византии подкреплялся дипломатическими дарами – это и было, видимо, источником поступления византийских монет в регион.

Подводя итог, по этих находках мы можем проследить динамику и характер контактов кочевников с Большим Средиземноморьем. В 558-576 гг. и конце VI – первой половине VII вв. наблюдался рост числа монет, проникающих в кочевую среду, что указывает на активное экономическое взаимодействие Византии и кочевых племен. Однако в 610-626 гг. и второй половине VII в. происходит сокращение монетных находок, свидетельствующее об ослаблении торгово-экономических связей. В VII в. В степь поступило большое количество монет Ираклия 638-641 гг. и Константа II 642-646 гг. Во 2-й половине VII в. прекращаются поступления новых византийских монет, и хазары начинают использовать накопленные ранее запасы, начали появляться первые варварские подражания. В VII-VIII вв. вновь отмечается всплеск присутствия византийских монет у кочевников, демонстрируя возобновление сотрудничества, однако с 764 г. их сменяют арабские дирхемы, что отражает коренные изменения в системе экономических отношений. В последней трети VIII в. использование византийских монет у хазар сокращается, что свидетельствует о потере ими этнополитического преобладания, а обращение византийских монет на территории Хазарского каганата завершается в конце VIII в. Таким образом, динамика распространения византийских монет у кочевников Нижнего Подонья наглядно отражает сложности их политических и экономических взаимоотношений с Византийской империей в эти века.

Источники и литература

1. Вдовченков Е.В. Социальная история кочевого населения Нижнего Подонья сарматской эпохи (II в. До н.э. – IV в. Н.э.). Ростов-на-Дону. 2023 г. С. 326-328.
2. Казанский М.М. Древности постгуннского времени на юге восточной Европы и ангискиры // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Москва. 2011 г. С. 27-48.
3. Казанский М.М. Древности степных кочевников постгуннского времени (середина V – середина VI в.) в восточной Европе // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2020. Выпуск XXV. 2020 г. С. 90-167.
4. Ковалевская В.Б. Связи Восточной Европы в эпоху Хазарского каганата (на основании анализа массового археологического материала) // Хазарский Альманах. Москва. 2002 г. С. 52-68.
5. Круглов Е.В. Некоторые проблемы анализа особенностей обращения византийских монет V|-V||| вв. в восточноевропейских степях // Хазарский Альманах. 2002 г. С. 79-93.
6. Круглов Е.В. Формирование источниковой базы памятников типа соколовской балки. Шилов В.П.: курганный могильник Ордынский Бугор 1 // Нижневолжский археологический вестник. Т. 17. № 1. 2018 г. С. 144-159.

УДК 94 **DOI 10.5281/zenodo.14722149**

Первак А.Б.

КОГДА ХРИСТИАНЕ ВОЕВАЛИ С ХРИСТИАНАМИ: ЧЕТВЕРТЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД КАК РАСКОЛ ХРИСТИАНСКОГО УНИВЕРСУМА[1]

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Аннотация. В статье рассматривается реакция современников на Четвертый крестовый поход как событие, подорвавшее представление о едином христианском мире. На основе анализа западноевропейских, византийских и русских источников показана неоднозначная реакция современников на захват Константинополя. Взятие Константинополя стало шоком для христианского мира, так как нарушило представление о христианской солидарности и выявило кризис в отношениях между восточной и западной церквями.

Abstract. This article examines the reaction of contemporaries to the Fourth Crusade as an event that undermined the notion of a unified Christian world. Based on the analysis of Western European, Byzantine, and Russian sources, the ambiguous reaction of contemporaries to the capture of Constantinople is demonstrated. The fall of Constantinople was a shock to the Christian world, as it disrupted the concept of Christian solidarity and revealed a crisis in relations between the Eastern and Western churches.

Ключевые слова: Четвертый крестовый поход, христианский универсум, Средние века, Русь, Византия, Западная Европа, Константинополь.

Keywords: Fourth Crusade, Christian Universe, Middle Ages, Rus', Byzantium, Western Europe, Constantinople.

В последнее десятилетие в историографии активно педалируется идея существования в эпоху Средневековья единого христианского универсума. М.А. Бойцов указывает на то, что идея непреодолимого различия культур, возникших на фундаментах католичества и православия, и противоположная идея их глубинной близости в равной степени основываются на интерпретациях единого средневекового прошлого нашей общей Европы [2]. Несмотря на расхождения в церковной догматике в взаимное анафемство восточной и западной церквей в 50-е годы XI века длительное время догматические различия не выходили за рамки религиозных диспутов. Властные элиты продолжали мыслить себя частью единого мира, включавшего в себя все христианские государства. О существовании в разные времена глобальных надгосударственных структур, объединенных экономическими, политическими и культурными связями, писали еще Ф. Бродель и И. Валлерстайн [3, 4]. В Средние века такой системой оказывается христианский мир, включавший и Западную Европу, и Византию, и принявшую в IX веке христианство Русь. О допустимости сопоставления средневековых восточно- и западнохристианских государств писал А.Ю. Виноградов. В Византии, Руси и государствах Западной Европы христианство определяло многие сущностные черты средневекового общества. Государства переняли и распространяли римскую «картину мира», в том числе практики легитимации власти. Наконец, Западной Европы и Византии есть

[1] Научный руководитель – Н.Д. Николаева, кандидат исторических наук, доцент кафедры Отечественной истории Средних веков и Нового времени Института истории и международных отношений Южного федерального университета

общее Средневековье — это государства эпохи Крестовых походов в Восточном Средиземноморье [5]. Переломной точкой, нарушившей единство христиан, становится Четвертый крестовый поход, во время которого крестоносцы разгромили светоч некогда единого христианского мира Константинополь. Описывая разногласия Византии и Запада накануне Четвертого крестового похода, К. Уикхем подытоживает: «То, что могло оказаться временным, стало окончательным и роковым. Если бы не 1203–1204 годы, не исключено, что […] удалось бы объединить империю заново и вернуть ей статус значимой европейской державы, более интегрированной в культурном отношении в остальную Европу» [15, С. 274-297]. Анализ рефлексии книжников-современников событий 1204 года поможет выяснить, в какой степени захват Константинополя крестоносцами разрушил единый христианский мир.

Позицию западных христиан можно проследить в хрониках Жоффруа Вилардуэна и Робера де Клари, а также монаха Гюнтера Пэрисского. Робер де Клари объясняет «уклонение с пути» тем, что после захвата Задара у рыцарей не было средств для продолжения похода. Единственной возможностью продолжить поход оказалась помощь греческому царевичу Алексею, который обещал деньги и продовольствие в обмен на поддержку его восшествия на несправедливо отобранный престол [9, XXXIII]. Некоторые крестоносцы возражали, считая, что необходимо продолжить поход на «Вавилонию или Александрию», ссылаясь, о чем писал Виллардуэн, на послание папы Иннокентия III, запрещающее нападать на христианский город [5, § 83]. Однако сторонники константинопольского плана апеллировали к тому, что без средств поход обречён, и лучше воспользоваться случаем, чем погибать от голода [5, § 84]. Гюнтер Пэрисский также подчеркивает, что с самого начала вожди крестоносцев воспротивились венецианскому проекту, ибо были исполнены истинно христианских чувств. Однако безвыходная ситуация крестоносцев привела к изменению изначального маршрута [8, VI]. При этом монах, единственный из хронистов, обосновывает завоевание Константинополя стремлением к церковному единству [8, X]. По мнению М.А. Заборова, хронисты искажали истинные причины похода – захват земель и богатств [7, С. 324]. Как отмечает П.М. Бицилли, «сами панегиристы завоевания Константинополя нередко выдают свое смущение и обнаруживают, что совесть их далеко не спокойна» [1]. В попытках объяснить произошедшее хронисты выстраивают события похода как цепь случайностей, делая, как отмечает М.А. Заборов, простой случай решающим фактором завоевания Константинополя [7, С. 160].

Византийский хронист Никита Хониат обвиняет латинян в захвате Константинополя, подробно описывая их бесчинства: они не щадили ни священных икон, ни женщин, посвящённых Богу, а останки мучеников разбрасывали по нечистым местам [13, II, 324]. Он называет крестоносцев «безбожными злодеями» и обвиняет дожа Венеции, требовавшего унизительных условий для византийцев, в жадности и коварстве [13, II, 327-328, 314-315]. При этом Хониат признаёт вину и самих греков, называя захват Константинополя «наказанием, какое посылает Бог по известным Ему причинам» [13, II, 334]. Хониат отмечает, что «Кончина мира», как он называет захват Константинополя, не была предсказана никаким знамением [13, II, 324, 338]. Пытаясь обосновать крайне неожиданный исход событий Хониат, подобно французским хронистам, ссылается на распоряжение случая и игру слепой судьбы [13, II, 318].

Автор «Повести о взятии Царьграда фрягами», предположительно новгородский паломник Добрыня Ядрейкович, описывает Четвертый крестовый

поход через призму интересов германского императора Филиппа Швабского, показывая его благие намерения: помочь восстановить власть Алексея IV и затем отправиться в Иерусалим [1; 10; 11, С. 635-643; 12; 14, С. 46]. В захвате Константинополя он обвиняет крестоносцев, которые ослушались повеления «немецкого цесаря» «не причинять зла Греческой земле», венецианцев и их дожа, который «много брани на град замышляше» [14, С. 46-48]. Новгородец критикует и греков отказавшихся защищать Царьград и бежавших вместе с императором и патриархом. В отличии от Виллардуэна и де Клари, он не изображает события цепью случайностей. Для него, как и для Хониата, – это результат не только действий Венеции и крестоносцев, но и внутренних слабостей Византии. Как утверждают С.И. Лучицкая и Н.А. Мещерский, автор повести выводит причину гибели «Греческой земли» из «свады цесарей», то есть междоусобной ссоры императоров, предавших интересы государства и народа [10; 12]. По словам С.И. Лучицкой, автор стремится предостеречь соотечественников об опасностях ссор и раздоров. По мнению П.М. Бицилли, А.В. Майорова и Н.А. Мещерского, будучи в Царьграде книжник подчерпнул такое объяснение событий из бесед с немцами [1, 11, 12]. Представитель восточной церкви перенимает пронемецкую версию, показывая, что различия в церковной догматике не играют определяющей роли в выстраивании взаимоотношений между христианами.

Анализ хроник Четвертого крестового похода показывает, что это событие вызвало потрясение в умах книжников, поскольку подорвал само понимание единого христианского мира, где христиане, независимо от их конфессий, должны были поддерживать друг друга в борьбе против неверных. Виллардуэн, де Клари, Никита Хониат и новгородский летописец не искали причину событий в религиозных разногласиях, более того хронисты подчеркивают нежелание идти войной на христиан. Нападение христиан на христиан было воспринято как неподдающаяся стройному логическому объяснению цепь роковых случайностей, в которой каждая из сторон, называя причиной событий оппонента, не может скрыть и собственной вины за случившееся. Растерянность книжников-мирян как ведущая реакция на взятие Константинополя показывает, что в сознании подавляющей части христиан единый христианский мир существовал. Однако монах, понимающий различия в догматах двух церквей, Гюнтер Пэрисский указывал в качестве фактора захвата Константинополя стремление к церковному единству. Это показывает, что в едином христианском мире уже зрело обоснование дальнейшего раскола церквей и всего христианского мира.

Источники и литература

1. Бицилли П.М. Новгородское сказание о четвертом крестовом походе // Исторические известия. 1916. Т. III—IV. № 3-4. С. 53–60.

2. Бойцов М. А., Виноградов А. Ю., Воскобойников О. С. и др. Европа: Восток и Запад / отв. ред. М. А. Бойцов; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 415 с. ISBN 978-5-7598-1229-6.

3. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. / Пер. с фр. Л. Е. Куббеля; вступ. ст. и ред. Ю. Н. Афанасьева. 2-е изд. М.: Весь мир, 2006. 736 с.

4. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение / Пер. Н. Тюкиной. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 248 с.

5. Виллардуэн Ж., де. Взятие Константинополя. Песни труверов. М.: Наука, 1984. 360 с.

6. Виноградов А. Ю. Параллельные «Средневековья»: Византия, Кавказ (и Древняя Русь) [Электронный ресурс] // Vox medii aevi. 2019. Vol. 2(5). С. 179–191. URL:

https://voxmediiaevi.com/2019-2-vinogradov (дата обращения: 03.09.2024). DOI: 10.24411/2587-6619-2019-00020.

7. Заборов М. А. Введение в историографию крестовых походов (Латинская историография XI—XIII веков). М.: Наука, 1966. 381 с.

8. Заборов М. А. История крестовых походов в документах и материалах. М.: Высшая школа, 1977. 272 с.

9. Клари Р., де. Завоевание Константинополя. М.: Наука, 1986. 272 с.

10. Лучицкая С.И. Четвертый крестовый поход глазами русского современника // Византийский временник. 2006. Т. 66 (90). С. 107–126.

11. Майоров А. В. Русь, Византия и Западная Европа: Из истории внешнеполитических и культурных связей XII—XIII вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. 800 с.

12. Мещерский Н. А. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 году // Труды Отдела древнерусской литературы. М.—Л., 1954. Т. 10. С. 132.

13. Никита Хониат. История со времени царствования Иоанна Комнина / Пер. под ред. И. В. Чельцова; изд. подгот. А. И. Цепков. Т. 2. (1186-1206). Рязань: Александрия, 2003. 454 с.

14. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. и с предисловием А. Н. Насонова. М.—Л.: Наука, 1950. 656 с.

15. Уикхем К. Средневековая Европа: От падения Рима до Реформации / Пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2019. 536 с. ISBN 978-5-91671-712-9.

УДК 94(495) **DOI 10.5281/zenodo.14722156**

Белоусов И.М.

ЧЕТВЕРТЫЙ ВСЕЛЕНСКИЙ СОБОР. ПРОТИВОРЕЧИЯ ЭЛИТ. КОНСТАНТИНОПОЛЬ, АЛЕКСАНДРИЯ, АРМЕНИЯ[1]

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Аннотация. В середине V в. в Империи Ромеев происходят события, имевшие глубокие политические, экономические и религиозные последствия. Богословские споры и поиск компромисса в Христологических спорах; противостояние Александрии и Константинополя привели к кризису и конфликтам на IV Вселенском соборе. В условиях возвышения Константинопольского патриархата, происходило понижение роли Александрийского, что было воспринято как покушение на значимость египетской Церкви и принижение ее роли. Коптская церковь пыталась получить свою независимость от Ромеев. Армяне стремились получить независимость от Персии, но при этом оставаясь свободной страной. Отсутствие поддержки в борьбе против Персии привело и к религиозному конфликту. В дальнейшем, Армянская Церковь не раз искала компромисс в богословских спорах, но политика препятствовала его нахождению.

Abstract. In the middle of the fifth century, events took place in the Roman Empire that had profound political, economic and religious consequences. Theological disputes and the search for compromise in Christological disputes; the confrontation between Alexandria and Constantinople led to a crisis and conflicts at the IV Ecumenical Council. The Coptic Church tried to gain its independence from the Romans. Under the conditions of the rise of the Patriarchate of Constantinople, the role of the Alexandrian was lowered, which was perceived as an attempt on the importance of the Egyptian Church and a belittlement of its role. The Armenians sought to gain independence from Persia, but at the same time remaining a free country. The lack of support in the struggle against Persia led to a religious conflict. Later, the Armenian Church repeatedly sought a compromise in theological disputes, but politics prevented its finding.

Ключевые слова: Вселенские Соборы, Александрийский патриархат, Коптская церковь, Армянская Церковь, Империя Ромеев, Константинопольский патриархат.

Keywords: Ecumenical Councils, the Patriarchate of Alexandria, the Coptic Church, the Armenian Church, the Roman Empire, the Patriarchate of Constantinople.

В середине V в. в Империи Ромеев происходят события, имевшие глубокие политические, экономические и религиозные последствия. Богословские споры и поиск компромисса в Христологических спорах; противостояние Александрии и Константинополя привели к кризису и конфликтам на IV Вселенском соборе, войны с Персией усугубили не только политическую, но и религиозную ситуацию.

Период Вселенских соборов в истории Христианской церкви это время сформирования основных догматических учений, на которых основываются до сих пор многие Христианские конфессии. В их череде особое место занимает IV Собор, в результате которого выделились из Ортодоксального Христианства Древневосточные церкви (наибольшие из них Армянская и Коптская). Информация об этих процессах сохранилось в документах IV Вселенского Собора, Житиях святых, Четьих-Минеях, которые вошли в историю церкви. Полемика, развернувшаяся на соборе помимо

[1] Научный руководитель – М.В. Фомин, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Всеобщая история и мировая культура» ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет».

сугубо богословской, имела еще и политические подоплеки. Значительную роль в спорах сыграло вмешательство политиков и представителей власти, решавших свои задачи.

Но проблема имела еще один слой. Вопрос был не только в богословии. Так, на соборе не присутствовали представители Армянской церкви, из-за войны с Персией. Они нуждались в поддержке Империи, но так и не получили ее. [5] Другой проблемой было противостояние Александрийского патриархата и Константинопольского. Александрийский обладал очень высоким авторитетом, считался одним из древнейших, но его роль принижалась искусственно, в процессе возвышения Константинополя. [1] В самой Александрии, одном из крупнейших научных центров античного мира и христианства происходили сложные процессы, связанные с противостоянием греков и коптов (египтян). Это привело к формированию мощного национального сепаратистского движения, выражавшегося как в политических, так и религиозных плоскостях. [4]

Следствием стало нарастающее противостояние интеллектуальных элит Александрии, Константинополя, Антиохии, Кавказа. В контексте данного противоречия следует выделить историю Коптской и Армянской церквей, что позволит проследить политические причины отделения Церквей.

Египет. До персидского и македонского завоевания египетская культура не испытывала постороннего влияния. Греческое завоевание и возникновение государства Птолемеев привело к формированию синкретической греко-египетской культуры. Но при этом, возрастающая роль греков привела к противостоянию с местными элитами. Распространения христианства сделало Египет крупнейшим христианским центром, который объединяет широкие слои населения. [6] Но вместе с тем обостряются противоречия между греками-христианами Александрии и коптами-египтянами, объединявшимися вокруг монастырей пустыни. Именно там, на коптский язык переводиться произведения христианских авторов, возникает и развивается своя отеческая традиция. [6] Это усугубляло отношения египтян и греков, и без того напряженное.

Другая ситуация сложилась в Армении. Страна представляла собой союз родственных племен, занимавших территории Урарту и Хайяса. На протяжении веков армяне стремились сохранить свою национальную независимость, однако из-за географического положения постоянно находились под властью захватчиков. После падения династии Ахеменидов, армянские земли частично были завоеваны Александром Македонским. [7] В результате междоусобиц образовалось два армянских царства Великой и Малой Армении, которые сначала входили в государство Селевкидов как вассальные области. Позднее, Армении удалось провозгласить свою независимость. Однако в результате вооруженных конфликтов Армения оказалась под номинальным протекторатом великих держав – Рима и Парфии. [5]

В 226 г. в результате государственного переворота в Персии к власти пришли Сасаниды. Начинается продолжительная борьба армянского народа с персами, – борьба, которая носила религиозно-политический характер. Армения подвергается постоянным набегам со стороны Персии. В результате византийско-персидских войн Армения была разделена между ними. [7]

В конце IV и начале V века страна находилась под игом персов. Христианская вера превратилась в символ сопротивления персам-язычникам. В середине V в. во главе этой борьбы стал Вартан Мамиконьян, но он потерпел поражение и был убит в 451 г. одной из причин поражения стал отказ Императора Маркиана оказать

помощь армянам. [8] Более того, Армянская Церковь не получила приглашения на IV Вселенский собор. [3] В стране, где царил террор персов, постоянные гонения на христиан и насаждался маздеизм (течение зороастризма), Церковь стремилась сохранить то, что было накоплено ею за недолгую историю христианства, недоверие к грекам, отказавшимся помочь единоверным братьям в борьбе с персами, способствовали отказу поддержать решения собора.

Таким образом, можно констатировать, что Коптская церковь пыталась получить свою независимость от Ромеев. В условиях возвышения Константинопольского патриархата, происходило понижение роли Александрийского, что было воспринято как покушение на значимость египетской Церкви и принижение ее роли. Армяне стремились получить независимость от Персии, но при этом оставаясь свободной страной. Отсутствие поддержки в борьбе против Персии привело и к религиозному конфликту. В дальнейшем, Армянская Церковь не раз искала компромисс в богословских спорах, но политика препятствовала его нахождению.

Источники и литература

1. Карташев А. В. Вселенские соборы. М., 1994.
2. Муравьев Н.И. Коптская Церковь. Б.м., 1957 (машинопись). – С. 35. Б.А. Нелюбов, 1998
3. Муравьев Н.И. Значение IV Вселенского Собора // Журнал Московской Патриархии 1951. №5
4. Нелюбов Б.А. Коптская Церковь // Журнал Московской Патриархии. 1971. №12. – С. 57.
5. Орманиан Малахия. Армянская Церковь. М., 1913.
6. Древние восточные церкви. Коптская церковь. // Азбука веры / [Электронный ресурс] Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Boris-Nelyubov/drevnie-vostochnye-tserkvi-koptskaja-tserkov/#0_1 (проверено: 12.04.2024).
7. Древние восточные церкви. Армянская церковь. / Азбука веры / [Электронный ресурс] Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Boris-Nelyubov/drevnie-vostochnye-tserkvi-armjanskaja-tserkov/ (проверено 13.04.2024).
8. Халкидонский собор и его последствия / Азбука веры / [Электронный ресурс] Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Mejendorf/edinstvo-imperii-i-razdelenija-hristian/6 (проверено:07.06.2024).

УДК 94(495) **DOI 10.5281/zenodo.14722162**

Николаенко Е.С.

РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ КОНСТАНТИНОПОЛЯ ПОСЛЕ IV КРЕСТОВОГО ПОХОДА[1]

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Аннотация. В статье изучена религиозная политика «латинского» Константинополя после захвата города в ходе IV крестового похода. Установлено, что религия стала одним из основных факторов неудач латинских правителей в управлении городом. Православный Вселенский патриарх поддержал создание Никейской империи, что привело к оттоку многих православных жителей с оккупированных «латинянами» территорий.

Abstract. The article studies the religious policy of «Latin» Constantinople after the capture of the city during the Fourth Crusade. It was established that religion became one of the main factors of the Latin rulers' failures in governing the city. The Orthodox Ecumenical Patriarch supported the creation of the Nicaean Empire, which led to the outflow of many Orthodox residents from the territories occupied by the «Latins».

Ключевые слова: религия, Константинополь, Латинская империя, патриарх.

Keywords: religion, Constantinople, Latin Empire, patriarch.

Религиозный вопрос после захвата Константинополя стоял очень остро, поскольку латиняне, придя к власти, одним из первых своих шагов в области управления захваченными территориями, сделали замену православного патриарха на католического, так как объявили православие ересью.

Информация по этому вопросу содержится в ряде источников: письмах понтифика Иннокентия III [1], письмах патриарха Иоанна Каматира к нему [2] и многих других. Все они показывают отношение к избранию нового патриарха, а также к деяниям со стороны Латинской империи.

В историографии этой темой занимались как отечественные историки, так и зарубежные: Е.В. Евтуховский [3], Э.Г. Курц [4], С.Н. Олейников [5], А.А. Васильев [6], А. Гайзенберг [7], П. Гуран [8], Р.Дж. Макридес [9], М.А. Ангольд [10] и А. Пападакис [11].

Несмотря на установление оккупационной власти в городе, византийское духовенство предпринимало попытки сохранить греческий патриархат в городе: во-первых, они хотели получить разрешение покинуть Константинополь патриарху Иоанну X Каматиру в Дидимотику, чтобы православный иерарх расположился в Греции. Во-вторых, стремились привлечь Константинопольского патриарха ко двору василевса ромейского происхождения. Всё это завершилось отречением Иоанна от патриаршества, ромейское духовенство города подверглась изгнанию и переместилась в Никею [3].

В 1206 году константинопольское духовенство обратилось к императору Никейской империи Фёдору Ласкарису с просьбой созвать Собор для избрания нового патриарха. Собор состоялся в марте 1208 года и избрал новым православным

[1] Научный руководитель – В.В. Хапаев, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Всеобщая история и мировая культура» ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет».

"патриархом Константинополя" Михаила IV Авториана. Это событие стало воссозданием "Византийской империи в изгнании"[7].

В это время имели место попытки папского легата склонить представителей ромейского духовенства к унии. Первая попытка состоялась в 1204 году, когда нужно было добиться от греческого духовенства признания папы главой их церкви, но переговоры к успеху не привели. Важную роль в переговорах сыграл Николай Месарит, который, принимая участие в качестве переводчика, придерживался православных взглядов, но признавал примат папы и был сторонником унии. Положение греческого клира усложнилась после смерти Иоанна Каматира в 1206 году, когда латинский «император» Генрих позволил избрать нового патриарха при условии, что тот признает главенство папы. Однако ромеи не хотели ни подчинения Святому Престолу, ни примирения с ним, поэтому этот диспут ни к чему не привел [6].

Переговоры 1214 года проходили в Константинополе и Малой Азии при участии кардинала Пелагия, его сторонников и Николая Месарита, но и они закончились безуспешно. Месарит был разочарован высокомерным приемом со стороны Пелагия в Константинополе и прервал переговоры [10].

В конце понтификата Иннокентия III прошло важное мероприятие: Латеранский собор 1215 года, считавшийся в Западной Церкви Вселенским собором. Собор признал папу главой всех восточных латинских патриархов, включая Константинопольского, Иерусалимского и Антиохийского. С этого времени они, с точки зрения католиков, должны были перейти в полное подчинение Святому Престолу. Однако надежды папы на подчинение Восточной церкви Риму не были осуществлены. Для полной победы была необходима религиозная уния и духовное подчинение, добиться которых Иннокентию III и его преемникам не удалось [6].

Никейская империя имела своего греческого патриарха, носившего Константинопольский титул. Из-за захвата города патриарх был вынужден находиться в Никее, но жители все равно воспринимали его как «чужого и присоединенного», который в скором времени должен был вернуться в Константинополь. Иннокентий III не признавал первого никейского государя Феодора I Ласкаря ни в качестве императора, ни даже в более низком ранге – деспота.

После захвата Константинополя крестоносцами церковные отношения приобрели как духовный, так и политический характер. Во-первых, латиняне считали, что Константинопольский патриарх должен подчиняться новому императору и Римскому папе. Однако этого не произошло. Во-вторых, смерть Иоанна Каматира ознаменовала новую тенденцию в развитии Константинопольской церкви, поскольку с 1206 года она стала ассоциироваться с Никейской империей.

В 1232 году в развитии церкви наступил новый этап. Французские монахи, освободившиеся из турецкого плена, прибыли в Никею с предложением объединить церкви. Папа Григорий IX согласился и в 1234 году отправил в Никею своих представителей, но переговоры потерпели неудачу. Одиннадцать лет спустя на Лионском соборе папа Иннокентий III выразил разочарование греческой церковью, которая якобы отвернулась от своей «западной матери» [9].

Союз Иоанна Ватаца и Фридриха II Гогенштауфена осложнил отношения между Никеей и папским престолом. Однако под конец правления Фридриха между Никеей и Римом возобновились переговоры [9].

В последние годы своего правления Иоанн Ватац выдвинул следующие условия для унии: возвращение Константинополя ромеям, восстановление

Константинопольского патриархата и удаление из города латинского императора и латинского духовенства. Папа Иннокентий IV согласился с этими условиями, поскольку был готов на все, включая прекращение существования крестоносного государства, чтобы восстановить единство христианского мира. Со своей стороны, Иоанн Ватац был готов пожертвовать независимостью греческой церкви. Однако в 1254 году оба правителя умерли, и их договор об унии церквей Востока и Запада так и остался проектом [6].

В 1256 году папа Александр IV отправил епископа в Никею, чтобы возобновить вопрос об унии. Поначалу цели этой миссии были неясны, но позже выяснилось, что инициатива исходила от никейского императора. Обе стороны были заинтересованы в решении церковной проблемы. Однако папская миссия потерпела неудачу, поскольку епископ Орвьето не был принят императором. Это произошло потому, что Феодор II после одержанных им в Болгарии побед изменил точку зрения на этот вопрос и решил, что ему не нужна помощь папы, а захват Константинополя возможен и без унии [5].

Через два года после смерти Феодора II к власти в Никейской империи пришел Михаил Палеолог. Он столкнулся с серьезной проблемой, поскольку был узурпатором, против которого была сформирована коалиция. Чтобы укрепить свои позиции, ему была нужна поддержка со стороны папы. Но в конечном итоге, Михаилу удалось захватить Константинополь без какой-либо помощи со стороны Святого Престола [7].

В результате религиозной политики в Никейской империи была сохранена православная церковь и православное патриаршество, которые были возвращены в Константинополь. Таким образом, религиозная жизнь Константинополя в период с 1204 по 1261 год была весьма насыщенной.

В истории Константинопольской Церкви этого периода можно выделить несколько этапов: **1204–1208 гг.: Константинопольская церковь переживает кризис из-за прихода к власти латинян и вынуждена переместиться в Никею, что начинает процесс объединения церквей Никеи и Константинополя.** 1208–1232 гг.: предпринимаются попытки подчинить Константинопольскую и Никейскую церкви Риму. **1232 г.: Иоанн Ватац и Фридрих II Гогенштауфен выдвигают план объединения церквей Востока и Запада, который так и не был реализован.** После смерти Иоанна и Фридриха предпринимаются попытки воплотить их план в жизнь, но из-за политических и личных причин это не удается.

Источники и литература

1. Thomae, patriarche Constantinopolitano. [Электронный ресурс] https://archive.org/stream/RegestaPontificumRomanorumVol.1/Bd1_djvu.txt (проверено 30.05.2024).

2. Papadakis A. John X Camaterus confronts Innocent III: An Unpublished Correspondence. Byzantinoslavica. 1972. Vol. 33 № 1. P. 5-7.

3. Евтуховский Е.В. Избрание патриархом в Никейской империи (1204-1261 гг.). [Электронный ресурс] https://cyberleninka.ru/article/n/izbranie-patriarhov-vnikeyskoy-imperii-1204-1261-gg/viewer (проверено 14.06.2024).

4. Курц Э.Г. Три Синодальные грамоты митрополита Ефесского Николая Месариата. Византийский временник. 1905. С. 28-32.

5. Олейников С.Н. Римская церковь и становление Латинской империи в 1204- 1205 гг. [Электронный ресурс] https://elibrary.ru/item.asp?id=63639500 (проверено 30.05.2024).

6. Васильев А.А. История Византийской империи. Т.II. [Электронный ресурс] https://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr-Vasilev/istorija-vizantijskoj-imperiitom2/2_7#note584 (проверено 09.02.2024).

7. Heisenberg A. Neue Quellen zur Geschichte des lateinischen Kaisertums und der Kirchen union. Bd. 2: Die Unions verhandlungen vom 30. August 1206. München. 1923. 34.

Macrides R.J. The foundation of the «Empire of Nikea». Oxford: Oxford University Press. 2007. 96 c.

8. Guran P. From Empire to Church and Back. 2006. [Электронный ресурс] (PDF) From Empire to Church and Back, RESEE 2006 | Petre Guran - Academia.edu (проверено 11.06.2024).

9. Macrides R.J. The foundation of the «Empire of Nikea». Oxford: Oxford University Press. 2007. 349 p.

10. Angold M.A. Byzantine qovernment in exile. Oxford: Oxford University Press. 1975. 332 p.

11. Papadakis A. John X Camaterus confronts Innocent III: An Unpublished Correspondence. Byzantinoslavica. 1972. Vol. 33 № 1. [Электронный ресурс] Full text of "Byzantinoslavica vols. 22-30" (archive.org) (проверено 17.05.2024).

УДК 94(32).04 **DOI 10.5281/zenodo.14722166**

Лапицкий А.Ю.

ОТНОШЕНИЯ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА И ЦИВИЛИЗАЦИЙ ЭГЕЙСКОГО МОРЯ В ПЕРИОД XVII И XVIII ДИНАСТИЙ[1]

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Аннотация. Статья посвящена изучению взаимоотношений между минойской, микенской цивилизациями и Древним Египтом в период XVII и XVIII династий. Исследование фокусируется на характере этих взаимодействий, выявляя основные направления, влияния и последствия для развития культур и политических структур региона. Сделан вывод, что Египет и цивилизации Эгейского моря бронзового века связывали тесные торговые, политические и военные связи. С минойцами Египет имел в основном торговые отношения, чему способствовал флот критской талассократии. С микенцами отношения в основном были военно-политического характера. Ахейцы оказали фиванским фараонам помощь в борьбе с гиксосами, участвовали в походах фараонов, за что вознаграждались, но занимались пиратством в отношении Египта, что вынуждало египтян бороться с ними.

Abstract. The article is devoted to the study of the relationship between the Minoan, Mycenaean civilizations and Ancient Egypt during the 17th and 18th dynasties. The study focuses on the nature of these interactions, identifying the main directions, influences and consequences for the development of cultures and political structures in the region. It is concluded that Egypt and the Bronze Age Aegean civilizations were linked by close trade, political and military ties. Egypt had mainly trade relations with the Minoans, which was facilitated by the fleet of the Cretan thalassocracy. Relations with the Mycenaeans were mainly military and political in nature. The Achaeans assisted the Theban pharaohs in the fight against the Hyksos, participated in the campaigns of the pharaohs, for which they were rewarded, but were engaged in piracy against Egypt, which forced the Egyptians to fight them.

Ключевые слова: Древний Египет, микенская цивилизация, минойская цивилизация, Восточное Средиземноморье, международные отношения.

Keywords: Ancient Egypt, Mycenaean civilization, Minoan civilization, Eastern Mediterranean, International Relations.

Отношения между минойской и микенской цивилизациями с одной стороны и Древним Египтом с другой в период правления XVII и XVIII династий представляют собой важный аспект изучения древней истории. Эти цивилизации, каждая из которых обладала уникальными культурными и политическими особенностями, взаимодействовали друг с другом на протяжении нескольких веков, что оказало значительное влияние на развитие региона Ближнего Востока.

Минойская цивилизация, процветавшая на острове Крит с 2700 по 1400 годы до н.э., была известна своей развитой морской торговлей и культурными достижениями. Микенская цивилизация, возникшая в Балканской Греции, унаследовала многие элементы минойской культуры и продолжила её развитие. Взаимодействие этих цивилизаций с Древним Египтом, особенно в период

[1] Научный руководитель – В.В. Хапаев, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Всеобщая история и мировая культура» ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет».

правления XVII и XVIII династий, характеризовалось активными торговыми и дипломатическими связями.

Античные авторы много писали об отношениях между Грецией и Египтом, но в основном это касалось периода правления Псамметиха I (664–610 гг. до н.э.), когда греческие наемники помогли основателю Саисской династии вернуться к власти. Геродот в Книге Евтерпа рассказывает о пророчестве, данном Псамметиху, что придут «медные люди» из-за моря и помогут ему вернуть трон [2, с. 161]. Но что самое важное, Геродот достаточно много упоминает Египет в контексте мифов об ахейских героях. В частности, героях Троянской войны. Это свидетельствует, что в последний период XVIII династии ахейцы и египтяне имели тесные контакты.

Подтверждением этого служит то, что в египетских источниках периода XVIII династии часто встречается упоминание народа *хау-небу* (HAw-nbwt). В Победной стеле Яхмоса I царица Яххотеп – мать фараона названа повелительницей хау-небу. Существует несколько точек зрения, кого имеют ввиду под хау-небу: критян или ахейцев [9]. Современные египтологи придерживаются точки зрения, что вероятнее всего это представители микенской цивилизации. Видимо, Яххотеп по происхождению была гречанкой и для борьбы с гиксосами Камос и Яхмос заручились поддержкой греков, которые поддержали освободительную борьбу с моря, тем самым сыграв не последнюю роль в успехе Яхмоса и Яххотеп. В дальнейшем египетские фараоны из XVIII династии контактировали с хау-небу: об этом свидетельствуют надписи Хатшепсут и Тутмоса III с угрозами в адрес хау-небу [4, с. 185]. Вероятно, греки занялись одним из своих любимых занятий – пиратством, как было описано у Гомера в «Одиссее». Естественно это не нравилось фараонам, и они предпринимали меры по борьбе с ними.

По мнению Жана Пьера Мари Монте, известного французского египтолога, термином хау-небу египтяне называли именно представителей микенской цивилизации [4, с. 186]. При этом, египетская держава имела активные связи и с минойской цивилизацией. Египтяне именовали критян *кефтиу* (kftw). Интересно, что это название критян похоже на *кафторим*, название библейского народа с острова Кафтор, откуда якобы пришли филистимляне [10]. Учитывая найденные в архивах Мари упоминания Кафтор и явное родство с египетским *кефтиу*, видимо, и библейские кафторимы, и кефтиу – это представители минойской цивилизации, а Кафтор – это Крит. О том, что Египет и Крит имели тесные связи, говорит много археологических находок. На Крите было обнаружено множество египетских изделий XII династии, в частности статуэтки, и глиняный систр [3, с. 46, 51]. Торговля не прекращалась и при гикососах. Об этом говорит найденная крышка с именем Хияна. Продолжились активные связи с Египтом у минойцев и в период XVIII династии. Ярким свидетельством этого является дворец Тутмосидов, раскопанный в Телль-эль-Дабе Манфредом Битаком [5, p. 49]. В ходе раскопок дворцового комплекса, помимо гиксоского дворца, были найдены строения периода XVIII династии, самое примечательное в которых это фрагменты штукатурки с фресками [6, p. 239]. Необычность фресок в том, что они выполнены в классическом минойском стиле. На них не обнаружено ни одного египетского иероглифа, а сами они изображают типичные для критского искусства сцены, например, тавромахию (см. рис. 1). Битак предположил, что дворец был специально построен в дипломатических целях для минойцев и был связан с женитьбой Тутмоса III на минойской принцессе [7, p. 145-150].

Активные торговые отношения между Египтом и народами Эгейского моря подтверждают многочисленные изображения минойских и ахейских посланников в

египетских гробницах. Например, в гробницах Сенмута (соратника Хатшепсут) и Рехмира́ (автора «Наставления визиря») обнаружены изображения ахейцев и критян, делающих богатое подношение [1]; [8, p. 16-17]. Благодаря Стеле Рехмира можно сделать вывод, что египтяне прекрасно знали, как выглядят народы Эгейского моря и достаточно точно передавали их черты. Вазы, которые несут послы Крита, имеют чётко видимый эгейский мотив и похожи на настоящие образцы минойской керамики (см. рис 2, 3).

В заключение можно сказать, что Египет и цивилизации Эгейского моря бронзового века связывали тесные торговые, политические и военные связи. Но есть некоторые отличия в отношениях Египта с минойской и микенской цивилизациями. С минойцами Египет имел в основном торговые отношения, чему весьма помогал флот критской талассократии, Крит и Египет поставляли друг другу важные товары, что показывает «Речение Ипусера (Ипувера)» [3, с. 46]. С микенцами отношения в основном были военно-политического характера. Ахейцы оказали фиванским фараонам помощь в борьбе с гиксосами, участвовали в походах фараонов, за что вознаграждались, но зачастую вступали в конфликт с египетскими властями из-за пиратства, коим часто промышляли. Есть свидетельства того, что египетские фараоны брали в плен ахейских наемников во время своих военных кампаний. Этот богатый опыт взаимодействия позднее в античных источниках стал показываться в мифологической форме, в виде мифов про Персея, Одиссея, Ио.

Источники и литература

1. Барбашов А.А. Экономические связи Эгеиды, Египта и Переднего Востока в XVI-XIV вв. до н.э. // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2017. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskie-svyazi-egeidy-egipta-i-perednego-vostokav-xvi-xiv-vv-do-n-e (дата обращения: 07.09.2024).

2. Геродот. История в девяти книгах. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. 672 с.

3. Локтев Р.А. Минойская цивилизация в культурном взаимодействии с Древним Египтом // История. Общество. Политика. 2020. № 2 (14). С. 44–55.

4. Монте П. Вечный Египет. Цивилизация долины Нила с древних времен до завоевания Александром Македонским / Пер. с англ. А.Б. Давыдовой. М.: ЗАО Центрполиграф, 2017. 415 с.

5. Bietak M., Marinatos N. The Minoan Wall Paintings from Avaris // Ägypten und Levant. # 5. Wien, 1995. S. 49–62.

6. Bietak M. A Thutmosid palace precinct at Peru-nefer/Tell el-dab‘a // M. Bietak & S. Prell (eds.), Palaces in Ancient Egypt and the Ancient Near East vol. I: Egypt, Contributions to the Archaeology of Egypt, Nubia and the Levant. T. V Vienna, 2018. C. 231–257.

7. Bietak M., Marinatos N., Palyvou C. Taureador Scenes in Tell el Dab’a and Knossos. Vienna 2007. P. 145–150.

8. Garis de D.N. Paintings from the tomb of Rekh-mi-Rē at Thebes. New York: The Metropolitan Museum of Arts. Egyptian expedition, 1935. 59 p.

9. Karnak stela of Ahmose // URL: https://mjn.host.cs.st-andrews.ac.uk/egyptian/texts/corpus/pdf/urkIV-005.pdf (дата обращения: 07.09.2024).

10. Stewart Macalister R. A. The Philistines Their History And Civilization. London: Humphrey Milford, 1913. 133 p.

Рис 1. Минойские фрески из дворца Тутмосидов в Телль-эль-Дабе

Рис. 2. Ахейские дары. Фреска из гробницы ТТ100 (Гробница Рехмира)

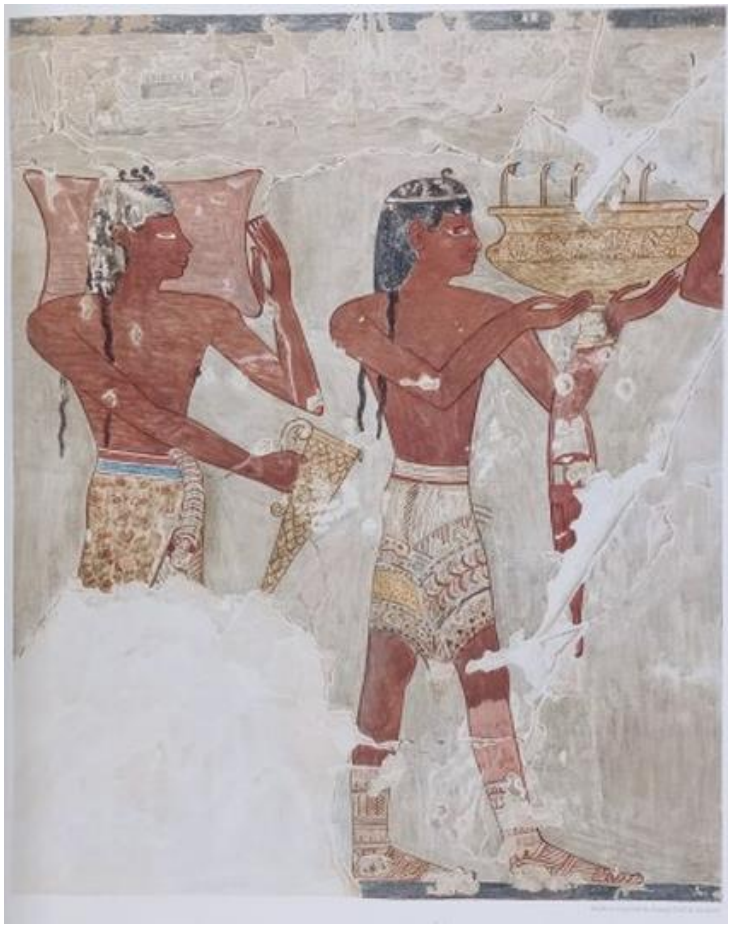

Рис 3. Посланники из Кефтиу. Фреска из гробницы ТТ100 (Гробница Рехмира)

УДК 94(477.75) **DOI 10.5281/zenodo.14722178**

Радюк Е.П.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА И КОНФЛИКТ ЭЛИТ В ПОЗДНЕАНТИЧНОМ ХЕРСОНЕСЕ[1]

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Аннотация. Одним из самых значимых центров в Северном Причерноморье в позднеантичный-раннесредневековый период был Херсонес Таврический. Трансформация позднеантичного города в раннесредневековый неразрывно сопряжена с кардинальными изменениями в политической, экономической, религиозной и, как следствие, в мировоззренческой жизни горожан. Распространение в Херсонесе христианской веры раскололо местные элиты. Протополитам противостояли христианизированные элиты, состоятельные и влиятельные лица, не принадлежащие к данной замкнутой прослойке. Среди них были как греки, имевшие малоазиатское происхождение, так и варвары. Дальнейшее изучение противостояния двух партий в Херсонесе позволит более детально исследовать процесс формирования элит города в переходный период.

Abstract. One of the most important centers in the Northern Black Sea region in the Late Antique and Early Medieval period was Tauric Chersonesos. The transformation of a late Antique city into an early medieval one is inextricably linked with fundamental changes in the political, economic, religious and, as a result, in the ideological life of citizens. The spread of the Christian faith in Chersonesos split the local elites. The protopolitans were opposed by Christianized elites, wealthy and influential people who did not belong to this closed stratum. Among them were both Greeks of Asian origin and barbarians. Further study of the confrontation between the two parties in Chersonesos will allow for a more detailed study of the formation of the city's elites during the transient period.

Ключевые слова: позднеантичный Херсонес, переходный период, кризис полисной системы, протополиты.

Keywords: Late Antique Chersonese, transient period, collapse of the polis system, protopolitans.

Одним из самых значимых центров в Северном Причерноморье в позднеантичный-раннесредневековый период был Херсонес Таврический, оказавшийся на границе греко-римского мира с миром варваров во время Великого переселения народов. Трансформация позднеантичного города в раннесредневековый была связана с кардинальными изменениями в политической, экономической, но самое главное в религиозной и как следствие в мировоззренческой жизни горожан. Этот процесс сопровождался кризисом полисной системы, которому во многом способствовал процесс проникновения и распространения на территории позднеантичного Херсонеса новой религии – христианства.

Согласно «Житиям епископов Херсонских», христианство в городе ощутило достаточно мощное сопротивление идолопоклонников сразу с первыми проповедями; первые 4 епископа-проповедника встретили в городе мученическую

[1] Научный руководитель – М.В. Фомин, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Всеобщая история и мировая культура» ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет».

смерть [1]. Христианизация вместе с крахом полисной системы раскололи местные элиты, что привело к возникновению конфликта в начале IV в. из-за ряда как внешних, так и внутренних причин. Прибытие в город первого епископа Василея можно считать его отправной точкой, ведь именно тогда христианство начинает распространятся и среди представителей местной аристократии. Противостояние постепенно прогрессировало от одиночных убийств до открытого столкновения, пришедшегося предположительно в начале 80-х гг. IV в.

Исследуя письменные источники, можно проследить конфликт языческих и христианизированных элит Херсона. В частности, наиболее полные сведения о противостоянии знатных горожан предоставляет такой агиографический источник как Житие епископов Херсонских. Исследуемое сочинение дошло до нас в многочисленных списках и редакциях разного времени. На сегодняшний день известны и введены в научный оборот тексты Житий на греческом, латинском, церковнославянском, армянском и грузинском языках. Ученными неоднократно предпринимались попытки реконструкции протографа, который традиционно датируется концом VI – началом VII в.[2].

Так, в ходе политического противостояния в Херсонесе-Херсоне сложились 2 партии. В состав первой партии входили местные языческие элиты, члены городского самоуправления, для которых незыблемость языческих верований была залогом сохранения их привилегированного положения в городском сообществе.

В противовес, вторую партию составляли состоятельные мигранты, прибывшие в город. Это были как правило имперские чиновники, торговцы, являвшиеся выходцами из Сирии, Малой Азии, эллины из Понта, Дунайских провинций, а также представители полиэтничного гото-аланского населения [3, с. 14]. Эта группа, являясь маргинализированной в данной среде. Именно она была наиболее восприимчива к проповеди и подверглась христианизации. Подобные тенденции вызывали недовольство у членов городских структур, породив конфликт. Христианство и его проповедь всеобщего равенства лишала местных аристократов привилегий.

События в городе происходили на фоне обострения на границах Империи. В конце IV в. под натиском гуннского нашествия в Северном Причерноморье пали позднеантичные Ольвия и Тира, а опасность вторжения кочевников теперь нависла и над позднеантичным Херсонесом. Империя, стремясь укрепить свои границы, перебрасывает в город дополнительные силы и принимает меры по повышению уровня обороноспособности города, о чем свидетельствуют эпиграфические памятники [4]. Помимо данных эпиграфики об активной политике Империи в данном регионе свидетельствуют и массовые находки монет того периода в городе [3, с. 32-32].

Изменение статуса города, которое вело к утрате старой аристократии своего привилегированного положения. Противостояние с христианами привело к ответным репрессиям и высылке из города части языческих элит. Власть перешла к Имперским чиновникам, не связанным с местной аристократией. В Херсонесе происходила трансформация города из позднеантичного полиса в византийский провинциальный центр.

Таким образом, можно констатировать, что противостояние язычников и христиан в Херсонесе было в том числе и с противостоянием старой аристократии, стремившейся сохранить свои позиции в городе и для которых старая веры была элиментом самоидентификации и новых горожан, среди которых были выходцы с Ближнего Востока, Малой Азии, Дунайского региона, которые легко принимал

христианство. Окончательная победа христианства произошла при поддержке имперской администрации и после высылки из города части представителей языческой партии.

Источники и литература

1. Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Саргсян Т. Э., Сорочан С. Б., Шапошников А. К. Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического / Ю. М. Могаричев, А. В. Сазанов, Т. Э. Саргсян, С. Б. Сорочан // Нартекс. Byzantina Ukrainensis. – Харьков: Антиква, 2012. – С. 21-132.

2. Латышев В. В. Жития Св. епископов Херсонских. Исследования и тексты / В. В. Латышев // Записки Императорской академии наук по Историко-филологическому отделению. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1906. – Т. 8. – № 3. – С. 14-15.

3. Зубарь В. М., Сорочан С. Б. У истоков христианства в Юго-Западной Таврике: эпоха и вера / В. М. Зубарь, С. Б. Сорочан. – К.: Издательский дом «Стилос», 2014. – 224 с.

4. Виноградов А. Ю. «Миновала уже зима языческого безумия…» Церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпиграфики/ А. Ю. Виноградов. – М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2010. – С. 90-107.

5. Соломоник Э. И. К вопросу о населении Херсонеса Таврического / Соломоник Э. И. // Античная древность и Средние века. Вып. 16. – Свердловск, 1979. – С. 119-125.

СЕКЦИЯ «История России и стран Большого Средиземноморья в новое и новейшее время»

УДК 94(470) 16.18 **DOI 10.5281/zenodo.14722189**

Шишелова В.В.

ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СРЕДЕ БУХАРСКИХ ЕВРЕЕВ XIX-НАЧАЛА XX ВЕКА[1]

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, г. Санкт-Петербург

Аннотация. В работе рассматриваются исторические, культурные и социальные факторы, которые влияли на доступ женщин к образованию. В рамках исследования были изучены источники, описывающие жизнь бухарских евреев, а также архивные документы, которые содержат информацию о женском образовании. В результате исследования были выявлены факторы, которые способствовали или препятствовали развитию женского образования в среде бухарских евреев.

Abstract. The article considers the historical, cultural and social factors that influenced women's access to education. As a result of the research the material was obtained for describing particular qualities of the female position among Bukhara Jews. In the present paper we will discuss factors which contributed or hindered the development of women’s education.

Ключевые слова: бухарские евреи, женское образование, Туркестанский край, гендерная история

Keywords: Bukhara Jews, female education, Turkestan region, gender history

Еврейское население на территории Российской империи было самым многочисленным в мире: в начале это были ашкеназские и горские евреи, а затем, с присоединением Туркестанского края и взятием под протекторат ряда среднеазиатских территорий, появились и бухарские. Бухарские евреи имели свои особенности, в частности, проживание на одной территории с мусульманским населением, что отражалось в повседневной жизни. При этом особенности климата и географии обусловили и развитие таких особых ремесел, как покраска ткани, вышивка ковров, занятие торговлей. При этом в правовом отношении бухарские евреи отличались от иных общин: они могли выезжать вглубь Российской империи для торговли, что обусловлено стремлением России укрепиться в регионе и сделать местное население пророссийским для победы в «Большой игре» [2, с. 116-132].

Говоря о развитии женского образования в период, когда сформировалось Туркестанское генерал-губернаторство, стоит отметить, что изменения шли достаточно тяжело. Это было связано с тем, что, во-первых, российская власть не стремилась переделать культурные привычки населения, а, во-вторых, для полноценного внедрения новой системы образования было нужно время [10, p. 202-213].

[1] Научный руководитель – В.А. Веременко, профессор, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории России, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина.

Бытовой уклад бухарских евреев не предполагал наличие образованной женщины, в связи с чем, женское образование носило специфичный характер. До русского завоевания существовали хомло – начальные религиозные школы, которые становились местным центром образования, где обучались, преимущественно мальчики [5, л. 23-29].

Девочки обычно становились помощницами по хозяйству. Но они могли проводить время в хомло вместе с братом, или в том случае, если кто-то из семьи работал при синагоге. Это тяжело назвать образованием, скорее, это отрывочное восприятие информации [10, p. 202-213].

Совсем другое обучение было в доме, когда девочка из богатой семьи занималась с частными преподавателями. Несмотря на то, что это было редкостью, девочка, получив такое образование, могла знать иностранные языки, географию, историю. Но чаще всего девочку оставляли с матерью, которая обучала ее бытовым умениям: приготовлением еды, как для повседневности, так и еврейских праздников, уборке дома и традициям. Она же обучала девочку молиться, при этом, многие этнографы отмечают, что молитвы были с ошибками, в связи с чем, мы понимаем, что эти молитвы передавались «из уст в уста» [3, с. 28-42].

С приходом российской власти в регион открываются хедеры метукан, где уровень обучения был выше, чем в традиционном хомло. Именно с приходом такого типа школ в регион, появляется более системное женское образование, правда, только на частые деньги купцов, которые приглашали преподавателей [6, с. 58]. Впервые похожие школы еще в середине 1880-х годов открывали богатые купцы из черты оседлости, которые хотели улучшить жизнь бухарских евреев. Примером такой школы может служить хедер в Ташкенте, открытый в 1898 году, где обучались и мальчики, и девочки. Здесь программа обучения была схожей с ашкеназскими хедерами этого периода. Конечно, такое образование было доступно не для всех. Там могли обучаться дети из обеспеченных семей, например, там обучались девочки из известной купеческой семьи Давыдовых [4, с. 58].

Стоит отметить, что часто бухарские евреи боялись, что еврейскую девочку из хомло или хедера украдут мусульмане. Ситуация поменялась только с русским завоеванием, что, кстати, отразилось и на брачном возрасте, который был повышен [1, с. 276]. Несмотря на все нововведения, статистика говорит о наличии всего лишь около двадцати хедеров к 1894 году, где числилась официально только одна девочка [7, л. 64].

Влиянием российских властей и проникновением в Среднюю Азию ашкеназских традиций является открытие талмуд-тор для бедных слоев населения. Делалось это на финансы либо тех же купцов, которые выступали благотворителями, либо на общинные деньги. Но главное здесь то, что через них девочки получили доступ хотя бы к начальному образованию [11, p. 23-45].

Бухарские евреи относились к этим нововведениям положительно, это показывает еще опыт открытия совместных школ Кауфманом, куда евреи готовы были отдавать своих детей, в отличие от мусульман. Основной проблемой была языковая — обучение шло на русском, которого бухарские евреи не знали, поэтому в школе зачастую евреи были старше одноклассников других национальностей [7, л. 26-30].

На рубеже веков бухарские евреи все чаще хотели научить девочку русскому языку для помощи в торговых делах. Считалось, что русский язык – это «билет в жизнь». Поэтому вскоре появляются и училища [6, с. 155-159]. В начале XX века

было открыто училище в Самарканде, где было несколько учителей, которые разделяли религиозные и светские предметы [8, л. 7-17].

В училище учились в основном дети богатых евреев, но было несколько бедняков, за которых платила община. Встречаются там и имена нескольких девочек из богатых семей. Вскоре с помощью евреев черты оседлости было открыто подобное учреждение и в Ташкенте [12, p. 31-41]. Основная масса девочек получала образование дома, ситуация меняется только на рубеже XIX - XX веков, когда с русским завоеванием Средней Азии открывается ряд различных учебных заведений. Несмотря на то, что они во многом оставались недоступными для широких слоев, тем не менее это позволило увеличить уровень женской грамотности [9, p. 278-294].

Таким образом, можно сказать, что образование девочки могло быть следующим: домашнее обучение с преподавателем, домашнее обучение с матерью и другими родственницами, периодическое посещение хомло, посещение талмуд-торы или хедера начиная с 1880-х годов, посещение русско-туземных школ, посещение училища в начале XX века. Варианты получения образования у бухарских евреек были, но доступны они были не всем, а, чаще всего, только девочкам из богатых семей.

Источники и литература

1. Каганович А. Друзья поневоле. Россия и бухарские евреи, 1800-1917. М.: НЛО, 2016. 528 с.

2. Каганович А. О евреях-мусульманах, проживающих в Туркестанского крае // Евреи в Средней Азии: Труды по иудаике Петербургского еврейского университета / отв. ред. Т. Вышинская. СПб.: Петербургский еврейский университет, 1995. Вып. 4. С. 116-132.

3. Каганович А. Отношение русской администрации к бухарским евреям и их правовое положение в Туркестанском крае в 1867-1917 г.: дис. … доктора ист. наук. Иерусалим, 2003. 145 с.

4. Лурье И. Евреи в Средней Азии // Рассвет: Общественно-политическая и литературная еженедельная газета, посвященная еврейским интересам / отв. ред. В. Жаботинский. СПб.: Типография Акц. О-ва «Альфа», 1915. №8. С. 22.

5. РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 345.

6. Ульянова О. С. Возможности получения образования евреями в Российской Империи в конце XIX - начала XX столетия // Вестник ТГУ / отв. ред. В.П. Зиновьев. Т.: Изд. дом ТГУ, 2017. № 416. С. 155–159.

7. Центральный государственный архив Республики Узбекистан (далее – ЦГА РУз). Ф.1. Оп. 31. Д. 540.

8. ЦГА РУз. Ф. 18. Оп. 1. Д. 7984.

9. Curzon G. N. Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian Question. London: Longmans, Green and Co., 1889. 477 p.

10. Kaganovich A. The education of Bucharan Jews in Turkestan Province 1865-1917 // Irano-Judaica / Shaul Shaked. Jerusalem: The Ben-Zvi institute, 2003. Vol.5. P. 202-213.

11. Kühlewein G. Abridged Narrative of a Journey to Khiva with Historical Particulars relating to the Khanat during the Government of Seid-Mohammed Khan, 1856–1860 // The Russians in Central Asia: Their Occupation of the Kirghiz Steppe and the Line of the Syr-Daria: Their Political Relations with Khiva, Bokhara, and Kohan: Also Descriptions of Chinese Turkestan and Dzungaria / J. and R. Michell. London: Edward Stanford, 1865. P. 23–45.

12. Vekselman M. Development of Jewish Education in Central Asia // Shvut / B. Pinkus. Tel Aviv: Tel Aviv University, 1996. Vol. 19. №3. P. 31-41.

УДК 94 (100) **DOI 10.5281/zenodo.14722194**

Стаховский Д.Ю.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КРЫМСКОГО КОННОГО ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕДОРОВНЫ ПОЛКА ПО ОКОНЧАНИЮ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Аннотация. В статье на основе сохранившихся письменных свидетельств и документов удалось проанализировать деятельность Крымского Конного Её Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полка и его наиболее заметных солдат и командиров за пределами России как части Вооруженных Сил Юга России. Установлено, что большинство членов полка и участников гражданской войны, после её завершения, осели в Королевстве сербов, хорватов и словенцев

Abstract. The purpose of the article is to analyze the surviving sources, written evidence and documents on this topic. Based on them, recreate the chronology of events and the most notable soldiers and commanders of the Crimean Cavalry Regiment. In this article, the author examines the further activities and existence of the Crimean Cavalry Regiment of Her Majesty Empress Alexandra Feodorovna outside Russia as part of the Armed Forces of the South of Russia. It was established that most of the members of the regiment and participants in the civil war, after its completion, settled in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes.

Ключевые слова. Крымский конный полк, Галлиполи, Гражданская война, Крым, Белая Армия, Вооруженные Силы Юга России, эмиграция, Королевстве сербов, хорватов и словенцев

Keywords. Crimean Cavalry Regiment, Gallipoli, Civil War, Crimea, White Army, Armed Forces of Southern Russia, emigration, Yugoslavia.

Основным источником для изучения истории Крымского конного полка является историческая памятка, собранная двумя офицерами В. Т. Юрицыным и В. А. Эммануэлем, на основе не сохранившейся, составленной корнетом С.М. Муфтий – Заде в 1913 году, еще до Великой войны исторической справки. После окончания Гражданской войны и эмиграции в Европу в 1934 году последний командир полка полковник Г. А. Бако написал новую историческую справку о судьбе Крымского конного полка, где более подробно описал события, происходившее с 1914 по 1921 года. Однако она тоже не сохранилась до наших дней. В. Т. Юрицын и В. А. Эммануэль, уже давно проживавшие в США, в 1976 году на основе этих двух исторических справок, документов, сохранившихся в личных архивах, и воспоминаний оставшихся в живых солдат и офицеров написали историческую памятку, собрав все сведения об истории полка в единую книгу, добавив в неё отдельным приложением несколько локальных событий, происходивших при их участии, карты и планы сражений Первой Мировой и Гражданской войны, фотографии (в частности, фотографии штандарта полка и полкового знака) [1]. Также сохранился небольшой пласт автобиографических и мемуарных книг участников и ветеранов Крымского конного полка. Наиболее ярким произведением являются воспоминания корнета Маркова, покинувшего Россию в 1920 году и издавшим за рубежом книгу “Покинутая Царская Семья”, повествующая о

неудавшихся попытках Крымского конного полка спасти царскую семью из заключения в Екатеринбурге [2]. Стоит также добавить, что и в России сохранилось большое количество документации, например, отчетов командиров полка и списков раненых бойцов [3].

2 ноября 1920 года Крымский конный полк, на тот момент переформированный во 2-й Крымский эскадрон в Сводном кавалерийском полку при 2-й кавалерийской дивизии, из-за больших потерь в личном составе начал эвакуацию из Ялты в Константинополь.

По прибытии на территорию Турции 4 ноября 1920 года Главнокомандующий Вооруженными Силами Юга России П. Н. Врангель выступил перед войсками с речью о продолжении борьбы против большевиков и призвал к сохранению воинских формирований и структуры армии [1, с. 192-193]. Крымский эскадрон, объединенный с 1-м Петроградским эскадроном, из-за чего получил название 3-й эскадрон Крымцев и Петроградцев, сформировал полевой лагерь на полуострове Галлиполи, где открыл военную школу по подготовке бойцов с применениями тактик и стратегий, разработанных еще в годы Первой Мировой войны, при отсутствии должного снабжения и боеприпасов. Как отмечают Юрицын и Эммануэль, самым болезненным при тренировках и отработках маневров являлось отсутствие лошадей [1, 194]. Лагерь и школа просуществовали до 28 августа 1921 года, когда началась эвакуация из Галлиполи в Европу. Оставшиеся Крымцы отправились в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, где должны были влиться в ряды пограничных войск. Спустя год службы, они получили право на увольнительные, однако данной услугой воспользовалось всего четыре человека из эскадрона по причине неоконченного обучения [1, 196]. В это же время поступил приказ Генерала Врангеля о необходимости перехода чинов на собственное обеспечение [4]. В Королевстве СХС Крымцы создали полковое объедение Крымского Конного Её Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полка, в который вошли все члены полка, когда-либо служившие в нем.

Дальнейшая судьба основной массы полка практически неизвестна. Возможно найти упоминания о некоторых членах полка в других источниках и списках или воссоздать полную хронологию по конкретным персоналиям, оставившим мемуары, таких как вышеупомянутый корнет Марков. Остаток своей жизни он посвятил написанию мемуаров и, мирной жизни в Австрии [2, 357]. Об оставшихся членах полка после издания приказа Врангеля мы можем судить из воспоминаний ротмистра В. А. Эммануэля, чей отец, Александр Николаевич Эммануэль, являлся «наистарейшим ныне живущим» членом полка, носивший чин подполковника и имевшим должность адъютанта командира полка: «К этому времени большинство Крымцев собралось в Париже, много осталось в Югославии, а немало отдельных чинов полка оказались разбросанными по миру <…> В Париже образовалось общество под предводительством бывшего командира полка Свиты Его Величества генерал-майора Н. А. Княжевича» [1, с. 245]. В других странах образовались отделения полка, подчинявшиеся парижскому отделению.

Имена многих членов как Крымского Конного полка, так и Белого движения в целом мы можем встретить в справочнике чинов русского корпуса в составе Вермахта (в частности, ротмистра В. А. Эммануэля, получившего звания лейтенанта в первом полку корпуса) [5, с. 498]. В справочнике также указана дальнейшая судьба Эммануэля: «После 1945 в США, председатель Вайнлендского отдела СЧРК». В Америке им была издана иллюстрационная книга, где он изобразил обмундирование всех кавалерийских полков Русской Императорской Армии образца начала XX века

[6]. В книге также имеется краткая автобиография, повествующая в частности о судьбе Крымского конного полка и Русской Императорской армии в целом [6, IV – XIX].

Источники и литература

1. Крымский конный Её Величества Государыни Императрицы Александры Фёдоровны полк. 1784—1922 / сост. В.Т. Юрицын, В.А. Эммануэль. Сан-Франциско, 1978.
2. Марков С. Покинутая царская семья. Царское Село - Тобольск - Екатеринбург. 1917-1918. 1-е изд. М.: Центрполиграф, 2023. 447 с.
3. Крымский конный полк // Герои войны 1914-1918 URL: https://gwar.mil.ru/army/3107/ (дата обращения: 29. 08. 2024).
4. ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 563. Л. 122.
5. Чины Русского Корпуса: Биографический справочник в фотографиях. М.: Рейтар, «Форма-Т», 2009. 528 с.
6. Vladimir A. Emmanuel. The Russian Imperial Cavalry. - Vineland, NJ: 1989. - 68 с.

УДК 94 (100) **DOI 10.5281/zenodo.14722196**

Немирова У.О.

ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ КОНЦЕРНА «БРОКАР И КО»[1]

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Аннотация. В статье представлены примеры сохранения исторической памяти о выдающимся русском предпринимателе Генрихе Афанасьевиче Брокаре и его деятельности.

Abstract. The article presents examples of preserving the historical memory of the outstanding Russian entrepreneur Henry Afanasievich Brokar and his activities.

Ключевые слова. Г. А. Брокар, парфюмерия, концерн «Брокар и Ко», фабрика «Новая Заря», духи.

Keywords. G. A. Brokar, perfumery, Brokar & Co. concern, Novaya Zarya factory, perfumes.

Путь успеха Генриха Брокара – это уникальная история предпринимателя, которому удалось с нуля создать компанию, завоевавшую клиентов с разным материальным достатком. Концерн «Брокар и Ко» стал известен не только в рамках Российской Империи, а затем и в СССР под названием фабрика «Новая заря», но и на международной арене. Продукция, созданная под началом Генриха Афанасьевича, была востребована у покупателей как во времена XIX века, так и в XX веке и пользуется спросом в настоящее время. Духи «Красная Москва» все еще остаются культовым ароматом, который можно назвать визитной карточкой российской парфюмерии. [2, с.26]

В истории производства парфюмерии в России, в частности путь концерна «Брокар и Ко», а в дальнейшем компании «Новая заря» остаётся еще много «белых пятен», многие вопросы еще ждут своего исследователя. Но есть ряд научных трудов, в которых основные аспекты данной темы достаточно подробно рассмотрена. Ещё в дореволюционный период предприниматели уделяли значительное внимание сохранению истории развития своих производств. Так, в 1915 г., к юбилейной дате, в Москве была опубликована книга «Золотой юбилей: К пятидесятилетию со дня основания т-ва Брокар и К°.», где не только описана история самого производства, но приводятся биографические сведения из жизни Генриха Афанасьевича.

В советский период интерес к истории производств не угас. В 1965 году ряд исследователей, Балан И.З., Грибков А.С., Гуторина Т.А., выпустили сборник «100 лет парфюмерной фабрике «Новая заря», где подробно описывается пусть становления концерна «Брокар и Ко» долгий путь к званию главного поставщика для Русского императорского двора и история преобразования бизнеса в государственную фабрику «Новая Заря».

На современном этапе, когда в России многие предприятия и отрасли производства возрождаются, вновь вырос интерес к истории успеха предшественников. Так, в книге Елены Васильевой и Юрия Пернатьева «50

[1] Научный руководитель. – Т.А. Богаткевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Всеобщая история и мировая культура» ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет».

знаменитых бизнесменов XIX - начала XX в.» описана краткая биография Генриха Афанасьевича Брокара и истории его предприятия. Труд Марины Святославовны Колевой 2014 года «Советский стиль. Парфюмерия и косметика» описывает как продукция компании «Новая заря» работала в условиях плановой экономики и как было налажено производство и реализации продукции в середине XX века в СССР.

В настоящее время в России существует множество парфюмерных предприятий, но фабрика «Новая Заря» занимает среди них особое место, оставаясь хранителем традиций. Здесь продолжают производить старые, проверенные временем, ароматы, такие как символ эпохи, аромат-легенда – «Красная Москва», а также создают новые шедевры парфюмерии. [1, с. 46]

Парфюмерное дело в России имеет относительно недолгую историю, но уже есть ряд музеев, где популяризируют и сохраняют объекты культурного наследия парфюмерной промышленности. Музей Парфюмерного Искусства расположен в фирменном салон-магазине фабрики «Новая Заря» и дает посетителям возможность узнать о развитии парфюмерного искусства в разные эпохи во многих уголках мира. Экспозиции музея охватывают как эволюцию парфюмерии, так и историю самой фабрики «Новая Заря», Музей открыл свои двери в 2009 году в здании Гостиного двора. На первом этаже размещён фирменный магазин, а на втором — два выставочных зала. В первом зале представлена информация о парфюмерном искусстве и его особенностях в различные периоды истории. Второй зал посвящён истории фабрики «Новая Заря». [4]

В рамках Международной выставки-форума «Россия» на ВДНХ (Выставка достижений народного хозяйства) представлена временная экспозиция «Слава и величие парфюмеров царской России — поставщиков высочайшего двора» на которой можно ознакомиться с редкими экспонатами из частных коллекций. Выставочное пространство поражает посетителей своим современным оформлением, представленными экземплярами парфюмерной продукции, а также даёт возможность ознакомиться с главными российскими производителями парфюмерии и косметики прошлого. Заинтересованные могут ознакомиться не только с успехами Генриха Брокара и его фабрики, но также с историей парфюмерных домов Альфонса Ралле (Товарищество высшей парфюмерии А. Ралле и Ко, позже — фабрика «Свобода»), Адольфа Сиу (Товарищество фабрик А. Сиу и Ко, позже — фабрика «Большевик, Александра Митрофановича Остроумова (Товарищество парфюмерной фабрики провизора А. М. Остроумова), а также других российских предпринимателей.[3]

Очевидно, что в последние годы параллельно с процессом восстановления самой отрасли растёт интерес к истории парфюмерного искусства в России. Разрозненные сведения об истории фабрик дореволюционного и советского периода, творческом пути отдельных парфюмеров и истории множества ароматов собирают и сохраняют музейные работники, коллекционеры. История развития фабрики Генриха Брокара, а затем предприятия «Новая Заря» в этом музее занимает уникальное место, раскрывая уникальные страницы истории. [5]

Источники и литература

1. А.В. Амфитеатров, И.Я. Гурлянд, В.М. Дорошевич, С.Л. Кугульский, Л.Г. Муштейн, Вас. И. Немирович-Данченко, А.П. Чехов и др "Памяти Г. А. Брокара" // Новости дня. - 1900. - 10.12. - Ст. 6306

2. Елена Васильева, Юрий Пернатьев "50 знаменитых бизнесменов XIX - начала XX в." / Елена Васильева, Юрий Пернатьев — 1-е изд.. — Москва: Фолио, 2004 — 299 с.

3. Выставка «Слава и величие парфюмеров царской России — поставщиков высочайшего двора» // ВДНХ URL: https://vdnh.ru/events/vystavka-slava-i-velichie-parfyumerov-tsarskoy-rossii-postavshchikov-vysochayshego-dvora/ (дата обращения: 19.09.2024).

4. Музей парфюмерного искусства // TimeOut URL: https://www.timeout.ru/msk/place/1695 (дата обращения: 19.09.2024).

5. РУССКИЙ МУЗЕЙ ПАРФЮМЕРИИ // РУССКИЙ МУЗЕЙ ПАРФЮМЕРИИ URL: https://perfumery-museum.ru/ (дата обращения: 19.09.2024).

УДК 94 (47) **DOI 10.5281/zenodo.14722202**

Казак К.А.

СМОЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ БЛАГОРОДНЫХ ДЕВИЦ: ИСТОРИЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА[1]

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Аннотация. В статье рассмотрена история и педагогическая система Смольного института благородных девиц, действующего с 1764 года по 1917 год. Институт является первым в России женским учебным заведением, положившим начало женскому образованию в стране. Сделан вывод, что за длительный период работы Смольный институт выработал свою оригинальную педагогическую систему, которая на протяжении долгих лет своей работы хоть и подвергалась некоторым изменениям, но была верна первоначальной поставленной цели, заключающейся в подготовке высокограмотных и достойных граждан своего Отечества.

Abstract. The article examines the history and pedagogical system of the Smolny Institute of Noble Maidens, operating from 1764 to 1917. The Institute is the first women's educational institution in Russia, which marked the beginning of women's education in the country. It is concluded that over a long period of work, the Smolny Institute has developed its own original pedagogical system, which, although it underwent some changes over the long years of its work, was true to the original goal, which was to train highly literate and worthy citizens of their Fatherland.

Ключевые слова: Смольный институт благородных девиц, образование, К. Д. Ушинский, учителя, учебная программа.

Keywords: Smolny Institute for Noble Maidens, education, K.D. Ushinsky, teachers, education programme.

В современном мире происходит процесс модернизации современной системы образования, поэтому возникает необходимость обращения к историческому опыту в предшествующие периоды развития. В течение более чем 150 лет работы Смольного института благородных девиц его педагогическая система прошла длительный путь развития, в котором можно выделить несколько этапов. Остановимся на более подробной характеристике каждого этапа.

Первый этап. Идея создания первого в России женского учебного заведения принадлежала императору Петру I. 24 января 1724 года он издал императорский указ, предписывающий «монахиням воспитывать сирот обоего пола и обучать их грамоте, а девочек, сверх того, пряже, шитью и другим мастерствам» [8]. Указ имел важное практическое значение и повлиял на начало развития женского образования в России.

Второй этап развития Смольного института начался спустя 40 лет, когда на основании указа Екатерины II от 5 мая 1764 года по инициативе Ивана Ивановича Бецкого было создано первое в России женское учебное заведение – «Воспитательное общество благородных девиц», целью которого было «дать государству образованных

[1] Научный руководитель – Т.В. Вакулова, кандидат политических наук, доцент кафедры «История России и Основы российской государственности» ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет».

женщин, хороших матерей, полезных членов семьи и общества», создать «новую породу людей» [11]. Екатерина II планировала забирать девочек из семей, чтобы оградить от невежества и, поместив в «благородную среду», создать совершенно новый тип женщин, вследствие чего Смольный институт стал закрытым учебным заведением, располагавшееся в кельях Воскресенского Смольного монастыря. Главная цель, которая была поставлена перед преподавателями Смольного института, заключалась в том, чтобы подготовить «совершенных девушек». Покинуть Институт до 18-летия по своему желанию или по требованию семьи девочка не имела права (даже на каникулы). Кроме того, видеться с родными, жившими в Петербурге, смолянки могли только по выходным и праздникам, и то в присутствии начальницы [5]. Воспитательное общество было рассчитано на 200 девушек «благородного происхождения». Обучение длилось 12 лет. Первые девочки в возрасте от четырех до шести лет были приняты в августе 1764 года.

Устав, составленный Бецким, разделяется на несколько отделений. Из них особенно важны те, которые касаются учебно-воспитательной части.

Воспитанницы Общества Благородных Девиц первоначально разделялись на четыре возраста. Первый составляли девиц от 6 до 9 лет, второй – от 9 до 12, третий – от 12 до 15 и четвертый – от 15 до 18 лет. Так, каждая воспитанница, поступая не старше шестилетнего возраста, должна была пробыть в заведении не менее двенадцати лет. Родители или родственники, определив девицу, должны были дать письменное обязательство в том, что они, до истечения положенного для воспитания срока, ни под каким видом, обратно требовать ее не станут.

Предметами обучения в первом возрасте были: Закон Божий, русский и иностранный языки, арифметика, рисование, танцы, музыка и рукоделие. Во втором возрасте добавляли историю и географию, а также знакомили воспитанниц с домашним хозяйством. В третьем возрасте, помимо раннее введенных предметов, вводились так называемые словесные науки, к примеру, языкознание, изучали архитектуру, геральдику, физику и токарное дело. Но с домашним хозяйством воспитанницы стали уже знакомиться на практике. Курс последнего возраста состоял в повторении всего пройденного. Девицы изучали домашнюю экономику во всех ее подробностях. Стоит отметить, что особое внимание обращалось на Закон Божий [4].

Объем преподаваемых предметов был не столь обширен. Акцент ставился на изучение языков: девицы должны были исправно читать, писать и говорить, как на отечественном, так и на иностранных языках. Учительницы должны были заботиться о развитии в воспитанницах охоты к чтению как одного из главных средств образования. Арифметику изучали в том объеме, который необходим для домашней экономии. Объемы преподавания географии и истории – неизвестны, предполагается, что не обширно. Архитектура была полезна как пособие при обучении рисованию, а геральдика ограничивалась только ознакомлением с гербами важнейших дворянских фамилий. Занятия проходили с 7:00 до 11:00 и с 12:00 до 14:00, чередуя уроки, упражнения, ежедневные прогулки и игры на свежем воздухе или в зале. Каникул не было, и учились круглый год. Экзамены проводились раз в три года.

Особенно следует остановиться на достаточно суровых условиях, в которых пребывали смолянки. Режим дня был очень жестким. Девочек поднимали в шесть утра, затем следовала молитва, умывание (холодной водой из Невы), завтрак в столовой, уроки (6 или 8), обед, прогулка, ужин, молитва, сон (на жестких кроватях).

Везде ходили строем. Гуляли воспитанницы строго по территории Смольного и под пристальным присмотром классных дам или надзирательниц [1].

Жили девочки в комнатах (дортуарах) по 9 человек. Температура воздуха в них была не выше 16 градусов. Теплее было только в лазарете, куда воспитанницы стремились попасть. Кормили их тоже более чем скромно. В воспоминаниях смолянки приводили примеры того, как выглядел дневной рацион: утренний чай с булкой; завтрак: кусок хлеба с небольшим количеством масла и сыра, порция молочной каши или макарон; обед: жидкий суп без мяса, на второе – мясо из этого супа, на третье – маленький пирожок; вечерний чай с булкой. К этому следует добавить, что были еще длительные посты и постные дни (среда и пятница), когда рацион становился еще более скудным [3].

В Смольном институте в этот период работали 13 педагогов. Кроме того, существовали классные дамы, которые всюду сопровождали девочек и следили за соблюдением ими установленных правил, причем даже на уроках. Все они были незамужними и, как правило, старше 40 лет. Им вменялось в обязанность даже просматривать переписку между воспитанницами и их родственниками. Устав предписывал учительницам неотлучно находиться при воспитанницах и следить за тем, что они не оставались наедине со служанками. Это правило точно говорит нам о заботе императрицы о том, чтобы удалить своих воспитанниц от всякого дурного влияния со стороны. Поведение учительниц в отношении к девицам тоже было определено. Екатерина II желала видеть не строгих надзирательниц, готовых отчитывать за каждое необдуманное слово, а человека, любящего своих воспитанниц.

Воспитательное общество находилось в ведении самой императрицы, которая проявляла большой интерес к учреждению, давала наставления старшим воспитанникам и вникала в каждую деталь их жизни. Императрица разрешала воспитанницам писать ей письма, а во время своих визитов знакомилась с процессом воспитания и обучения, осматривала рукоделия, совершала прогулки по территории, посещала концерты и спектакли, проводила службы в институтской церкви.

В 1765 году при институте, учрежденном первоначально как закрытое привилегированное учебное заведение для дочерей дворянской знати, открылось «мещанское» отделение (для девочек недворянских сословий, кроме крепостных крестьян). Девочки должны были изучать Закон Божий, отечественный язык, иностранные языки – немецкий, французский, затем добавили итальянский. В программу входило также обучение русской словесности, географии, арифметике, истории, музыке, танцам, рисованию, светским манерам, различным видам домоводства. Нравственное воспитание девочек было педагогической доминантой в Смольном институте. Не забывали там и об их физическом развитии: несколько раз в неделю девочки выполняли легкие физические упражнения [3]. Воспитанницы Мещанского училища, по окончании двенадцатилетнего курса обучения, если находились достойные их состоянию женихи, выходили замуж, или поступали на службу при Обществе Благородных Девиц за определенную плату. А воспитанницам, не вышедшим замуж и не желавшим поступить на службу при Обществе, разрешалось оставаться при заведении еще три года с целью «отвращения праздности». Через три года каждая такая девица «выпускалась на волю» и получала денежное награждение и аттестат, которые был свидетельством «о честном ея поведении и знаниях» [4].

Третий этап**.** После смерти Екатерины II Павел I передал управление учебным обществом своей супруге, императрице Марии Федоровне. Забота императрицы об устройстве учебной и воспитательной части заведения выразилась прежде всего в составлении проекта, который значительно изменил установленный порядок.

В первую очередь, поменялись правила поступления в институт и проживания в нем. Теперь девочек отдавали на учение с более позднего возраста – примерно с 8-9 лет – и обучались они там не 12, а 9 лет. На «мещанское отделение» стали принимать с 10 лет [12]. Младший класс назывался «кофейным» – ученицы носили платья коричневого цвета. Средний класс назывался «голубым», и платья были, соответственно, голубого цвета, а старший назывался «белым» (хотя платья носили зеленого цвета). В «кофейном» и «голубом» классах воспитанницы должны были учиться по три года, в «белом» – 2 года и 9 месяцев. Переход из класса в класс по-прежнему осуществлялся не по показателям успеваемости, а по истечении возрастного трехлетнего интервала. Число воспитанниц института возросло с 200 (при Екатерине II) до 800.

В 1802 году, в связи со значительным увеличением числа учениц, было построено большое здание с двумя столовыми и общежитием на верхнем этаже, а в 1809 году школа переехала в здание, построенное к югу от монастыря; в 1812 году был открыт бесплатный факультет для «военных сирот», рассчитанный на 100 учениц и с сокращенным курсом обучения.

Если на первом этапе системообразующим фактором была цель – «…дать государству образованных женщин, хороших матерей, полезных членов семьи и общества», то теперь из воспитанниц стремились сделать скорее не фрейлин, а покладистых жен.

Если при Екатерине II воспитанниц довольно часто вывозили на театральные представления, художественные выставки, придворные балы и другие мероприятия, то при Марии Федоровне выходы за пределы территории ограничились редкими летними прогулками в Таврическом саду, причем публику оттуда просили удалиться. По воспоминаниям одной из воспитанниц Смольного института, там они большей частью ходили попарно, на одной из лужаек позволяли побегать, наблюдая, чтобы кто-нибудь не убежал в сторону. Потом девочек снова собирали в пары, и они возвращались в Смольный в сопровождении полицейских [9].

В 1848 году были открыты педагогические классы, и выпускники стали учителями, а не членами дамского сословия. Многие воспитанницы пансионов принимались по спискам и гарантиям военных и Министерства образования. На штатные вакансии принимались дочери полковников и статских советников и выше, но в пансионеры принимались только аристократки, внесенные в V и VI дворянские списки. Плата за обучение в то время составляла 350 рублей в год, но за большинство пансионерок платило министерство, в котором работали их отцы. У воспитанниц академии была обширная культурная программа. Они посещали Эрмитаж, публичную библиотеку, выставки в Академии художеств, ботанический сад и Таврический дворец.

Четвертый этап развития Смольного института был связан с приходом к власти Александра II в Смольном начались перемены: в 1859 году инспектором Смольного института был назначен известный педагог Константин Дмитриевич. Ушинский. Он изменил учебный план, ввел преподавание отечественной литературы и расширил курсы по естественным наукам. Переход из одного класса в другой будет осуществляться после экзаменов, в строгом соответствии с усвоенными знаниями. В младших классах вводится по 5 уроков русского языка и изучение

естественных наук, так как через женщину должны входить в народную жизнь успехи науки и цивилизации. Уравниваются учебные планы в классах дворянок и мещанок. Разрешаются беседы учениц с учителями, проведение каникул и праздников у родителей.

Инспектор классов видел главной целью этого учебного заведения подготовку девушек не только образованных, но готовых послужить Отечеству на педагогическом поприще в качестве учительниц. Для этого был открыт дополнительный педагогический класс, в который он отбирал наиболее подходящих воспитанниц. Эта допрофессиональная педагогическая подготовка предполагала изучение широкого круга дисциплин о человеке как предмете воспитания [10].

О позитивных изменениях, происходящих в институте, можно судить по письму, полученному от матери воспитанницей Елизаветой Цевловской: «До сих пор ты писала мне деревянные, официальные письма, глубоко огорчавшие меня. Если такая перемена могла произойти с тобой, которую я считала совсем окаменевшей, то это мог произвести только гениальный педагог» [7].

Как отмечал Матвей Леонтьевич Песковский, «росли зависть, ненависть и вражда к Ушинскому со стороны слепых приверженцев старины. Этого бескорыстного человека безупречной честности, убежденного верующего, патриота в самом возвышенном смысле слова обвиняли во всевозможных неблаговидных поступках, даже в политической неблагонадежности. Настойчиво, энергично добиваясь определенной цели, не поступаясь ни в чем своими убеждениями, не имея обыкновения ладить «с дрянными самолюбцами», Ушинский создал себе к началу 1862 года такую массу сильных врагов, что не только вынужден был оставить инспекторство, но был вынужден даже оправдываться из-за клеветнических доносов» [6].

Пятый этап. С 1895 по 1917 год институтом руководила фрейлина Елена Александровна Ливен. При ней большое внимание уделялось профессиональной подготовке. Помимо общеобразовательных предметов, в гимназии девушки изучали педагогику, право и гигиену. В 1898 году по инициативе директрисы было основано «Общество помощи бывшим воспитанницам», состоящее исключительно из бывших воспитанниц В 1908-1913 годах на участке Адлербергской площади был построен трехэтажный каменный дом, в котором разместилось Общежитие императрицы Марии Федоровны для бывших воспитанниц Смольного. В это время в Смольном царил образцовый порядок: 600 девочек обслуживали 190 служанок. Служанок набирали из сирот, находившихся в приюте.

В октябре 1917 года под руководством княгини Варвары Васильевны Голицыной Смольный институт отправился в Новочеркасск, где в феврале 1919 года состоялся последний выпуск. Летом того же года преподаватели и оставшиеся студенты покинули Россию вместе с белогвардейцами, а институт переехал в Сербию. Обстоятельства сложились таким образом, что после событий октября 1917 года Смольный институт оказался не востребован новым временем и сначала «уехал» из Петрограда, а потом и вовсе был закрыт.

В результате исследования нам удалось выделить несколько этапов в истории Смольного института благородных девиц, в ходе которых он прошел периоды подъема и падения, испытал различные подходы к организации педагогической системы. Определили суть педагогической системы, которая заключалась в создании среды, позволяющей растить «новую породу» людей, значительно отличавшихся от прочего русского общества, а также был поставлен идеал общественной пользы и

человеческого достоинства, в первый раз заявлена необходимость правильного женского образования.

Источники и литература

1. Быкова В. П. Записки старой смолянки. Ч. 1. 1833-1878 гг. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1898. 459 с.

2. Водовозова Е. Н. На заре жизни. М.: Художественная литература, 1964. Т. 1. 581 с.

3. Лихачева Е. О. Материалы для истории женского образования в России. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. 887 с.

4. Лядов В. И. Исторический очерк столетней жизни Воспитательного общества благородных девиц и Санкт-петербургского Александровского училища. М.: 2011. 120 с.

5. Мордвинова З. Е. Смольный институт в эпоху императрицы Екатерины II (1764-1796) // Вопросы образования. 2007. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/smolnyy-institut-v-epohu-imperatritsy-ekateriny-ii-1764-1796 (дата обращения: 18.09.2024).

6. Помелов В. Б. Работа К. Д. Ушинского в Смольном институте благородных девиц. К 200-летию со дня рождения великого русского педагога // Вестник ВятГУ. 2023. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rabota-k-d-ushinskogo-v-smolnom-institute-blagorodnyh-devits-k-200-letiyu-so-dnya-rozhdeniya-velikogo-russkogo-pedagoga (дата обращения: 18.09.2024).

7. Соловейчик С. Л. Час ученичества. М.: Детская литература, 1970. 256 с.

8. Сухова Н. Н. Общая характеристика женского образования в России XVIII-XX вв // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obschaya-harakteristika-zhenskogo-obrazovaniya-v-rossii-xviii-xx-vv (дата обращения: 18.09.2024).

9. Угличанинова М. С. Воспоминания воспитанницы Смольного монастыря сороковых годов. М.: типо-лит. т-ва В. Чичерин, 1901. 74 с.

10. Успенский В. Б. Теоретические и методические основы допрофессиональной педагогической подготовки школьников. Ярославль: ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 1999. 237 с.

11. Устав воспитания двухсот благородных девиц. Генеральный штат Воспитательного общества. СПб. 1774.

12. Черепнин Н. П. Императорское Воспитательное общество благородных девиц: исторический очерк, 1764-1914. Петроград: Гос. тип., 1914-1915. Т. 1-3.

УДК 94(477) **DOI 10.5281/zenodo.14722209**

Калынюк Д.М.

РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ УКРАИНСКОЙ ИДЕИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА[1]

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Аннотация. В статье проведен анализ эволюции украинской национальной идеи во второй половине XIX века, а также осуществлено обобщение существующей литературы по данной теме. На основе рассмотренных материалов выявлено, что украинофильское движение в Российской империи прошло через несколько стадий. На начальном этапе (1840–1860-е годы) движение находилось в стадии формирования, выделяясь умеренными требованиями, преимущественно направленными на достижение культурной автономии Малороссии. Второй этап (1860–1870-е годы) характеризовался спадом активности украинофильского движения, при этом радикальные тенденции практически отсутствовали. Третий этап (с 1870-х годов до начала XX века) был ознаменован радикализацией движения, возрастанием зарубежного влияния на украинофильскую среду, что привело к смещению центра «украинской» жизни в Галицию.

Abstract. The article examines the development of the national Ukrainian idea in the second half of the XIX century, studies and summarizes the literature on this issue. Based on the material presented, the following conclusions are drawn that the Ukrainophile movement in Russia has gone through several stages; in the initial period (1840-1860), this movement was just beginning to form in Russia. During this period, the Ukrainophiles put forward moderate demands, mainly aimed at the cultural autonomy of Little Russia; the second stage (1860- 1870s) was marked by the decline of the Ukrainophile movement, there were no particularly radical trends; The third stage (1870s – early XX century) was the radicalization of the Ukrainophile movement, an increase in foreign influence on Ukrainophiles, and as a result, the center of "Ukrainian" life was moved to Galicia.

Ключевые слова: украинофилы, Речь Посполитая, Кирилло-Мефодиевское общество, Н. И. Костомаров, М. П. Драгоманов, Валуевский циркуляр, Эмский указ.

Keywords: Ukrainophiles, Polish-Lithuanian Commonwealth, Cyril and Methodius Society, N. I. Kostomarov, M. P. Dragomanov, Valuevsky Circular, Emsky decree.

В последнее время так называемое «украинство» стало одной из самых обсуждаемых проблем современной историографии российско-украинских отношений. Без всяких преувеличений Украина стала первой европейской страной, в которой в XXI веке началось возрождение националистической идеологии на государственном уровне, связанное с огромным идейным влиянием на все население страны националистических организаций. Поэтому необходимо проанализировать генезис этого неоднозначного явления, и в первую очередь - выяснить причины возникновения украинского национализма, определить предпосылки появления и развития его первой формы «исторического бытия» – движения украинофилов.

[1] Научный руководитель – С.Л. Данильченко, профессор, доктор исторических наук, заведующий кафедрой «История России и Основы российской государственности» ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет».

Важными внутренними факторами формирования этого движения можно считать политику Российской империи и отношение отечественной общественно-политической мысли в отношении украинофилов.

Общеизвестно, что всячески почитаемый современными украинскими националистами термин «Киевская Русь» впервые был введен в научный оборот ректором Киевского Императорского университета М.А. Максимовичем в его работе «Откуда идет русская земля», которая была опубликована лишь в 1837 году. Первоначально этот термин стал использоваться в узком географическом смысле для обозначения Киевского княжества, в одном ряду с такими терминами, как «Червонная Русь», «Новгородская Русь», «Владимирская Русь» и другими.

Со второй половины XIX века этот термин приобрел новое, хронологическое значение как начального периода русской государственности, продолжавшегося вплоть до монгольского нашествия в XIII веке. Именно в таком качестве этот термин использовали многие русские историки, в том числе С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, С.Ф. Платонов и А.Е. Пресняков. При этом родоначальник украинской националистической школы профессор М.С. Грушевский не использовал этот термин в своих работах и предпочитал ему иное название - «Киевская держава».

Окончательно термин «Киевская Русь», как синоним терминов «Древняя Русь» и «Империя Рюриковичей», закрепился в советской исторической науке только после выхода в свет знаменитых работ академика Б.Д. Грекова «Киевская Русь» (1939) и «Культура Киевской Руси» (1944), что после развала Советского Союза и сыграло на руку украинским националистам, «приватизировавшим» историю Древней Руси.

По Андрусовскому перемирию 1667 года Левобережная Украина и город Киев вошли в состав России. Украину в составе России в то время называли Гетманщина, или Малороссия. Екатерина II в 1764 году упразднила гетманство на Украине, и в Российской империи окончательно утвердилось название Малороссия. Следует иметь в виду, чтоукраинцы-то себя малороссами не называли, называли русинами либо украинцами. Для них Малороссия - название административное.

Понятие малоросс появляется в русском языке под влиянием Киева на рубеже XVII-XVIII вв. Именно в XVIII в. в русский язык постепенно проникают малороссияне/малороссийцы/малороссиянцы/малороссы в типичном раннемодерном географическом (не этническом!) значении жителей, уроженцев Украины/Малороссии. В XIX век малоросс входит как понятие, обозначающее население Малороссии, левого берега Днепра, соединенное с великороссами общим сувереном и религией, но ни в коем случае не этнически или же исторически.

Наиболее радикальной попыткой изменить значение понятия малоросс в первой трети XIX в. была «Русская правда» П.И. Пестеля, в которой полная ассимиляция малорусов и белорусов провозглашалась первоочередной задачей наиболее радикального проекта превращения империи в «единую и неделимую» нацию.

После 1830 г., частично под влиянием польского восстания, но главным образом из-за идей народности, которые распространяются в это время, в имперских периодических изданиях появляется большое количество статей о русской истории и этнографии, а особенно об украинцах/малороссах, тексты которых становятся своего рода аргументами против поляков. Именно в это время издаются: второй сборник украинских (уже не малороссийских, как первый) песен М.А. Максимовича, повлиявший на П.А. Кулиша и Н.И. Костомарова, второе и третье (1830, 1842) издание «Истории Малой России» Д.Н. Бантыш- Каменского, балансирующие на грани истории и фольклористики, фальсификаты И.И.

Срезневского «Запорожская старина» (1833-1938), а также сильно повлиявшая на Т.Г. Шевченко «История Малоросии» Н.А. Маркевича (1842-1843).

Баталии по поводу статуса малорусского языка/наречия не утихали в течение всей второй половины XIX и начала XX в. Часто в контексте этих споров использовалось понятие общерусский язык. Новый импульс дискуссии получили в 1904 г., когда комиссия, работавшая под эгидой Академии наук, признала украинский самостоятельным языком. Это несколько убавило категоричности в высказываниях противников украинского движения, но отнюдь не прекратило полемику.

«Понятийная война» захватила и Галицию. Употребление нескольких версий национальных самоназваний в Галиции было связано с борьбой сторонников разных концепций национального самоопределения, заострившейся в среде галицийских русинов во второй половине XIX - начале XX в. Для представителей всех направлений главным самоназванием вплоть до Первой мировой войны оставался традиционный этноним «Русь», но интерпретировали его по-разному. За малозаметными различиями в написании прилагательного руский (или же галицко-руский) - русский - руський стояли существенные расхождения галицийских «старорусинов», «русофилов» и «украинофилов». Термин ruskiв территориальном или традиционно-этническом, но не национальном значении в середине XIX в. использовала для самообозначения и полонизированная часть образованных галицийских русинов. Термины малоруский / малороссийский употреблялись реже, но и вокруг них шла своеобразная семантическая война. В период революций 1848-1849 гг. отождествление галицкой Руси с Малой Русью преобладало в общественном мнении.

Контакты как с украинофильскими, так и с панславистскими деятелями из Российской империи, заметно усилившиеся в 60-е гг. XIX в., привели к тому, что названия Малая Русь, малоруский, малороссийский стали чаще употребляться для самообозначения в публичном дискурсе. Но уже в начале XX в. Малороссия и малороссийский (наряду с русский) утвердились как национальные самоназвания русофилов («москвофилов») и стали неприемлемыми для их оппонентов - украинофилов-народовцев.

Галицкие украинофилы, начиная с 1899 года, стали употреблять названия «Украина», «украинский» вместо названий «Малая Русь», «малорусский». Термин «украинский» употребляется вместо термина «малорусский» или обычного в Галицкой Руси слова «русский», причем на которые пишут «украинсько-руський», другие «украиньско-руский», а третьи «русько-украинский» или «руско-украинский». Цель употребления этих терминов - желание в самом имени отделиться от общности с Русью, с русским народом.

Уже в конце XIX в. украинские деятели, наряду с малороссом, отказываются и от термина украинофил. Это свидетельство знаменует переходный этап процесса перестройки понятийной сферы в украинской среде. Как языковой акт украинский национализм приобрел кодифицированую форму в «Словаре украинского языка» Б.Д. Гринченко 1907-1909 гг.: в нем ожидаемо отсутствовали малоросс и хохол, а среди «украинских» статей было также «украинство: свойство и деятельность украинца в национальном смысле». Понятие украинофильства приобретает в языке украинских деятелей отчетливые отрицательные коннотации. Отметим, что параллельно с этим в русском дискурсе украинофильство приобретает положительное звучание. Тем временем русский дискурс о малороссе претерпел следующую трансформацию: если в первой половине XIX в. в нем читался призыв

«заново открыть» русскость, искаженную и подавленную польскими влияниями, то в начале XX в. о польских влияниях говорилось уже редко, а русскость малоросса воспринималась (или представлялась) как естественное состояние. Теперь эту русскость нужно было «защищать» от «отравляющего влияния» украинской пропаганды, но по своему «качеству» малороссийская русскость претендовала быть даже более основательной и прочной, чем великорусская, податливая на искушения революционных идей и обманчивые голоса из среды меньшинств на окраинах империи. В ходе Первой мировой войны и революционных лет политически активные носители малорусской идентичности оказались одной из наиболее пострадавших групп, а понятие малоросс утратило легитимность в СССР периода коренизации 1920-х гг. Понятие малоросс как инструмент самоидентификации продолжало существовать лишь в среде межвоенной эмиграции. Там же продолжались и баталии вокруг понятия малоросс. Однако этот период - предмет особого исследования.

В первой половине XIX в. украинофильские течения стали проникать в Москву и Петербург. Это был более мягкий вариант украинства, в отличие от того, который зарождался в Малороссии. Московские и петербургские последователи украинства рассматривали его как более восприимчивый российской общественностью вариант русскости, не выделяющий малороссов в качестве отдельного народа.

Обращаясь к внешним факторам, нельзя не упомянуть польское влияние. В первой половине XIX века территория современной Украины стала объектом цивилизационного противостояния между Российской империей и Польшей. Поляки утверждали, что земли, отошедшие к России в результате разделов Речи Посполитой, являются восточными окраинами Польши и должны принадлежать им. Российская империя считала эти земли исторически своими как часть Западного края империи. Левый берег Днепра назывался Малороссией, а побережье Черного моря – Новороссией. В общем, территория современной Украины в то время называлась Южной Русью, а Восточная Галиция – Червонной Русью [5, с. 46].

Поляки идентифицировали православных и униатов, живущих на территории современной Украины, как «русины», противопоставляя их великороссам, которых поляки называли «москалями». Осознав, крепость власти Российской империи и мнение жителей Западного края, не желавших возвращения в состав Речи Посполитой, поляки начали активно поддерживать идею украинства с целью ослабить Россию изнутри и восстановить Речь Посполитую в границах 1772 года.

Малороссийское национальное движение зародилось еще в 1840-х гг. на территории Российской империи. У истоков украинофильского движения стояли члены тайного Кирилло-Мефодиевского общества - «Славянское общество Св. Кирилла и Мефодия», созданного в Киеве. Его основателями стали Н.И. Костомаров, П.А. Кулиш, В.М. Белозерский, Н.И. Гулак, позже к ним примкнул Т.Г. Шевченко. Целью организации было создание славянских демократических республик и образование их союза, центром которого должен был стать Киев. Особая роль в этом союзе предназначалась украинскому народу, который, по мнению членов общества, унаследовал от казачества свободолюбие и приверженность к демократизму [3].

Идеологическую основу объединения составил «Закон Божий» Н.И. Костомарова. В «Законе Божьем» основной концепцией была мессианская сущность Украины, предназначенная для спасения славянства и выполнения воли Божьей. Автор указывает, что в начале Бог создал евреев, но они отвергли его закон, выбрав себе царя, и поэтому Бог отвернулся от них. Затем благодать Божья перешла к

грекам, но так как они были язычниками и не приняли правильную веру, то и от них Бог отвернулся. После этого избранным народом стали славяне, которые впоследствии образовали три царства: Московию, Польшу и Литву. Согласно Н.И. Костомарову, только свободолюбивая Украина не признавала ни царя, ни господина, а создала казачество и поклонялась только Богу. Именно поэтому она должна стать лидером Всеславянской федерации [4]. Основные положения «Закона Божьего» нашли свое отражение и в уставе общества. В 1847 году правительство распустило Кирилло-Мефодиевское общество. Но в начале правления Александра II основатели общества были освобождены и восстановлены в своих правах.

С разгромом Кирилло-Мефодиевского братства деятельность украинофильского движения не прекратилась. В 1860-е гг. популярность в Малороссии приобрели идеи так называемого народнического национализма, ярким представителем которого был М.П. Драгоманов. Вплоть до 1861 г. будущий украинофил был скорее космополитом, нежели борцом за автономию Малороссии [2]. События, которые повлияли на его взгляды – смерть Тараса Шевченко и восстание в Польше 1863 г. Свою роль в становлении Драгоманова-украинофила сыграл и так называемый Валуевский циркуляр 1863 г. Он также стал для украинских националистов одним из аргументов в деле доказательства угнетения их народа и языка. Историки советского периода в своих исследованиях использовали цитаты из Валуевского циркуляра как свидетельство угнетения малороссов российскими властями. А.И. Миллер отмечает, что его изданию способствовали группы общества в Малороссии, которые призывали Петербург применить административные меры для противодействия украинофилам [5, с 111].

Еще до 1863 года в правоохранительные органы Российской империи поступали отчеты о различных группах, которые стремились к независимости Малороссии. Например, 29 июня 1862 года военный министр России Д.А. Милютин сообщил князю В.А. Долгорукову, тогдашнему шефу жандармов, о существовании «общества хлопоманов» в Киеве, которое ставило целью возбуждение крестьян против помещиков и правительства с намерением восстановить независимость Малороссии [5, с 112]. В записке Милютина упоминались «громады», которые возникли в 1850-х годах как культурные и просветительские центры в Малороссии. Эти общества были основаны бывшими членами Кирилло-Мефодиевского братства. Изначально деятельность громад имела цель продвижения малороссийской культуры в контексте общерусской. Однако к 1863 году, в основном под воздействием польского восстания, в членах громад начали преобладать националистические настроения. В марте 1863 года неизвестные авторы направили шефу жандармов письмо, в котором требовали ликвидации украинофильских организаций и запрета перевода Евангелия на малороссийское наречие. Долгоруков передал это письмо генерал-губернатору Киева, чтобы узнать его мнение. Анненков посчитал необходимым запретить перевод Евангелия на украинский язык, так как это могло бы укрепить украинофильские убеждения об автономии Малороссии на основе языковой самостоятельности. Именно это письмо послужило основой для выработки Валуевского циркуляра. Следовательно, Валуевский циркуляр не запрещал само малороссийское наречие в Российской империи. Он лишь запрещал публикацию религиозных книг и учебной литературы на этом языке. Эта мера была направлена на предотвращение распространения украинофильских идей среди неграмотного населения Малороссии.

Критика Валуевского циркуляра поступала не только от украинофилов, но и от российских либералов, особенно в петербургской прессе. Например, в 1863-1864

годах журнал «День», редактором которого был славянофил И.С. Аксаков, опубликовал ряд статей украинофилов, в которых остро критиковался циркуляр министра. Сам Аксаков указывал, что такие действия со стороны министерства могут лишь способствовать тому, что украинофилы примут позицию врагов России [1, с 202]. Драгоманов не остался безразличным к циркуляру, что привело к радикализации и национализации его взглядов. В это время он подвергся значительному влиянию одного из основателей украинской «Громады» - В.Б. Антоновича, который был также основателем украинской историографии.

В 1873 году по решению царского правительства был открыт Юго-Западный отдел Русского географического общества. Инициаторами его создания выступили выдающиеся борцы с сепаратизмом - М.В. Юзефович и В.Я. Шульгин. Они считали, что украинофильское движение возникло и развивается под патронатом поляков. Предоставление малороссам некой культурно-просветительской автономии в рамках общерусской культуры, по их мнению, могло бы прекратить украинофильство. Такие же надежды питали и власти, поддерживавшие инициативу Шульгина и Юзефовича через киевского генерал-губернатора А.М. Дондукова-Корсакова. Однако эти надежды не оправдались, и работа Юго-Западного отдела вскоре оказалась полностью под контролем украинофилов, в том числе Драгоманова и Антоновича.

В том, насколько украинское движение было ориентировано на Польшу, можно убедиться из опубликованного в 1863 г. стихотворения «Ще не вмерла України» этнографа и украинофила П.П. Чубинского. Это прямое подражание польскому гимну «Еще Польска не сгинела [6, с 54]». Из-за опасений относительно вмешательства Польши и распространения революционных идей, император и совещание приняли решение издать в 1876 г. Эмский указ. В этом документе было 11 пунктов, из которых первые три запрещали распространение литературы на украинском языке и её ввоз из-за границы. Этот указ, во-первых, усилил недовольство у вполне лояльных, но украинофильски настроенных групп общества, а главное - активизировал «переселение» украинской культурной жизни из Малороссии в населенную русинами австро-венгерскую Галицию [6, с 58].

Постепенно в Галицию перенеслась «украинская» литературная, издательская и научная деятельность, а сама она превратилась в центр национального движения. Это способствовало тому, что местное культурное возрождение русинов все больше начало развиваться в направлении формирования украинской идентичности. Необходимо дать взвешенный и объективный исторический анализ украинофильских течений второй половины XIX века.

Источники и литература

1. Аксаков И.С. Сочинения. Т. 3: Польский вопрос и западнорусское дело. Еврейский вопрос. 1860-1886. СПб., 1900. 582 с.

2. Драгоманов М.П. Літературно-публіцистичні праці у двох томах. Київ: Наукова думка, 1970. 531с.

3. Кирило-Мефодіївське товариство: У 3 т. Київ, 1990

4. Костомаров Н. Книги бытия украинского народа. «Славия», 1977. 30 с

5. Миллер А. Украинский вопрос в Российской империи. Киев: «Laurus», 2013. 419 с

6. Марчуков А.В. Украинское национальное движение. УССР. 1920-1930-е годы. Цели, методы, результаты. М.: Издательство Центрополиграф, 2015. 593 с

7. Данильченко С.Л. Российская государственность-цивилизационно-политологический анализ: Монография / С.Л. Данильченко. – Уфа: АЭТЕРНА, 2024. 500 с

УДК 94(477.75) **DOI 10.5281/zenodo.14722211**

Казак Н.А.

ВСЕСОЮЗНОЕ ДОБРОВОЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО БОРЬБЫ ЗА ТРЕЗВОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ АНТИАЛКОГОЛЬНОЙ КАМПАНИИ 1985-1990 ГОДОВ (НА ПРИМЕРЕ КРЫМА)

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Аннотация. В статье рассматривается история и деятельность Крымского отделения Всесоюзного добровольного общества борьбы за трезвость, созданного в эпоху «перестройки». Исследование базируется на ранее не вводимых в научный оборот документах из региональных архивов и материалах местной прессы. Автор исследует процесс создания общества, его структуру и проводимую деятельность, подчеркивая, что основным фактором неэффективности данного движения стал принудительный характер вступления в организацию. Это обстоятельство не только лишало общество истинного энтузиазма и заинтересованности со стороны населения, но и способствовало дискредитации власти. В результате мероприятия, направленные на популяризацию трезвого образа жизни, воспринимались как формальные обязанности, используемые для отчета перед руководством и перевыполнения планов по борьбе с пьянством и алкоголизмом.

Abstract. The article deals with the history and activities of the Crimean branch of the All-Union Voluntary Society of Struggle for Sobriety, created in the era of 'Perestroika'. The study is based on the documents from regional archives and materials of the local press, which have not been previously introduced into the scientific turnover. The author investigates the process of creation of the society, its structure and activities, stressing that the main factor of inefficiency of this movement was the coercive nature of joining the organisation. This circumstance not only deprived the society of true enthusiasm and interest on the part of the population, but also contributed to discrediting the authorities. As a result, activities aimed at popularising a sober lifestyle were perceived as formal duties, used to report to the management and overfulfil plans to combat drunkenness and alcoholism.

Ключевые слова: Антиалкогольная кампания, пьянство, алкоголизм, первичная организация.

Keywords: Anti-alcohol campaign, drunkenness, alcoholism, primary organization.

Годы «перестройки» (1985-1991) обозначили важный этап в истории Советского Союза, характеризующийся значительными изменениями в социальной, политической и экономической жизни страны. Одним из ключевых аспектов этого периода стала антиалкогольная кампания 1985-1990 гг., важнейшим элементом которой было «Всесоюзное добровольное общество борьбы за трезвость» (ВДОБТ).

Тема истории общества трезвости в Крыму в годы «перестройки» до настоящего времени в историографии практически не рассматривалась. Ранее исследовалась лишь отдельная часть этого вопроса на примере города Севастополь [9], что ограничивало общее понимание ситуации в регионе. В данной публикации предпринята попытка реконструкции истории и деятельности Крымского отделения Всесоюзного добровольного общества борьбы за трезвость.

К началу 1980-х годов пьянство и алкоголизм продолжали оставаться одной из проблем советского общества, которые подрывали физическое здоровье населения, что приводило к снижению работоспособности, падению нравственного уровня и

разрыву семей. Увеличилось число лиц, попадавших в вытрезвители. Большинство случаев производственного травматизма, дорожно-транспортных происшествий, хулиганства, убийств и прочих преступлений совершалось в нетрезвом состоянии. Пьянство имело свое место среди членов КПСС и ВЛКСМ. К примеру, в 1984 году за злоупотребления спиртным напитками привлечено к ответственности свыше 119 тысяч коммунистов и почти 370 тысяч комсомольцев [13, с. 86].

В ответ на эти вызовы советское руководство предприняло меры, направленные на сокращение уровня потребления алкогольной продукции. 17 мая 1985 г. началась антиалкогольная кампания. Были опубликованы специальные постановления партии и правительства. М. С. Горбачев в Политическом докладе Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза 25 февраля 1986 г. говорил: «В стране развернулась борьба против пьянства и алкоголизма. Во имя здоровья общества и человека мы пошли на решительные меры, повели бой с традициями, которые складывались и насаждались веками. Не обольщаясь достигнутым, можно сказать, что пьянка потеснена с производства, меньше ее стало в общественных местах. Оздоровляется обстановка в семьях, сократился производственный травматизм, укрепился порядок. Но и дальше нужна большая, настойчивая, разнообразная работа, чтобы обеспечить окончательный перелом в сложившихся привычках. Никаких послаблений здесь быть не должно!» [11, с. 4-5].

В годы «перестройки» борьба с пьянством и алкоголизмом проводилась с применением методов, которые нередко можно было охарактеризовать как «красногвардейская атака». Массовое закрытие алкогольных магазинов, резкое ограничение продажи спиртных напитков и перепрофилирование предприятий стали частью этой кампании. В данном контексте вино было объявлено одной из причин алкоголизма, что в свою очередь нанесло серьезный ущерб виноградарству и виноделию СССР. Журнал «Трезвость и культура» активно выступал против защиты виноградарства и виноделия, открыто выражая свою позицию. В первом номере за 1990 год Л. Киселев поднимал вопрос о том, что защитные меры в отношении виноградников на самом деле служат лишь предлогом для оправдания алкогольного потребления: «Мне кажется, что защита виноградников – это только предлог. Суть выступления – защита потребления алкоголя. А если называть вещи своими именами, то защита пьянства» [10, с. 3]. Такие подходы, как показали дальнейшие события, не способствовали улучшению ситуации. Вместо этого наблюдалось развитие таких деструктивных явлений, как самогоноварение, наркомания и токсикомания, которые ставили под угрозу здоровье населения и вызывали новые социальные проблемы.

В Постановлении ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма» была дана установка: «Придавая особое значение развитию массовости антиалкогольного движения, распространению его на предприятиях, в организациях, учреждениях, трудовых коллективах, считать целесообразным создание Всесоюзного добровольного общества борьбы за трезвость и издание его печатного органа» [12, с. 26]. 25 сентября 1985 г. в Колонном зале Дома союзов состоялась учредительная конференция «Всесоюзного добровольного общества борьбы за трезвость». С докладом о задачах общества выступил председатель оргкомитета общества, вице-президент Ю. А. Овчинников. Было предусмотрено издание журнала «Трезвость и культура». Учредительная конференция также утвердила устав общества [19], избрала его Центральный совет и Центральную ревизионную комиссию.

История Крымской областной организации общества борьбы за трезвость начинается 12 октября 1985 г. когда в Симферополе прошла её учредительная конференция. С докладом о задачах организации выступил председатель оргкомитета областной организации, проректор Крымского медицинского института, профессор В. П. Фесенко.

По состоянию на 1 декабря 1989 г. в состав Крымского отделения общества входили 6 горсоветов: Алуштинский, Евпаторийский, Керченский, Севастопольский, Феодосийский, Ялтинский, 3 горрайонных совета: Джанкойский, Красноперекопский, Сакский, 20 районных советов, из них сельские районы: Бахчисарайский, Белогорский, Кировский, Красногвардейский, Ленинский, Нижнегорский, Первомайский, Раздольненский, Симферопольский, Советский, Судакский, Черноморский; городские районы г. Симферополя – Железнодорожный, Киевский, Центральный и г. Керчь – Орджоникидзевский, Ленинский. г. Севастополя – Балаклавский, Гагаринский, Нахимовский [4, л. 1].

Общество трезвости стремилось изменить общественное восприятие алкоголя и создать позитивный имидж трезвости. В это время происходило активное сотрудничество с медицинскими учреждениями, психиатрами и педагогами, которые помогали формировать понимание вреда алкоголя и алкоголизма как болезни. В Крыму жил и трудился известный врач-нарколог А. Р. Довженко – создатель уникального метода лечения алкоголизма и курения путем кодирования. «Метод, разработанный и применяющийся А. Р. Довженко, - писала И. Н. Пятницкая, даёт удивительный эффект: от 82 до 93 процентов, лечившихся у него больных, бросают пить, становятся полноценными людьми» [17, с. 139].

Важным элементом движения за трезвость стала культура. Появлялись книги и фильмы, посвященные проблемам алкоголизма, сознанию и о том, как восстановить здоровье через трезвый образ жизни. В этом контексте общество трезвости соединило усилия для пропаганды своего движения через различные формы культурной активности. На учредительной конференции 12 октября также подчеркивалось, что предстоит ответственная работа по созданию первичных организаций. Действуя через них, обществом ставилась важнейшая задача — воспитать у трудящихся и молодежи здоровый и трезвый образ жизни. Эта миссия осуществлялась посредством целого ряда методов, направленных на формирование определенного отношения к алкоголю. Выделим несколько важнейших средств в борьбе с пьянством и алкоголизмом, которое активно применяло общество:

1. Устная пропаганда. С помощью активистов общества организовывались лекции, встречи и беседы на предприятиях, в учебных заведениях и общественных местах. Проводились мероприятия, где аудитории рассказывали о негативном влиянии пьянства и алкоголизма на организм, экономику, общество. Дополнительно рассказывали о вреде алкоголя, раскрывая его разрушительное воздействие. Стоит отметить, что до создания общества борьбы за трезвость частично эти функции выполняло общество «Знание». Только севастопольской организацией в период с 1.01. по 31.12.1985 г. было прочитано 778 лекций по антиалкогольной пропаганде [1, л. 38].

2. Средства массовой информации. Общество использовало различные формы деятельности: тематические показы документальных и художественных фильмов, лекции, беседы, конференции, встречи. Проводились различные конкурсы, к примеру, конкурс художественных плакатов на тему «Алкоголь и спорт» [16]. Как отмечалось в акте документальной ревизии, относительно неплохой опыт работы был накоплен в г. Севастополе, Красноперекопском, Сакском и Нижнегорском районах

[5, л. 3]. Члены общества вместе с общественностью занимались организацией и проведением рейдов по предприятиям, колхозам, магазинам с целью контроля исполнения постановлений ЦК КПСС на местах.

3. Наглядная агитация. Плакаты, выставки и другие визуальные материалы служили мощным катализатором для привлечения внимания к проблеме алкоголизма. Главные лозунги кампании: «Пьянству – бой!», «Трезвость – норма жизни».

Многие организаторы и активисты первичных организаций подвергались критике за слабую агитацию. Одним из показателей слабой работы считалось то, что в первичных организациях было не слишком много мужчин, а большей частью членов были женщины. Так, в Ялте было создано 218 первичных организаций, начитывающих 5007 человек, из которых 2727 женщин [14].

Общество трезвости было большой бюрократической организацией. Это можно легко доказать на примере того, какие должности были предусмотрены штатным расписанием организации общества в Крыму:

- председатель общества;
- заместитель председателя;
- ответственный секретарь;
- инструктор;
- главный бухгалтер;
- заместитель главного бухгалтера;
- бухгалтер-кассир;

Отдельного упоминания заслуживает вопрос о вступлении в общество трезвости. Это движение позиционировало себя как добровольное объединение, основанное на принципах самосознания и стремления к здоровому образу жизни. Однако на практике ситуация выглядела иначе. Несмотря на заявленные идеалы, вступление в общество часто происходило в принудительном порядке, и это требование в первую очередь касалось членов КПСС, комсомольцев, а также руководителей предприятий, колхозов и совхозов. Причиной такой практики стало стремление властей как можно быстрее достичь поставленных целей и отчитаться перед вышестоящим партийным руководством о выполнении планов по борьбе с пьянством и алкоголизмом. Это желание повысить статистику, подменяя истинные цели организации, замедляло настоящий прогресс и порождало недовольство среди людей. Такая политика превращала общество трезвости в инструмент для выполнения административных предписаний. Несмотря на хорошие намерения движения, необходимость включения в него на принудительной основе подрывала доверие и мешала созданию истинного сообщества, где каждый бы мог осознанно выбрать трезвость как жизненную ценность. Так, руководитель первичной организации общества трезвости больницы № 6 г. Севастополя, чтобы заставить всех работников вступить в общество, применяла определенные меры воздействия. В газете «Слава Севастополя» была опубликована жалоба по поводу этой ситуации: «Что же это в нашей больнице творится. В ноябре привезли лук и морковь, но продавали только членам общества борьбы за трезвость. В этом же месяце объявили неделю борьбы за трезвость, устроили выставку – продажу книг. И снова преимущество было отдано членам общества. В декабре привезли картошку. Продавали только членам общества. Хочешь купить – запишись в организацию» [8].

Принуждение к вступлению в организацию не могло оказать положительного влияния на её деятельность. Уровень работы первичных организаций оставался достаточно низким, что сказывалось на эффективности проводимых мероприятий.

Многие лекторы, назначенные для проведения агитации и просвещения в сфере борьбы с пьянством, часто не проявляли необходимого энтузиазма и старания. К сожалению, зачастую их работа сводилась к простому выполнению формальностей и отчитыванию перед начальством. Председатель совета наставников объединения «Морской завод им. Серго Орджоникидзе» В. В. Грабовец говорил: «Немало пришлось выслушать лекций па противоалкогольную тему, но ни одна в памяти не осталась. Общие фразы, призывные лозунги. Ни фактов, ни наступательного порыва. Дежурное мероприятие: отчитал лектор и ушел. А ведь боевая, страстная лекция может немало пользы привести» [18]. Мероприятия выглядели как рутинные и безликие обязательства. Это создавало впечатление, что инициатива борьбы с пьянством стала лишь очередным административным заданием, а не искренним стремлением улучшить качество жизни людей. Отсутствие истинной мотивации и заинтересованности порождало лишь разочарование, и, как следствие, настоящая идея трезвости теряла свою привлекательность и силу.

Ряд предприятий и учреждений не желали или не были заинтересованы открывать первичные организации. В Феодосии против функционирования такой организации в горотделе выступил даже сам его начальник Н. Н. Бабенко, который распустил ее в приказном порядке за нецелесообразностью [8]. Проверки иногда показывали, что многие первичные организации просто не работали по назначению. С 10 по 17 июля 1988 г. в продторге Гагаринского района г. Севастополя была проведена проверка, в ходе которой было выявлено, что хоть добровольное общество борьбы за трезвость в торге создано, но эффективной работы, кроме сборов членских взносов, не проводится [2, л. 62].

Период спада организации антиалкогольного движения приходится на период 1988-1990 гг. В это время было выяснено, что в пятой части трудовых коллективов Крыма не были созданы первичные организации общества трезвости. Постепенно начинает уменьшаться численность первичных организаций и членов общества. В целом по Крыму если в 1989 г. насчитывалось 3165 первичных организаций и 101298 членов, то в 1991 г. насчитывалось уже 2486 организаций и 68184 членов [3, л. 4]. Следует отметить очень большую текучку учетных кадров этой бюрократической организации. К примеру, на протяжении 1989 г. кассовые операции осуществляли пять периодически сменяемых работников [6, л. 6]. Допускались случаи несвоевременного начисления заработной платы штатным работникам, а заработная плата нештатному персоналу за декабрь 1989 г. вовсе не была начислена. В результате чего образовалась дебиторская задолженность в сумме 602 рубля 20 копеек [7, л. 9].

С 1 января 1991 г. областной Совет общества стал именоваться «Крымский областной Совет Украинского добровольного общества трезвости и здоровья». С принятием закона Украинской ССР о восстановлении Крымской АССР областной Совет стал республиканским. В этом же году общество трезвости и здоровья распалось на несколько коммерческих предприятий, перестало выдавать зарплату. а в декабре 1992 г. исполком Симферопольского городского Совета народных депутатов отобрал материальную базу общества: помещение на ул. Пушкина, 12, оборудование, мебель. На этом Крымское отделение общества трезвости прекратило свое существование.

Организация трезвеннического движения в годы «перестройки» столкнулась с серьезным кризисом. Главной причиной этого является принудительный характер вступления в общество трезвости, который не только не вызывал ни энтузиазма, ни заинтересованности у населения, но и способствовал подрыву авторитета власти.

Мероприятия, ориентированные на популяризацию трезвого образа жизни, зачастую проводились лишь формально, служа средством для отчета перед руководством о выполнении партийных и правительственных постановлений в области борьбы с пьянством и алкоголизмом. Это создало атмосферу пустоты и безразличия, где сами идеи о трезвости и здоровье терялись на фоне административного давления. Вместо того чтобы вдохновлять и поддерживать реальное стремление к переменам, такие мероприятия воспринимались как рутинные обязанности, что в итоге способствовало не только снижению активности, но и дискредитации первоначальных целей данного движения.

Источники и литература

1. Архив города Севастополя (АГС). Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 342. Л. 38.
2. АГС. Ф. Р-79. Оп. 2. Д. 4256. Л. 62.
3. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Р-4791. Оп. 1. Д. 14. Л. 4.
4. ГАРК. Р-4791. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.
5. ГАРК. Р-4791. Оп. 1. Д. 7. Л. 3.
6. ГАРК. Р-4791. Оп. 1. Д. 7. Л. 6.
7. ГАРК. Р-4791. Оп. 1. Д. 7. Л. 9.
8. Иванов В. Картошка для трезвенников // Слава Севастополя. 1987. 27 декабря.
9. Казак Н. А. Антиалкогольная кампания 1985-1990 гг. в Севастополе // Потемкинские чтения: Сборник материалов VII Всероссийской научной конференции с международным участием. Т. 2. 2023. С. 80-84.
10. Киселев Л. Вокруг судьбы виноградников. // Трезвость и культура. №. 1. 1990. С. 3.
11. Кондрашенко В. Т. Пьянство и алкоголизм у подростков. Минск: Выш. шк., 1986. 64 с.
12. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 15. М.: Политиздат, 1989. 670 с
13. Лигачев Е. К. Избранные речи и статьи. М.: Политиздат, 1989. 317 с.
14. Михайлова Л. Не просто числиться // Советский Крым. 1986. 5 сентября.
15. Николаев А. «Сюрприз» из Бахчисарая // Крымская правда. 1988. 15 марта
16. Новиков В. Остались в стороне // Слава Севастополя. 1987. 27 января
17. Пятницкая И. Н. Пить – значит не быть. М.: Сов. Россия, 1987. 176 с.
18. Рабин И. Пора активных действий // Слава Севастополя. 1986. 26 августа.
19. Устав Всесоюзного добровольного общества борьбы за трезвость. М.: Юрид. лит., 1987. 16 с.

УДК 338.69 **DOI 10.5281/zenodo.14722219**

Карамнов С.А.

РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО КУПЕЧЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА ПРИМЕРЕ КОЛОМЕНСКОГО КУПЕЧЕСТВА

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, г. Рязань

Аннотация. Статья посвящена анализу процесса развития российского купечества в XVIII-XIX веках в контексте становления капиталистических отношений. На примере коломенского купечества рассматриваются основные тенденции этого исторического процесса. Автор показывает, что купцы Коломны активно участвовали в торговых операциях, расширяли сферы деятельности и накапливали капитал, что способствовало формированию предпринимательского слоя, ориентированного на рыночные механизмы. Вместе с тем, сохранялись традиционные черты организации купеческого дела, основанные на семейных связях, цеховых объединениях и общинных ценностях.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the process of development of the Russian merchant class in the XVIII-XIX centuries in the context of the formation of capitalist relations. The main trends of this historical process are considered on the example of the Kolomna merchant class. The author shows that Kolomna merchants actively participated in trade operations, expanded their fields of activity and accumulated capital, which contributed to the formation of an entrepreneurial stratum focused on market mechanisms. At the same time, the traditional features of the organization of the merchant business, based on family ties, guild associations and community values, were preserved.

Ключевые слова: коломенское купечество, развитие капитализма в России, формирование купеческой элиты, торгово – промышленные отношения, экономический рост, коломенские купцы, история российского предпринимательства.

Keywords: Kolomna merchants, the development of capitalism in Russia, the formation of the merchant elite, trade and industrial relations, economic growth, Kolomna merchants, the history of Russian entrepreneurship.

Изучая исторический контекст формирования коломенского купечества, обратимся к трактовке самого понятия «купечество» и вариаций возникновения этого сословия.

Купечество — это особый социальный слой, который занимается торговлей в условиях господства частной собственности.

Купец покупает товары не для собственного потребления, а для последующей продажи с целью получения прибыли, то есть выполняет функции посредника между производителем и потребителем или между производителями различных видов товаров.

Важно отметить работы Б. Н. Миронова «Русский город в 1740-1860 годы» и «Социальная история России периода империи». В данных исследованиях автор поднимает вопросы генезиса гильдейского купечества, демографии городского населения, его социальной структуры и экономического развития российского города. В целом, рассматривая социальную историю России с позиции теории модернизации. Б. Н. Миронов приходит к выводу, что купеческое сословие выделяется вследствие трансформации городской общины в Российской империи в

конце XVIII века. Реформы Петра I, по его мнению, изменили социальные отношения в среде посадской общины. Она стала более открыта, усилилась социальная мобильность посадского населения, постепенно утрачивалась ее профессиональная направленность.

Б. Н. Миронов приходит к заключению, что, в сущности, городовые реформы Екатерины II, официально имевшие цель установить всесословное самоуправления, реально еще более законсервировали городское население [6].

Проанализируем Жалованную грамоту городам, составленную императрицей Екатериной II. Изначально грамота называлась иначе, а именно Грамота на права и выгоды городам Российской империи. Жалованная грамота городам по сей день является важным законодательным актом, который Екатерина попыталась регламентировать организацию и деятельность органов городского самоуправления, которые были нововведением.

В Жалованной грамоте прописывались актуальные тенденции, направленные на дальнейшее развитие общества в социально-экономической сфере, также говорилось о дальнейшем росте промышленности и торговли. Предусматривалась сословная структура населения города и деление по сословным признакам горожан. Также закреплялась давняя цеховая организация ремесленников и это затрудняло возникновение капиталистических мануфактур. Тем самым сохранение прежней ремесленной организации значительно тормозило дальнейшее развитие буржуазных отношений. Органы городского самоуправления после реформы 1785 году утратили большую часть своих полномочий. Данные органы ведали некоторыми вопросами, связанными с благоустройством города, санитарным состоянием края, развитием продовольственного дела, а также развитием промышленности и торговли. А власть в городе принадлежала городничим, местным чиновникам и полицейским учреждениям [2].

В первой половине XIX столетия на территории Коломны и уезда продолжается рост фабричной промышленности. Самой распространенной отраслью остается хлопчато - бумажное производство. В 1814 году насчитывалось 14 фабрик с 177 ткацкими станами и 527 наемными работниками. Возникают значительные сельские промышленные центры, и первый из них - село Озеры Горской волости. Одна из крупнейших местных фабрик - Товарищества Моргуновых - начиналась с небольшой мастерской по приготовлению тканей, работавшей на московского купца Латышева и размещавшейся в светелке крестьянина Василия Моргунова. В 1841 году на производстве тканей был занят 171 человек. Вскоре Василий Моргунов отделился от Латышева и завел собственное дело. Во второй половине XIX века фабрика Моргунова сделалась одним из самых крупных предприятий в уезде. В 1843 году на одно предприятие в уезде приходилось в среднем по 61 работающему. В дальнейшем намечается рост концентрации производства [1].

Меняется архитектурный облик города. Если в 1803 году Н.М.Карамзин отметил, что «улицы и строения здесь некрасивы», то потому лишь, что реализация принятого еще при Екатерине II генерального плана застройки города началась только после Отечественной войны 1812 года. Город приобретает регулярную планировку, придающую ему неповторимый вид. Для большинства подмосковных городов характерна радиально-кольцевая планировка, в Коломне же улицы пересекаются строго под прямым углом [4].

В 1862 году в городе появилась «чугунка», то есть железная дорога. Это была частная линия, связавшая Москву и Саратов. Правление дороги обратилось к городским властям Коломны с просьбой об отводе земли под строительство станции.

Трудно сказать, чем руководствовались «отцы города», когда принимали решение по этому вопросу. Но факт отстается фактом: не возражая в принципе против отвода земли, они запросили за нее такую цену, что правление дороги принуждено было отказаться.

Неизвестно, как бы пошло дело дальше, если бы один из участников строительства железной дороги, военный инженер А.Е.Струве, не затеял в том же году строительство литейного завода. Завод должен был наладить производство ферм для железнодорожных мостов. Здесь-то сошлись интересы правления «чугунки» и начинающего предпринимателя. Железная дорога нуждалась в мостах, а будущему заводу нужна была железнодорожная станция.

Строительство железной дороги и основание Коломенского машиностроительного завода имело губительные последствия для старинных коломенских промыслов. С вводом «чугунки» в действие гуртовая торговля скотом, речная и обозная хлебом стали экономически невыгодными. В 1893 году швейцарец Карл Абег приобрел в Коломне старую шелковую фабрику Бабаевых, переживавшую трудные времена. Все старое оборудование пошло на слом, и фабрика из шелковой, выпускавшей готовую ткань, превратилась в шелкокрутильную, производящую лишь полуфабрикат. Обновленная фабрика превратилась в одно из самых крупных предприятий города.

К концу столетия в Коломне работало 8 фабрик и заводов, в уезде - 16. Число рабочих в городе составило 1216 человек, в уезде - 16 895 человек. Крупнейшим предприятием являлся Коломенский машиностроительный завод Струве (6820 рабочих). Завод по-прежнему находился на подъеме, увеличивал выпуск продукции и расширял ассортимент [5].

Настоящие самородки встречались среди крестьян Коломенского уезда. Эти самородки самостоятельно достигали больших вершин. Стоит выделить уроженеца деревни Борисово Федосьинской волости Петра Ионовича Губонина (1825-1894). Начинал он как мелкий подрядчик, разбогател на строительстве Исаакиевского собора в Петербурге и фантастически преумножил свое состояние на строительстве железных дорог. Им построены дороги Лозово-Севастопольская, Грязе-Царицынская, Орловско-Витебская, Горнозаводская, Балтийская и другие. Губонин выступал инициатором создания ряда банков, страховых обществ и других коммерческих предприятий. К концу жизни состояние его достигло 2.378,5 тысячи рублей. Немало средств выделял он на благотворительные цели. Им были построены Комиссаровское техническое училище в Москве, финансировал он и строительство Храма Христа Спасителя. Возможно, именно Губонин, как знаток белого камня, предложил использовать на строительстве этого храма «коломенский мрамор» - камень, добываемый в протопоповском карьере под Коломной.

П.И.Губонин никогда не порывал связей с родным краем. Коломенцы неоднократно обращались к нему за помощью. На пожертвованные им средства построено, в частности, техническое училище Коломенского машиностроительного завода. В конце жизни он добился немалых почестей: ему было пожаловано потомственное дворянство, чин тайного советника, многие российские ордена. «Но Губонин не захотел быть «мещанином во дворянстве», в чине тайного советника он ходил в картузе и в сапогах бутылками и надевал звезду на долгополый сюртук» [3]

Был известен самородок из Коломенского уезда далеко за его пределами. В работе, посвященной повседневной жизни курортников в Крыму во второй половине XIX-начале XX века, Губонин упоминается как основатель одного из самых лучших пансионатов в Крыму, в городе Гурзуф. «Известный предприниматель П.И. Губонин

устроил пансионат по последнему слову медицинской и технической мысли. Номера были электрифицированы, имели ванные комнаты, были соединены телефонами, в здании работали лифты. Сам пансионат расположился в прекрасном парке» [7]. Также в работе отмечается, что провести ночь в этом пансионате могли люди с хорошим достатком и у современников закрепилась фраза «губонинская роскошь».

Однако меценат П.И. Губонин стал известен в Крыму ещё до своего переезда в Гурзуф, благодаря своим щедрым пожертвованиям на строительство железной дороги из Харькова в Севастополь. Его вклад в развитие транспортной инфраструктуры был огромен, и первый железнодорожный вокзал в Симферополе был построен именно благодаря его средствам. Город выразил благодарность Губонину, присвоив ему звание «почётного жителя Симферополя».. Здание, построенное на его деньги, сильно пострадало во время Великой Отечественной войны. Потом на его месте был построен современный вокзал, которым сегодня могут любоваться все жители и гости столицы Крыма.

Ещё одним важным проектом, поддержанным Губониным, стал храм на территории Херсонеса в Севастополе. Первоначально начатое строительство столкнулось с проблемами, но благодаря активному участию мецената, храм был окончен и построен. Основание здания стало свидетельством того, что П.И. Губонин был не только успешным купцом, но и щедрым благодетелем, готовым делиться своим богатством для общего блага [8].

Таким образом, развитие российского купечества в XVIII-XIX веках тесно связано с процессами становления капиталистических отношений в стране. Появление предпринимательского слоя, ориентированного на рыночные механизмы, было балансировано традиционными чертами купеческого дела, включая семейные связи, цеховые объединения и общинные ценности. Роль коломенского купечества в экономической и социокультурной жизни региона была значительной: купцы выступали как инвесторы, меценаты и участники городского самоуправления. Опыт коломенского купечества отражает противоречивость процесса формирования капиталистических отношений в России, слияние традиционных и модернизационных тенденций определило специфику этого исторического периода.

Источники и литература

1. Булгаков М.Б. Предприниматели г. Коломны в конце XIX в. // Материалы Ш науч.-практ. конф.: Города Центральной России в истории предпринимательства и культуры: к 90-летию Серпуховского музея: Доклады, сообщения, тезисы. Мелихово, 2008. С. 120-121.

2. Жалованная грамота городам Екатерины II. 1785 год. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-zhalovannoy-gramoty-gorodam-1785-g-v-dorevolyutsionnoy-otechestvennoy-istoriografii (дата обращения: 29.08.2024).

3. Кириченко, В. Ю. Коломна Текст.: история в именах / В. Ю. Кириченко; худож.: И. С. Комаровский. Коломна, 1993. — 102 е.: ил.

4. Ломако Е.Л. Описания Коломны XIX века как исторический источник // Проблемы истории Московского края Тез докл четвертой регион науч конф , посвящ 75-летию Московской области (Москва, 25 февр 2004 г) - М Изд-во МГОУ «Народный учитель», 2004 С 50-52 0,1 п л.

5. Ломако Е.Л. Развитие мануфактурного производства в Коломне во второй половине XIX века. // Военно-исторический журнал. 2007. № 8, август. С. 73-74. 0,3 п.л.

6. Миронов Б.Н. Русский город в 1740-1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л.: «Наука», 1990.

7. Попова А.Д. «Так нежно плещет на вас изумрудная зыбь...»: повседневная жизнь курортников в Крыму во второй половине XIX-начале XX века. –М.: Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2023. Т. 64. № 5. С. 81.

8. Человек, создавший Гурзуф. URL: https://c-pravda.ru/news/2022-06-30/chelovek-sozdavshijj-gurzuf?ysclid=m125ujfvfe142219846 (дата обращения: 29.08.2024).

УДК 94 (397) + УДК 94 (689.1) **DOI 10.5281/zenodo.14722223**

Травкин А.Л., Хлевов А.А.

РОДЕЗИЙЦЫ: ЭТНОГЕНЕЗ, ИСТОРИЯ, ДАЛЬНЕЙШАЯ СУДЬБА[1]

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Аннотация. В данной статье рассматривается история появления родезийцев — уникальной этнической евроафриканской общности, которая сформировалась на территории современного Зимбабве. Изучен их этногенез, особенности быта и духовной культуры, взаимоотношения с коренным чернокожим населением.

Abstract. This article examines the history of the emergence of the Rhodesians — a unique Euro-African ethnic community that formed in the territory of modern-day Zimbabwe. It explores their ethnogenesis, the characteristics of their material and spiritual life, as well as their relationships with the indigenous African population.

Ключевые слова: родезийцы, Родезия, Зимбабве, белое население, чернокожее население, война в Южной Родезии, Вторая Чимуренга.

Keywords: Rhodesians, Rhodesia, Zimbabwe, white population, indigenous African population, Rhodesian Bush War, Second Chimurenga.

Африканский континент этнически многообразен. Согласно данным БРЭ, в Африке проживают от 500 до 7 тысяч народов. Ареал их расселения существенно разнится – какие-то этносы проживают в рамках одной деревни, другие крупные народы – на территориях различных государств. Однако существует весьма своеобразная общность людей, объединенная схожей историей и одним цветом кожи – евроафриканцы.

Евроафриканцы в современном понимании возникли в начале XIX века, в результате захвата Капской колонии Соединенным Королевством у Батавской республики. Хотя европейцы проживали на африканской земле и раньше (древнегреческие и древнеримские поселения, голландцы в Капской колонии), они не создали какой-либо этнической общности на североафриканских землях. Евроафриканцы как цельный этнос сформировались в XIX веке. В данной статье изучен этногенез одного из этнических сообществ евроафриканцев – родезийцев.

В силу благоприятных климатических особенностей, а также ресурсно-сырьевого потенциала Южной Африки, европейцы охотно туда переселялись. Британская колонизация Южной Африки началась с 1806 года (тогда колония окончательно стала частью Британской империи), и британцы столкнулись с проживавшим там голландским населением, именуемых впоследствии «африканерами». Артур Конан Дойль в своих заметках отмечал: «В момент перехода под британский флаг количество колонистов – голландцев, французов и немцев – приближалось к 30 000 человек. Они являлись рабовладельцами, и рабов насчитывалось не меньше, чем их самих. Перспективы полного слияния британцев и первопоселенцев не вызывали сомнений, поскольку это были люди одного корня и их мировоззрение различалось лишь степенью фанатизма и нетерпимости» [1].

[1] Научный руководитель – А.А. Хлевов, профессор, доктор философских наук, профессор кафедры «Всеобщая история и мировая культура» ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет».

Голландцы враждебно относились к британцам, так как британцы отменили рабство, а экономика капских голландцев держалась на сельском хозяйстве с активным использованием чернокожей рабочей силы. «Имперское правительство всегда придерживалось благородно гуманных взглядов на права аборигенов и считало своим долгом отстаивать закон. Мы полагаем, что британская Фемида должна быть если не слепой, то, по крайней мере, не различать цвета кожи» [1, с.15]. Поэтому британцы для противодействия будущим африканерам способствовали развитию как чернокожих сообществ, так и переселению собственно британцев. Основу для англо-африканской общины заложили знаменитые «поселенцы 1820 года», когда 5000 британцев из низов получили фермы в будущей провинции Наталь.

Ключевой регион в контексте нашей статьи – Родезия – делится на две неравные части – Северная Родезия и Южная Родезия. Названа эта местность в честь Сесиля Родса – британского промышленника и владельца горнодобывающей компании «De Beers». Он первым увидел потенциал территории, сегодня известной как Зимбабве, и организовал экспедиции для ее завоевания. Как свидетельствует Аполлон Давидсон в книге «Сесиль Родс и его время», от Родса ожидали «построить железнодорожную линию до Замбези; поддержать иммиграцию и колонизацию; развитие торговли; эксплуатировать минеральные и другие концессии в системе единой могущественной организации, исключающей конфликты и осложнения между соперничающими интересами» [2]. Для этого в 1889 году Родс, вместе с Альфредом Бейтом и Джеймсом Гамильтоном, создает «Британскую южноафриканскую компанию». Получив от королевы Виктории добро на освоение территории, БЮК основывает в 1890 город Солсбери (ныне Хараре), сперва как военную базу для защиты торговых путей с португальцами, которая со временем стала столицей Южной Родезии. В 1893-м году основывается второй по значимости город – Булавайо. Далее возник третий по важности город, сперва как почтовая станция между Булавайо и Солсбери – Гверу.

Что касается чернокожего коренного населения, то известно, что предки двух основных народов – шона и ндебеле, появились здесь еще в I веке до н.э., занимались преимущественно сельским хозяйством, пик их цивилизационного развития – создание государства Монопотама со столицей Большое Зимбабве. Особенность этого государства – строительство каменных городов при условии полукочевого существования. На момент появления британцев шона и ндебеле жили племенным строем, торговали с португальцами, умели обрабатывать металлы [3]. Сперва появление британцев восприняли положительно, их торговые и миссионерские посты позитивно влияли на чернокожих. Однако появление первых английских поселенцев стало вызывать сперва опасение, а затем враждебное отношение. В марте 1896 года вождь ндебеле Сикхомбо Мгуни поднял восстание против британцев, в истории известное как Вторая война с матабеле или первая Чимуренга. Против 400 британских солдат африканцы выставили около 50 тысяч человек. Но благодаря тому, что был убит один из лидеров восстания, а сам Родс вышел на переговоры с вождями, конфликт удалось решить в пользу БЮК.

С урегулированием конфликта более не было причин препятствовать колонизации и иммиграции населения. Первые родезийцы – выходцы из промышленной сферы Англии, инженеры, прибывшие работать в горных рудниках Витватерсранда. Однако основу родезийской общности заложили фермеры – тоже выходцы из Англии и Шотландии, которым БЮК предоставлял по 100 кв. км земли, а всего было выдано 1200 гектаров земли. Поселенцы принесли сюда основные

сельскохозяйственные культуры: пшеницу, кукурузу (африканцы её полюбили), а из товарных – табак. Фермеры привнесли также механизацию труда, школы и удобрения, а также не чурались нанимать коренное население и платить заработную плату. Если в 1895-м году родезийцев было всего 5 тысяч человек, то уже в 1900-м их было уже 12 тысяч. Наибольший прирост населения случился в период после мировых войн: в 1930-х их было уже 55 тысяч, а в 1950-х – 157 тысяч человек. Основная причина кроется в особом положении Южной Родезии. В 1922-м состоялся референдум, согласно которому решался статус Южной Родезии: быть ли частью ЮАС или нет. По итогам, 40,6% проголосовали за, а 59,4% – против. Таким образом Южная Родезия была самоуправляемой колонией: не доминион, но и не обычная колония Британской империи, так как обладала собственным парламентом и большим количеством белого населения.

Середина XX века стала пиком общественно-культурных отношений в Родезии. По всей Африке зарождались антиколониальные настроения, которые сильнее пресекались там, где проживали белые. Но, благодаря экономическому и социальному благополучию, чернокожие граждане были готовы терпеть правление белых. Сами белые по-разному отстаивали позиции доминирующего меньшинства: в соседней ЮАС, с приходом африканерской националистической партии «Национальная партия» к власти в 1948, формируются условия для апартеида. Британцы в Южной Родезии исходили из необходимости иметь имущественный и образовательный ценз, таким образом права чернокожих сохранялись, а белые по-прежнему были управляющий элитой. В Лондоне считали, что доходы Южной Родезии необходимо расходовать на более бедные колонии. Так возникла Федерация Родезии и Ньясаленда. Она просуществовала с 1953 по 1963 гг.

Голоса белого меньшинства, рассчитывавшего получить независимость и самоуправление, озвучивал «Родезийский фронт» во главе с Яном Смитом. Однако Лондон, и особенно британский премьер-министр Гарольд Вильсон, настаивал на принципе «No independence before majority rule» (Независимость только после предоставления власти африканскому большинству), что делало невозможным независимость мирным путем. Осознавая это, Ян Смит пошел на самопровозглашение независимости. 11 ноября 1965 года возникла Республика Родезия, которая встречала глубочайшее сопротивление со стороны Великобритании. Более того, британцы настояли на резолюции №232 в ООН, по которому независимость Родезии не должна быть признана, а также ввели торговую блокаду региона. Несмотря на такие жесткие условия, торговые представительства Родезии открылись и в Лондоне, и в Вашингтоне, и даже в Токио.

Давление внешнее спровоцировало давление внутреннее, что привело к возникновению ЗАНУ и ЗАПУ – прокитайского и просоветского движений, быстро вставших на путь террора и насилия. Именно война в Южной Родезии сделало родезийцев родезийцами: возникли такие песни как «Rise, O Voices of Rhodesia», «Sweet Banana», «Rhodesians Never Die». Благодаря тому, что белые сохранили хорошие отношения с чёрными, последние также защищали Родезию от своих собратьев. Война шла долгие 14 лет, и важным преимуществом для Родезии стало восприятие ее местным населением как войны за независимость. Для сочувствующих ЗАНУ и ЗАПУ эта война известна как Вторая Чимуренга.

Подводя итог, необходимо отметить, что этническая самодостаточность родезийцев в настоящее время в безопасности: несмотря на победу ЗАНУ и ЗАПУ, диктатуру Роберта Мугабе и экспроприацию земли у белых фермеров (которое привело к миграции части населения в ЮАР, США и Великобританию), родезийцы

заложили основу для современной государственности Зимбабве. В 2019-м новое правительство признало ошибочность своего курса и стало возвращать земли белым фермерам. Это привело к возвращению части эмигнрантов: по переписи 2022 года белых было ок. 22 тысяч [4]. Тема требует дальнейшего изучения, так как в отечественной африканистике Родезия известна лишь в контексте борьбы «бывших колонизаторов против угнетенных». Этот образ не полон и нуждается в значительном дополнении.

Источники и литература

1. Конан Дойль А. Англо-бурская война: 1899-1902 [пер. с англ. О. Строгановой, В. Феоклистовой]. СПб.: Азбука, 2018. 736 с.
2. Давидсон А. Б. Сесиль Родс и его время. М.: Мысль, 1984. 367 с.
3. Бич Д.Н. Зимбабве до 1900 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://michaelharrison.org.uk/wp-content/uploads/2021/04/Zimbabwe-before-1900-DN-Beach-Mambo-Press-Gweru-1984.pdf. (проверено 14.09.2024)
4. Национальное статистическое агентство Зимбабве. Перепись населения в 2022 году. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.zimstat.co.zw/wp-content/uploads/Demography/Census/2022_PHC_Report_27012023_Final.pdf**.** (проверено 14.09.2024)

МАТЕРИАЛЫ
К СПЕЦИАЛЬНЫМ ФОРМАТАМ КОНФЕРЕНЦИИ

УДК 93/94 (930.85) **DOI 0.5281/zenodo.14722227**

Купченко А.Р. Яковец А.И.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ТИПЫ Н.Я. ДАНИЛЕВСКОГО[1]

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Аннотация. В статье рассматриваются теория культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского и другие идеи великого ученого, представленные в его труде «Россия и Европа».

Abstract. The fundamental work of N.Y. Danilevsky "Russia and Europe" is highlighted, in which the theory of cultural and historical types is considered, as well as the main views of the great scientist are formulated. Modern views on civilizational theory are presented.

Ключевые слова: Культурно-исторические типы, эволюция, сознание, религия, нравственность, славянская цивилизация.

Keywords: Cultural-historical types, evolution, consciousness, religion, morality, Slavic civilization.

Николай Яковлевич Данилевский – великий русский учёный, публицист, ихтиолог, внёсший огромный вклад в становление культурологии. П. Сорокин, О. Шпенглер, А. Тойнби являются продолжателями его концепции культурно-исторических типов. В её основе лежат принципы многообразия локальных цивилизаций и циклического развития культуры. Важно отметить, что именно Н.Я. Данилевский был первым, кто применил данный подход в изучении мировой истории. К сожалению, отечественными философами эта теория мало использовалась в XX веке, хотя за рубежом она приобрела большую популярность [1, с.15].

Его поистине великий труд «Россия и Европа» переводился на множество иностранных языков, а затем публиковались статьи, где говорилось о том, что концепция учёного утверждается в научном мире. Однако в России работы Николая Яковлевича Данилевского долгое время оставались без должного внимания: книги не переиздавали, в результате чего они стали библиографической редкостью. Только в 1991 году его труды вновь встретилась с читателем.

В наше время изучение деятельности выдающегося мыслителя крайне необходимо, так как вопросы, поставленные им столетие назад, актуальны до сих пор.

Культурологическая концепция русского философа, естествоиспытателя и сторонника славянофильского течения в отечественной общественной мысли Николая Яковлевича Данилевского (1822-1885) была изложена в фундаментальном

[1] Научный руководитель – Т.В. Вакулова, кандидат политических наук, доцент кафедры «История России и Основы российской государственности» ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет».

труде «Россия и Европа» (1868). С первых же его страниц автор в острой полемической форме противопоставляет свою идейно-нравственную и научную позицию господствовавшим как в западной, так и в отечественной философии теориям европоцентристского и однолинейного развития мировой культуры. Опираясь на богатейший фактический материал, учёный пришёл к выводу, что нет единой культурно-исторической линии в развитии человечества, равно как и не существует всеобщего исторического закона возникновения культуры. И само понятие прогресса в истории, по его мнению, «состоит не в том, чтобы идти всем в одном направлении (в таком случае он скоро бы прекратился), а в том, чтобы исходить всё поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, во всех направлениях».

Н.Я. Данилевский также отвергал разговоры о рассмотрении западноевропейской цивилизации в качестве универсальной, высшей и обязательной в плане усвоения её всеми народами: «Европа есть… германо-романская цивилизация, которая довольно часто идентифицировалась многими, как на Западе, так и в России, с общечеловеческим стандартом. На самом деле это не так». В истории общества существовали и достигали потрясающих результатов в своем культурном развитии и другие цивилизации. В качестве примера социолог приводит динамичный прогресс Китая [2].

Отдельно развивающиеся цивилизации вносят особый вклад в общую культурную сокровищницу человечества, которым оно затем пользуется, становясь все более богатым. Именно так в культурном коде истории понимал и признавал прогресс наш соотечественник.

Само понятие «культурно-исторический тип» (или «самобытные цивилизации») — это оригинальная категория Николая Яковлевича Данилевского, составляющая ключевой момент его теории. Под данным термином он подразумевает самостоятельные своеобразные системы религиозного, социального, бытового, промышленного, политического, научного и художественного развития.

Анализ всех перечисленных выше составляющих позволяет естествоиспытателю обозначить и расположить в хронологическом порядке основные типы культуры: египетский, китайский, ассирийско-вавилоно-финикийский или древнесемитический, индийский, иранский, греческий, римский, новосемитический или аравийский, германо-романский или европейский.

Учёный подчеркивает, что некоторые из них возникли как «совершенно уединённые цивилизации» (китайская, индийская), другие – проявляли себя как «преемственные» (египетский, древне-семитический, греческий, римский, еврейский и европейский) культурно-исторические типы. Результаты, достигнутые «преемственными» цивилизациями, превосходят то, что успевают создать за свою историю «уединённые». Подобное понимание традиционная европейская культурология вкладывала в определение «западного прогресса» и «восточного застоя» [3].

Ученый выделял в исторической культурной жизни три периода:

1) этнографический, когда происходит самобытное, оригинальное формирование народа, его языка;

2) политический, связанный с созданием атрибутов государства;

3) цивилизационный – этап расцвета творческой деятельности народа.

На протяжении всей книги мыслитель рассуждает о взаимоотношениях между Россией и Европой, о сущности славянского культурно-исторического типа. Он утверждает, что «Европа видит в Руси и в славянстве не только чуждое, но

враждебное начало». В свою очередь, Россия действительно не является европейской страной, она представитель иного мира – славянского. Чётко прослеживается позиция общественного деятеля: славянство — это одиннадцатый и относительно молодой культурно-исторический тип, находящийся на пути к зрелости, оно есть категория того же порядка, что эллинизм или европеизм.

Враждебное отношение Европы к России культуролог видит в том, что Европа уже вступила в период упадка, в то время как славянская цивилизация входит в период расцвета своих творческих сил. Это позволяет ей развивать четыре основные формы человеческой культуры: религиозную, научную, политико-экономическую и эстетическую, а также особенно преуспевать в социально-экономической сфере. «Мы можем надеяться, что славянский тип будет первым полным четырехосновным культурно-историческим типом» - на такой оптимистической ноте заканчивает своё детище философ.

Основной проблемой мыслитель считает опасность вестернизации культуры, потери самобытности, утраты российских национальных корней и истоков. Второй круг проблем связан с «теоретическим» обоснованием концепции культурно-исторических типов, законов их движения и развития. Социолог выступает против однолинейной схемы истории культуры, утверждая идею многообразия культур всех народов, когда каждый вносит значительный вклад в общее богатство духовного наследия. Третья проблема – будущее славянской цивилизации, характер славянской религиозности, способность к государственности, отношение к свободе, наукам и искусству, внутренние источники сил России, её идентичность, условия возникновения Всеславянской федерации.

Идеи ученого были восприняты неоднозначно: особенно острая дискуссия развернулась по поводу первого и третьего пунктов проблем. Его точку зрения критиковали философ В.С. Соловьев и публицист В.П. Безобразов: они обвиняли Данилевского в «панславизме». В эпоху СССР позиция учёного подвергалась чрезмерно жесткой критике, а его самого уличали в монархизме, консерватизме, великодержавном шовинизме и национализме. Это совпадало с государственно-идеологической политикой программы русского национального самоотречения во имя идеалов интернационализма и мировой революции. В советских энциклопедических словарях мыслитель упоминался как реакционер. К счастью, эти времена ушли в прошлое, и можно полноправно восстановить научный авторитет общественного деятеля, трудившегося на благо Родины [5].

Перейдём к современным взглядам на ограниченность цивилизационной теории. Сильная сторона исторической эволюции заключалась в противопоставлении принципа развития идее неизменности форм бытия, восходящей к теологическому представлению о возникновении мира в результате акта божественного творения.

Уязвимым же с позиции научной критики положением доктрины эволюционизма было упрощенное представление о единообразном развитии культурно-исторического процесса, то есть о росте однолинейном, лишенном типологической вариативности.

Н.Я. Данилевскому впервые удалось зафиксировать феномен европоцентристской установки, названный им «ошибкой перспективы», дать ему первоначальное истолкование, а также предложить теорию исторического процесса, в которой были разработаны концептуальные средства преодоления европоцентристской направленности.

Одним из замечаний теории культурно-исторических типов является отождествление социально-исторических образований с организмами. Эта идея в перечне ошибочных положений философско-исторической теории мыслителя оказалась на первом месте в силу того, что она в наименьшей степени содержала то, что можно обозначить как «частные позитивные моменты». Результатом рассматриваемого сравнения была мистификация вопроса о движущих силах исторической эволюции. Будучи, несмотря на разногласия с Дарвином, все-таки «эволюционистом», социолог акцентирует внимание на внутренних и недооценивает роль внешних импульсов развития. Он как бы обходит стороной стимулирующее влияние культур друг на друга. Между тем, факты говорят о том, что взаимовлияние культур, в конечном счете, играют огромную роль в истории [4].

Среди ошибочных положений теории типов находится и догматическое положение о невозможности передачи культурных начал одного цивилизационного типа другому.

Проанализировав монументальный труд Николая Яковлевича Данилевского и его особый вклад в развитие истории и культуры, мы приходим к следующим выводам:

1) Известный учёный, социолог и ихтиолог Николай Яковлевич Данилевский впервые в широком объёме поставил принципиальные вопросы, составляющие содержание культурологии. Его книга «Россия и Европа» - замечательный памятник русской общественной мысли 19 века. В ней была сформулирована концепция культурно-исторических типов, во многом предвосхитившая идеи О. Шпенглера.

2) Научный деятель выделяет тринадцать культурно-исторических типов (или локальных цивилизаций), которые различаются полнотой воплощения социальной деятельности (религиозной, культурной, политической и экономической).

3) Многое из сказанного Н.Я. Данилевским не утратило своего значения и в наши дни, а наоборот, усилилось, его фундаментальный труд оказал влияние на развитие всемирной исторической и культурологической мысли, в современной России восстановлен научный авторитет патриотически настроенного учёного.

Источники и литература

1. Бобахо, В.А. Культурология: Программа базового курса, хрестоматия, словарь терминов / В.А. Бобахо, С.И. Левикова. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. – 400 с.

2. Гуревич П.С. Философия культуры. Учебник для высшей школы – М. 2001. – с. 247 – 250.

3. Данилевский Н.Я. Россия и Европа // Составление и комментарии Ю.А. Белова / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. – 816 с.

4. Иконникова С.Н. История культурологических теорий. – 2-е изд., перераб. И доп. – СПб, 2005. – с. 128-142.

5. Пархоменко И.Т. Культурология. Вопросы и ответы / Пос. для студентов. 2-е изд.: перераб. И доп. – Ростов-на-Дону, 2008. – 329 с.

Научное издание

VIII Всероссийская научная конференция с международным участием «Потемкинские чтения» 2024 года

Сборник материалов научной конференции
(23-24 октября 2024 года, г. Севастополь)

Том 2

Ответственный за выпуск В.В. Хапаев
Технический редактор А.А. Калмыкова

Электронное издание сборника доступно
в электронной библиотеке
eLibrary

Сдано в набор 20.01.2025. Подписано в печать 24.01.2025.
Формат 70*108 1/16. Гарнитура Bookman Old Style. Усл. печ. л. 31. Уч.-изд. л. 18,25.

ISBN 978-5-6052888-1-7

Севастопольский государственный университет
299053, г. Севастополь, ул. Университетская, 33.
Тел. (факс): +7 (8692) 43-51-95
Электронная почта: potiomkin_chtenia@mail.ru